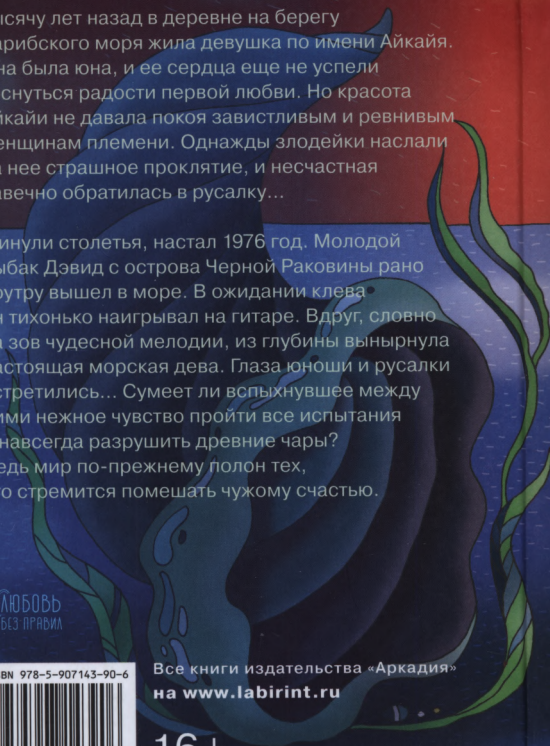

РУСАЛКА ЧЕРНОЙ РАКОВИНЫ

МОНИК
РОФИ

Тысячу лет назад в деревне на берегу
Карибского моря жила девушка по имени Айкайя.
Она была юна, и ее сердца еще не успели
коснуться радости первой любви. Но красота
Айкайи не давала покоя завистливым и ревнивым
женщинам племени. Однажды злодейки наслали
на нее страшное проклятие, и несчастная
навечно обратилась в русалку...

Минули столетия, настал 1976 год. Молодой
рыбак Дэвид с острова Черной Раковины рано
поутру вышел в море. В ожидании клева
он тихонько наигрывал на гитаре. Вдруг, словно
на зов чудесной мелодии, из глубины вынырнула
настоящая морская дева. Глаза юноши и русалки
встретились... Сумеет ли вспыхнувшее между
ними нежное чувство пройти все испытания
и навсегда разрушить древние чары?
Ведь мир по-прежнему полон тех,
кто стремится помешать чужому счастью.

ЛЮБОВЬ
БЕЗ ПРАВИЛ

ISBN 978-5-907143-90-6

9 785907 143906

Все книги издательства «Аркадия»
на www.labirint.ru

16+

Знак информационной продукции

ЛЮБОВЬ
БЕЗ ПРАВИЛ

МОНИК
РОФИ
РУСАЛКА
ЧЕРНОЙ
РАКОВИНЫ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Р79

Monique Roffey
THE MERMAID OF BLACK CONCH

Перевела с английского
Анастасия Рудакова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ирина Бабушкина

Издательство выражает благодарность
литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency*
за содействие в приобретении прав

Рофи М.

Р79 Русалка Черной Раковины : [роман] / Моник Рофи;
[пер. с англ. А. Рудаковой]. — СПб. : Аркадия, 2021. —
384 с. — (Серия «Любовь без правил»).

ISBN 978-5-907143-90-6

Жертва древнего проклятья русалка Айкайя вынуждена вечно скитаться в океане и быть всегда одинокой. Однако встреча с молодым рыбаком Дэвидом зажигает в ее душе свет. Неужели благодаря страстному чувству она снова сможет стать полноценной женщиной?

Захватывающие и вместе с тем трепетные романы Моник Рофи высоко оцениваются читателями по всему миру, и она не раз становилась лауреатом престижных премий.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© Monique Roffey, 2020
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2021

ISBN 978-5-907143-90-6

*Посвящается Ирме, Лоре, Иветт
и остальным прародительницам —
женищинам, от которых я веду свой род.
Пизе, Порт-Саиду, Порт-оф-Спейну.
Богине, музе, морским легендам,
из которых ты явилась мне*

Вчера (8 января 1493 года), когда Адмирал ходил к Рио-дель-Оро (на Гаити), он явственно разглядел трех русалок, высунувшихся из воды. Но они были вовсе не так красивы, как о них говорят, ибо лица у них, скорее, мужские. Адмирал сообщил, что прежде видел этих существ на побережье Гвинеи.

...Ее глаза были сухи — она не умела плакать. Она была обнажена, потому что не знала одеяний. Они испещрили ее тело татуировками с помощью окурков и тлеющих пробок...

*Пабло Неруда.
Басня про сирену и пьяниц*

Глава 1

«ПРОСТОДУШНЫЙ»

Дреды у Дэвида Батиста седые, а тело ссохшееся, как ветви затвердевшего черного коралла, но кое-кто в Сент-Констансе еще помнит, каков он был в молодости и какую роль сыграл в той давней истории, случившейся в 1976 году, когда белые парни из Флориды приехали ловить в море марлина, а вытащили русалку.

Это случилось в апреле, с появлением в прибрежных водах мигрирующих кожистых черепах. Некоторые говорили, что русалка приплыла вместе с ними. Те, кто промышлял в открытом море, утверждали, что встречали ее и раньше. Но большинство соглашалось, что белым не видать такой добычи, не начни эта парочка строить друг другу глазки.

Утром у берегов Черной Раковины благодать. Дэвид Батист частенько выходил на промысел ни свет ни заря, стремясь обставить других рыбаков по королевской макрели и луциану. Он направлялся к острым скалам в миле от Погибельной бухты, захватив с собой привычное барахлишко: косяк с отличной местной травкой и гитару — ветхий раздолбанный инструмент, подарок кузена Найсера Кантри, на котором научился кое-как бренчать. Дэвид бросал якорь близ скал, закреплял руль, раскуривал косяк и перебирал струны, пока над горизонтом не показывался белый неоновый солнечный диск, медленно и царственно восходивший в серебристо-голубых небесах.

Дэвид наигрывал на гитаре и мурлыкал себе под нос, когда над серой гладью моря, еще не окрасившегося в ярко-бирюзовые тона, вдруг возникла голова, облепленная ракушками и опутанная зелеными водорослями. Это была русалка, которая как ни в чем не бывало всплыла на поверхность и некоторое время наблюдала за рыбаком, прежде чем он огляделся и заметил ее.

— Пресвятая мать божья! — воскликнул Дэвид.

В тот же миг русалка скрылась под водой. Рыбак мигом отложил гитару и присмотрелся. Еще не полностью рассвело. Он протер глаза, словно для того, чтобы лучше видеть.

— Эй! — прокричал Дэвид в сторону моря. — *Дуду!*¹ Вылезай. *Мами-Вата!*² Вылезай же!

Мужчина прижал руку к сердцу — оно чуть не выпрыгивало из груди. Живот скрутило от волнения и трепета, ведь он понял, кого ему довелось повстречать. Женщина. Вдали от берегов. Не черная, как негритянка. Не желтая китаезка и не златовласка из Амстердама. И не голубоватая, как эти чертовы рыбы. Она была краснокожая! Краснокожая, как индианка. По крайней мере, в верхней части тела. Дэвид успел разглядеть ее плечи, голову, груди и длинные, черные, похожие на веревки волосы, сплошь в красных водорослях, актиниях и раковинах. Настоящая морская женщина!

Рыбак некоторое время таращился на то место, куда она нырнула. С подозрением покосился

¹ Дуду (креольск.) — милая, дорогая. *Здесь и далее — примеч. перев.*

² Мами-Вата (Мать Вод) — дух воды в языческой афро-креольской мифологии.

на сигарету с травкой: не обкурился ли он уже с утра? Встряхнулся и уставился на море, ожидая, когда женщина покажется снова.

— Вернись! — снова крикнул Дэвид в серую пучину.

Он запомнил, что русалка держала голову высоко над волнами и как будто изучала его.

Дэвид терпеливо ждал. Но не дождался. В тот день русалка больше не показалась. Он уселся в своем ботике и вдруг ни с того ни с сего принялся лить слезы по матери. По Лавинии Батист, своей милой матери, деревенской булочнице, что скончалась меньше двух лет назад.

Позднее, ломая голову над своим приключением, Дэвид припоминал истории, слышанные в детстве, все эти байки о подводных существах, полулюдях-полурыбах — правда, не о русалках, а о морских мужах. Легенда гласила, что жили они в морской пучине и иногда выбирались на сушу, чтобы совокупляться с речными девами, — давнишнее поверье, еще колониальной поры. Старые рыбаки любили посудачить об этом в прибрежном кабачке, принадлежавшем Се-Се. Бывало, засиживались до ночи, опрокинув не один стаканчик и выкурив не один косяк. Байка — она байка и есть.

Стоял апрель — время, когда кожистые черепахи мигрируют на юг, в воды Черной Раковины. Продолжается сухой сезон, на холмах полыхают, словно фейерверки из бабочек, желтые и розовые пиувы³, и цветет бесстыжее огненное дерево. С той поры, как эта краснокожая показалась из волн и исчезла, будто дразня его, Дэвид страстно мечтал увидеть ее вновь. Он ощущал приятную грусть, нежившую его душу. И травка была совсем ни при чем. В тот день в нем вспыхнул огонь, о существовании которого он раньше не подозревал. Дэвид испытал острую щемящую боль прямо там, в пологой впадине между ребрами, в солнечном сплетении.

— Вернись же, — проговорил он ласково и учтиво, после того как слезы по матери высохли, а кожу на лице стянуло от соли. Вон оно как вышло: русалка поднялась из пучины и выбрала его, скромного рыбака. — Вернись же, дуду, — позвал Дэвид еще ласковее, приманивая ее.

Но воды не всколыхнулись.

Следующим утром Дэвид вновь отправился к острым скалам близ Погибельной бухты. Он

³ Другое название — муравьиное дерево.

просидел несколько часов, уставившись на морскую гладь, но так никого и не увидел. Причем на этот раз он ничего не курил. Назавтра все повторилось. И на третий день... Четыре дня рыбак ходил на своем ботике к скалам. Глушил мотор, бросал якорь и ждал.

Никому не обмолвившись об увиденном, Дэвид теперь обходил стороной кабачок Се-Се — владения своей добродушной говорливой тетки. Избегая кузенов и дружков из Сент-Констанса, он каждый вечер возвращался в маленький дом на холме, окруженный банановыми деревьями, — дом, построенный собственными руками, где жил со своим псом Харви.

Молодой рыбак был на грани срыва. Он старался пораньше ложиться, чтобы поскорее настало завтра. Ему необходимо было снова увидеть русалку, убедиться, что в прошлый раз глаза его не обманули. Надо было затушить пожар, разгоревшийся в сердце, унять лихорадку, терзавшую душу. Прежде Дэвид не испытывал ничего подобного, к смертной женщине уж точно.

А на пятый день, около шести часов утра, когда он тренькал на гитаре, напевая церковный гимн, русалка появилась опять.

На этот раз она плеснула рукой по воде и что-то прочирикала, как птичка. Дэвид ничем не выдал своего испуга, хотя у него засосало под ложечкой и кровь застыла в жилах. Жадно наблюдая за морской девой, он не смел шелохнуться. Она преспокойно лежала на воде у левого борта — с виду подумаешь, будто девушка на плоту. Вот только никакого плота под ней не было. Черноволосая, черноглазая русалка пылливо изучала рыбака. Она наклонила голову, и тут Дэвид сообразил, что взгляд ее направлен на гитару.

Медленно-медленно, чтобы вновь не спугнуть незнакомку, он взялся за инструмент и стал тихонько мурлыкать под перебор струн. Русалка плавала рядом, разглядывая рыбака и неспешно рассекая волны руками и мощным хвостом.

К Дэвиду ее привлекла музыка, а не звук мотора, хотя тот тоже был ей знаком. Музыка творит волшебство, песня живет в каждом земном создании — и в русалке тоже. Морская дева давно не слыхала музыки, может, с тысячу лет, и, не устояв, всплыла на поверхность.

В то утро Дэвид исполнял для нее сладкозвучные гимны во славу Господа, выученные им

еще в детстве. Он распевал священные псалмы, исторгавшие у него слезы. Так прошла их вторая встреча: вокруг плескалось море, а они смотрели друг на друга — молодой влажноглазый рыбак с острова Черной Раковины со старой гитарой в руках и русалка, приплывшая с течениями из кубинских вод, где некогда ее знали под именем Айкайя.

Я исчезла однажды ночью, в большую бурю,
давным-давно
с острова, где жил когда-то народ таино⁴,
и племена другие до него.
Очертаньями напоминая ящерицу,
лежал тот остров на севере архипелага
и в то же время на западе.
Я видела море,
видела его славу,
видела его силу,

⁴ Таино — индейские племена, населявшие острова Карибского региона еще до открытия Америки европейцами и к XVII веку, вероятно, полностью вымершие.

силу его власти.
Познала гнев его я и страданье.
Я проплывала по его бархатистому дну
мимо кораллов и подводных городов
и рядом с островами проплывала.
Там, у берегов, на мелководье
я видела играющих детей.
Я плавала с медлительным стальным каноэ.
Избороздила весь архипелаг.
Носилась я со стаею дельфинов
и с рыбным косяком
размером с человека,
ныряла в океанские глубины.
Была б я женщиной, недолго прожила бы.
Лет сорок? Муж и дети,
жизнь на суше, рождение и смерть...
А вместо этого я обретаюсь в море
уже тысячелетье, даже больше.
Проклятие коснулось не меня одной.
Нас вместе со старухой изгнали,
она исчезла той же ночью, что и я.
Прошло так много лет, что сбилась я со счета.
Лишь помню, как промчался ураган,
чтоб унести меня подальше,
а ноги мои слились в огромный хвост.

Дневник Дэвида Батиста, март 2015-го

Когда я замечаю первых кожистых черепах, неизменно ликую. Я знаю: она, моя русалка, скоро появится и тоже будет рада нашему свиданию. С приходом апреля я начинаю каждый вечер высматривать ее. Она всегда знала, где меня найти: у острых скал, где мы впервые встретились, в миле от Погибельной бухты. Там безлюдно даже теперь, ведь чертову рыбу всю повыловили. Я жду Айкайю больше половины своей проклятушей жизни. С той давней поры у меня было много женщин, всякого сорта — и подруга, и мать моего ребенка, и любовница, — но ни одна в подметки ей не годилась.

Она была особенная.

Я уже стар и очень-очень болен. Так болен, что с трудом переставляю ноги и больше не могу работать, не могу выходить в море, вот и записываю свою историю. Сажусь и выпиваю бутылку-другую, заливаю тоску, топлю в этой бутылке горести своего гребаного сердца. После урагана «Розамунда» жизнь пошла кувырк-ком, ребята, все разметало к чертовой матери,

а потом, через год после нашего знакомства — да! — Айкайя вернулась.

После того как бедняжку выудили из моря и я забрал ее к себе, мисс Рэйн принялась учить ее говорить по-нашему. Порой, когда мы занимались любовью, у Айкайи вырывались незнакомые словечки. Это был древний язык ее народа, и она не слишком твердо его помнила. Давненько, стало быть, на нем не говорила. Мы с Айкайей, пока жили вместе, вызубрили на пару названия всех рыб из энциклопедии мисс Рэйн. Надо бы захватить книжку в ботик. Айкайе нравилось учиться, и она хотела знать по имени любую океанскую тварь. Я сам выучил половину имен — а ведь у каждой рыбы имеется к тому же латинское название. Так что теперь она — русалка, которая знает имена всех морских гадов на двух языках, а некоторых может назвать и на своем родном наречии.

Впервые заметив русалку, я здорово струхнул. Высовывается она из воды наполовину. Краснокожая, как индианка, вся покрытая чешуей и блестящая, словно отполированная. Откуда только нарисовалась, ребята? Я слышал, что-то плеснуло, а потом — *блямс!* Русалка тут как тут. До нее долетели гимны, которые

я распевал в тот день. Оказалось, ей пришлось по сердцу звук моего голоса, разносившийся над водой. Уже потом я узнал, что Айкайя приплыла к нашим берегам из кубинских вод. Лишь много позже она поведала мне свою странную историю, сказала, как ее зовут. Их вместе со старухой по имени Гуанайоа принесло течением. Помню, как Айкайя интересовалась энциклопедией. А ты, спросила, как называешься? И почему тебя нет на картинках?

Следующие несколько недель мы виделись чуть ли не каждый день. Русалка уже узнавала мой ботик по звуку мотора. Будто ждала. Я перестал мочиться в воду. Стал брать для этого старую канистру. Запасался терпением и часами сидел, дожидаясь русалку. Наконец в волнах мелькал большущий хвостовой плавник, огромный, как у черного дельфина. Внутри у меня теплело. Господи, ведь эта русалка миглом пробудила мою душу. Заставила сердце рваться из груди. А еще заронила во мне участие ко всякому зверью и рыбе, о которых мы ничегошеньки не знаем. До нашей встречи Айкайя бороздила моря в грусти и печали — так она говорила. Не знаю, как бедняжка выжила в этом огромном океане одна-одинешенька. Смелости

ей, видно, было не занимать, хотя меня она вначале побаивалась: мало ли что я удумаю, если поймаю ее. Мы с ней постоянно изучали друг друга взглядами, перед тем как она попалась американцам.

Однажды, еще при нашей первой встрече, русалка подплыла совсем близко к боту, и я сумел хорошенько ее рассмотреть. Головка гладкая-гладкая, изящная, глазки небольшие, черты мелкие. Айкайя походила на женщин из древнего племени таино, которых я видел в школьном учебнике истории. Лицо у нее было молодое, совсем некрасивое, и в этом я тоже углядел нечто древнее. На меня взидала девушка из глубины столетий. Я видел ее груди под тонким чешуйчатым покровом и перепончатые пальцы, опутанные саргассами. В волосах у нее тоже было полно водорослей, пряди черные-черные, длинные и кишат морскими гадами — ни дать ни взять корона из электрических проводов. Всякий раз, как русалка поднимала голову, волосы ее взвихрялись, будто в них застрял жгучий коралл.

А хвост! Бо-о-оже милосердный! Чего только не увидишь, особенно если живешь на природе, у моря.

Я хорошо разглядел эту часть русалочьего тела с лодки. Целые тонны блекло-серебристой чешуи. Хвост придавал морской деве могучий вид, вся она будто вырастала из него, как из корня. Мне тогда пришло на ум, что эта женщина-рыба, должно быть, тяжеленная, как дельфин. В ней фунтов четыреста-пятьсот, не меньше.

Увидев Айкайю впервые, я решил, что она явилась из той эпохи, когда Божий миропорядок лишь устанавливался, а твари земные еще обретали свой облик. Рыбы тогда выбирались из моря, отращивали конечности и обращались в пресмыкающихся. А это создание так и не достигло суши. Так я думал, пока русалка не поведала мне свою историю. Мне-то представлялась, что она застряла где-то посреди сотворения мира.

Я тогда был совсем молод. Я никогда не задумывался, что могу причинить Айкайе горе. Однажды мужчины уже сделали ее несчастной, а женщины проклинали: так она и стала морской русалкой, обреченной на одиночество, с лоном, замурованным внутрь большого хвоста. Те женщины хотели одного: держать ее подальше от своих мужчин. После того, как я спас Айкайю, мне в голову не приходило,

что кто-то из мужчин, в том числе и я, опять может обидеть ее.

Я часто играл на гитаре и пел для нее у скал близ Погибельной бухты. Увидев морскую деву во второй раз, я уже не забрасывал удочек — боялся подцепить ее на крючок. А все-таки янки поймали ее по моей вине. И только по моей. Русалка услышала звук мотора моего «Простодушного». Я ведь тогда вышел в море с ними, вот она и увязалась за их судном.

Глава 2

«НЕУСТРАШИМЫЙ»

После того как большой бостонский китобой⁵ «Неустрашимый» прибыл в конце апреля 1976 года на ежегодные рыболовные соревнования, проводимые на острове Черной Раковины, его владельцы, Томас и Хэнк Клэйсоны, стали набирать команду. В качестве местного спеца по островным течениям им рекомендовали Найсера Кантри. Найсер был знатный рыбак. Всего за год до того он добыл шестисотфунтового марлина, и фото этой зверюги, с «копьем»

⁵ Бостонский китобой — популярное в США небольшое моторное судно марки «Boston Whaler». Фирма-производитель основана в 1958 году и носит название американских парусных китобойных судов XIX века, хотя базируется в Эджуотере, штат Флорида.

на морде и всем прочим, напечатали на первой полосе «Газетт». Поэтому его наняли капитаном. Найсер, в свою очередь, взял в экипаж двух местных ребят, Колченожку и Николаса, — единутробных братьев, чья мать, склочница Присцилла, жила по соседству с Дэвидом на холме за поселком.

В следующие дни начали причаливать рыбацьи боты: «Морской дух», «Пилар», «Августовская луна», «Небесный вихрь», «Табанка», «Закат», «Мечта моряка». Многие прибывали в архипелаг с таких отдаленных островов, как Бимини и Багамы. Другие — из Гренады, с Сен-Китса и Невиса и Мартиники. Были лодки с Флорида-Кис, из Венесуэлы и Тринидада. Пришло даже одно судно из Колумбии. Рыбаки грезили о голубом марлине, меч-рыбе, паруснике, тарпоне, акуле. Каждое судно составляло отдельную команду с хозяином во главе, капитаном и экипажем, привезенными с собой или нанятыми на месте.

Обитатели Сент-Констанса потирали руки в ожидании заработка. Некоторые из местных оснащали свои катера балансирами и ящиками для приманок. Кое-кто прикупил мотор помощнее. К последней неделе апреля в Погибельной

бухте собралось и стояло на якоре судов сорок-
пятьдесят.

В пятницу вечером, накануне первого дня состязания, в кабачке Се-Се было яблоку негде упасть. Из динамиков на крыше горланили Чокдаст и Майти Спэрроу⁶. Посетители обменивались новостями, выпивали, трепались о том о сем, лакомились летучей рыбой, свежеспеченным хлебом, оладьями из соленой трески и жареной картошкой. Все местные рыбаки и мальчишки явились сюда, чтобы поужинать о лодках, стоявших в заливе.

На кухне целый день хлопотала сама Се-Се со своими помощницами, колдуя над карри из козленка и лепешками роти. Се-Се, обладательница зычного хриплого смеха и столь широких бедер, что ей приходилось протискиваться в двери боком, уверяла, что улов ожидается исключительный и весь май у нее будут подавать только жареную рыбу.

Двое янки из Флориды оказались отцом и сыном. Томас Клэйсон, отец, был одет в шорты

⁶ Чокдаст (род. 1940) и Майти Спэрроу (род. 1935) — популярные тринидадские исполнители песен в афро-тринидадском стиле «калипсо».

цвета хаки и резиновые рыбацкие сапоги, остатки шевелюры прикрывал замызганной капитанской фуражкой и попыхивал дорогой сигарой. Во время перехода из Майями лицо его заметно обгорело. Хэнк, его сын, носил шляпу-сафари, желтую футболку с надписью «Удача любит смелых» и кожаные сандалии с аккуратными белыми носками; ноги у Клэйсона-младшего были худые и бледные. На поясе болталось несколько перочинных ножей.

В субботу 24 апреля на рассвете китобой «Неустрасимый» вышел раньше других лодок. Условия для состязания сложились идеальные. Море спокойное, бирюзовое на мелководье и лиловое в глубине. Ветра ждать не приходилось: засуха, начинается сезон манго, вот-вот запылают лесные пожары. Дождя не было несколько недель.

Бот Дэвида «Простодушный» плелся за китобоем, мотор его громко урчал, нос рассекал гладь воды. Дэвид решил какое-то время сопровождать «Неустрасимого», отчасти из любопытства, отчасти опасаясь за ту, которая могла попасться им на крючок. Он не видел свою подругу русалку вот уже несколько дней

и предполагал, а главное, надеялся, очень надеялся, что она уплыла отсюда.

На борту китобоя было пятеро мужчин: Томас, капитан, его сын Хэнк, Найсер, Колченожка и сводный брат последнего Николас. На балансирах болталась наживка: два жирных кальмара, извивавшихся и барахтавшихся в волнах; кальмары были свежайшие — соблазнительная приманка для прожорливых подводных тварей. Янки, устроившись в специальных рыболовных креслах, пристально вглядывались в морскую даль. Один Бог знает, о чем думали в тот день отец и сын. Некоторые считают — побаивались. Другие утверждают, что не сомневались в себе. И все согласны в том, что эти ребята не знали вод Черной Раковины, а уж о местных обычаях и подавно не догадывались. Говорят, старик терпел неудачу во всем, за что брался в своей жизни.

Рядом с китобоем вырвалась из воды и прорвалась на плавниках стайка летучих рыб — верный знак, что где-то рядом хищник. Наверху, на ходовом мостике Найсер буравил глазами море, держа руки на рукоятке управления. Команде было не по себе. Янки ясно дали понять,

что времени на светские беседы не имеют — им нечего сказать даже друг другу, а экипажу и подавно. Янки сомневались в себе, нервничали. Поэтому все, кто был на борту, пляли в море и ощущали себя не в своей тарелке. Пустынная океанская ширь имеет способность отражать душевное состояние человека. Так оно и вышло. Водная гладь казалась бескрайней, под днищем судна колыхалась бездонная пучина. На суше такого не испытаеть.

Море ворочалось. Море могло проглотить судно целиком. Море было точно исполинская женщина, изменчивая и необузданная. Мужчин, устремивших взгляды на его поверхность, бросало в дрожь. Даже Найсер почувствовал, что у него съежились яйца, а по спине побежали мурашки.

Море тут называли голубой пустыней. Эти янки Найсеру не глянулись. Хэнк, тот, что младший, начал напевать, а его папаша брюзжал, не обращая на сына внимания. Они не доверяли остальным, только друг другу. Небо было прозрачное, совершенно безоблачное. Нещадно палило солнце. Ни птицы в небе, ни лодки на горизонте. Рыбаки сникли. Море отражало самые их души.

Прошел час, может, больше. Море проговорило: «Поосторожнее с желаньями. Я больше вас. Берите только то, что вам нужно». В общем, к тому времени, как все это случилось, экипаж оказался словно загипнотизирован.

На глазах у всех море на глубине внезапно вскипело; какая-то невидимая тварь цапнула наживку у правого борта. Леска сползла с балансира, медленно описала большую дугу и, едва коснувшись воды, туго натянулась.

— Ключуло! — крикнул Томас Клэйсон. — Охренеть!

У обоих американцев удилища были вставлены в держатели на сиденьях, между ног. Все на борту чувствовали, что клюет, но саму рыбу не видели. Леску тащило под воду в сторону от катера. Неведомый хищник, поймав наживку, быстро удалялся. Уходящая вниз леска была прицеплена к удочке Клэйсона-сына. Удилище изогнулось, и парни с Черной Раковины бросились к Хэнку, чтобы помочь ему пристегнуться к сиденью. Молодой Клэйсон уперся ногами в корму, руки у него затряслись, он выкрикнул: «Папа, это у меня! У меня ключуло!» Удочка так изгибалась, что казалось,

она вот-вот переломится или вырвется из держателя.

Найсер Кантри знал, что делать: надо любой ценой удержать рыбину у кормы, иначе леска лопнет. Он уменьшил обороты мотора почти до минимума. Удочка Хэнка Клэйсона согнулась чуть не пополам, леску все так же тащило в сторону. Юноша откинулся назад, пытаясь удержать снасть. Найсер чуть отвернул в сторону, чтобы рыба оказалась в кильватере. Мужчины наблюдали, как леска стремительно бежит в глубину, словно привязанная к быстроногому коню; было ясно, что им крупно повезло; они добыли то, за чем явились.

— Похоже, рыба-меч, — бросил Хэнк, ни черта не смысливший в рыбалке — это была его первая поездка.

— Голубой марлин, ясно как день. Судя по весу — самка, — возразил отец.

Команда с палубы наблюдала за натянутой леской; всех колотил озноб. Это только поклевка, настоящая борьба еще впереди. Юный Хэнк тянул на себя удочку и продолжал пялиться на леску, уходившую под воду.

— Тяни! — заорал Томас Клэйсон. — Тяни, что есть сил!

Его сын растерялся и начал дергать удочку, никак не воздействуя на леску. Рыба по-прежнему тянула в глубину.

— Вдруг она только прикусила наживку?! — крикнул Хэнк. — Может, эта гадина просто выматывает нас, забавляется, а на крючок не попалась?

— Рыба не настолько умная, — отрезал отец. — Она попалась, будь уверен.

— А если выплюнет наживку?

— Не выплюнет.

Хэнк Клэйсон упирался ногами в борт и изо всех сил тащил на себя удочку, состязаясь с тяжелым хищником в перетягивании лески. Тщетно. Леска по-прежнему уходила в глубину. По щекам Хэнка струился пот. Он забыл намазаться солнцезащитным кремом и уже покраснел как рак.

— Навались же ты! — командовал отец. — Давай, поднажми и вытаскивай!

Члены команды ошеломленно следили за происходящим. Старания юноши были напрасны. Леска уходила в глубину. Хэнк Клэйсон снова дернул удочку на себя, леска пронзительно тенькнула, и удилище, изогнувшись, чуть не вырвалось у него из рук. Найсер заложил

легкий поворот, чтобы удержать рыбу сзади. Он догадался, что Клэйсон-младший — новичок и добыча ему попалась не по зубам. Колченожка и Николас это тоже почуяли. Так мы еще долго проваландаемся, подумал Найсер.

Дэвид шел за китобоем на некотором отдалении. Он попыхивал косячком и не успел заметить, что там, впереди, клюет.

Они канителились с этой рыбиной битый час. Каждый из рыбаков мечтал отобрать у Хэнка удочку, каждый жаждал оказаться на его месте, но вмешиваться было нельзя. Леску на удочке Хэнка по-прежнему тянуло в глубину.

— Поднатужься, Хэнк, — раздраженно советовал отец.

Рыба ничуть не устала; она упрямо тащила леску. Хэнк опускал и снова поднимал удилище, опускал и снова поднимал — ничего другого ему не оставалось. В глубине души он мечтал передать кому-нибудь удочку; идея увеселительной рыбалки принадлежала вовсе не ему. Это был своего рода подарок, призванный сблизить сына с отцом. И вот Хэнку посчастливилось с уловом, а у него, как назло, адски схватило живот.

— Непусти ее, — предостерегал отец.

Теперь рыба, перепугавшись, тянула ко дну, уходила все глубже и отчаянно пыталась изменить направление. Найсер осторожно дал задний ход, чтобы ослабить натяжение лески.

— Господи, она же практически взяла нас на буксир, — проговорил Хэнк.

Меня заманил жирный кальмар.
Кто мог подумать, что кальмары так коварны?
Во рту у меня вдруг вспыхнул пожар,
меня потащило куда-то.
Приняв тарахтенье за зов «Простодушного»,
рвалась как могла я, но крючок не пускал.
Я долго тянула вниз,
все глубже, глубже, на дно океана.
На конце той лески была лодка янки,
а вовсе не мой «Простодушный».
Сначала казалось, что я сумею
утащить эту лодку на дно,
но сил не хватило.
Перепугавшись, ныряла все глубже и глубже,
в надежное убежище на дне,
во мглистые пучины океана.
Какая-то неведомая сила тянула из воды меня,

а в глотке полыхал огонь.
Я задыхалась.
Я в волнах тонула.
Я выпрыгнула из воды,
чтобы показать — они меня поймали.
Я женщина-рыба, пустите меня,
это большая ошибка.
Я устремлялась в глубь океана,
утратив надежду на выживание,
навстречу смерти плыла.
О, Дэвид, меня поймали янки,
а я ведь думала, что это ты.
Они меня поймали.
Дэвид, где ты?
Тебя здесь больше нет.
Пожалуйста, найди это письмо,
которое я сунула в бутылку.

Кожа Хэнка Клэйсона на солнце начала приобретать багровый оттенок.

— Мерзавка выдыхается, — заметил Томас Клэйсон. — Вылейте ему на голову воды, не то он подохнет от солнечного удара, пока выудит эту рыбину.

Колченожка подошел к ящику с приманкой, наполненному льдом, зачерпнул ведро и плеснул ледяной воды на голову Клэйсону-сыну. Сущая правда: белый человек запросто может помереть от солнечных ожогов; Колченожка о таком слышал. Белый ничего так не боится, как солнца; едва перегрелся — и каюк. Обморок, сердечный приступ. Колченожка окатил мальчишку-янки ледяной водой из ведерка. Того аж передернуло, к удовольствию рыбака.

Хищница явно вымоталась, но утащила почти всю леску, и тело Хэнка, державшего удочку, изнемогало от напряжения. Плечи и руки нещадно ныли.

— Скоро она вынырнет, — заявил Томас Клэйсон, пожевывая сигару. Этот человек всякого навидался в море. Он взял с собой сына, чтобы сделать из него мужчину. Чертов молокосос, книгочей паршивый. Даже стишки пишет, видите ли. Клэйсон отправил Хэнка в дорожную юридическую школу, но парень разочаровал его и тут, заявив, что будет защищать голодранцев, матерей-одиночек и иммигрантов. С сыном вышла промашка. Мальчик у них чувствительный, объяснила жена. Мимоза долбаная. И вот теперь сынуле попалась на крючок рыбина

весом, может, в тысячу фунтов. Томас Клэйсон мечтал, чтобы этот монстр бился сейчас на конце его лески; парень не справится, когда рыба начнет вырываться. Хэнк сумел удержать удочку, пока рыба тянула в море. Очень скоро пора будет сматывать леску. И все же Клэйсон-старший хотел, больше всего на свете хотел, чтобы сын поймал эту чертову тварь; вот было бы здорово! Подумать только, что за счастье иметь сына, способного на такой подвиг.

К тому времени «Неустршимый» умчался так далеко в море, что Дэвид развернул свой ботик к берегу. Он возвращался с намерением выпить рома в кабачке Се-Се, чтобы заглушить тревогу.

А на китобое Хэнк Клэйсон, вжавшись в сиденье и упершись ногами в корму, из последних сил тянул на себя снасть. Он опускал удочку и сматывал леску, опускал и сматывал. Леска постепенно поднималась, сначала по дюйму, потом по два, катушка становилась все толще.

— Строптивая, зараза, — сказал Хэнк. — Не терпится на нее посмотреть.

Рыбаки-островитяне снова вылили ему на голову ведро ледяной воды.

— Теперь полегче будет, держи ее крепко.

— Только не торопись, — посоветовал Томас Клэйсон.

Все пятеро оживились. Минул уже целый час. Рыбина выдохлась. Они ее почти одолели. Теперь главное — вести судно вперед, не сворачивая, и медленно вытягивать добычу из воды.

— Можете принести колу? — попросил Хэнк. — Пить до смерти хочется.

Леска начала уходить глубже.

— Приготовься, Хэнк! — крикнул отец. — Она вот-вот появится.

Паренек и сам понял, что рыба собирается выпрыгнуть из воды. Найсер не спеша дал задний ход.

— Эта тварь сейчас вынырнет! — заорал Клэйсон-отец. — Гадина проклятая, вот она! Подымай удочку!

Темная морская гладь разверзлась. Русалка вырвалась из воды; волосы ее топорщились, будто клубок проволоки, руки в прыжке были заведены назад, покрытое чешуей тело сверкало, трепыхался хвост, огромный и мускулистый, как у обитателя океанских бездн. Она устремилась ввысь, изогнувшись в воздухе так, что перевернулась на спину. Мужчины увидели

голову, груди, живот и женский лобок, переходивший в сверкающий рыбий хвост.

— Боже всемогущий! — воскликнул Томас Клэйсон.

Найсер перекрестился.

Рыбаки с Черной Раковины разом ахнули.

— Обрезай леску! — взревел Найсер Кантри. — Обрезай леску, черт тебя дер!

Все пятеро ужаснулись, когда русалка, извиваясь, ударилась об воду. Рот у нее был в крови, она только начинала борьбу. На крючке у Хэнка оказалось дикое существо, яростно пытавшееся освободиться.

Найсер знал, что им попалась добыча, на которую они не имели права. Он спрыгнул с ходового мостика с ножом в руке. Русалка, или кто там она была, должна остаться в море. Такой улов не по нем. Эта тварь слишком велика для «Неустрашимого». Она запросто может перевернуть судно.

— Руки прочь! — рывкнул Томас Клэйсон, когда Найсер наклонился, чтобы обрезать леску. — Не трожь! На кону миллионы долларов. Миллионы! Мы ее вытащим, голову даю на отсечение, вытащим!

Русалка теперь находилась на поверхности воды, бешено изгибаясь, точно акула-мако, руками пытаюсь освободиться от лески, харкая кровью и пронзительно воя.

— О боже... — запинаясь, выговорил Хэнк. — Вы это видели? — Его руки, державшие удилище, тряслись.

Отец решил забрать у него снасть. Местные рыбаки, Николас и Колченожка, попятились от кормы. Им обоим, как и Найсеру, было ясно: дело дрянь. А ну как им попался злой *джамби*?⁷ Они не станут помогать. С перепуга рыбаки онемели и растерялись. Белые хотят выудить из моря неведомое существо. Но видно же: эта рыба — наполовину женщина. Все слышали про морских мужей, живущих в водах Черной Раковины, но морская дева? Нет. Русалка сулит невезение, и это самое меньшее, волосы-то у нее — сущий страх: щупальца, небось, ядовитые. Перетравит она всех. А на спине у нее видны шипы. Точь-в-точь как у морского ерша. На конце лески металась истерзанная, взбешенная женщина, а эти белые вздумали

⁷ Джамби — духи мертвых в афро-креольской мифологии.

поднять ее на борт. Нет уж, ребята, сказал себе каждый из рыбаков.

Русалка снова ушла под воду. На лице Клэйсона-младшего застыли ужас и смятение.

— Держи ее! — взревел отец.

— А что я, по-твоему, делаю?! — огрызнулся сын.

— Продолжай идти задним ходом! — крикнул Томас Клэйсон Найсеру.

Перед мысленным взором рыбака замелькали зеленые купюры. Будь Найсер один, он отпустил бы русалку в море, но после слов Клэйсона-старшего его осенило: вот он, шанс купить новый катер, машину, открыть небольшое дело. Подумать только! Найсер щелкнул рукояткой управления и замедлил ход катера. Двигатель глухо заурчал. Найсер почувствовал, как в нем разгорается любопытство. Сколько за нее дадут? Он медленно правил на русалку. Натяжение лески ослабело. Клэйсон-младший поднимал и опускал удилище, поднимал и опускал, и леска быстро наматывалась на катушку. Русалка скрывалась под водой.

— Эта зверюга фунтов шестьсот весит, — заметил Томас Клэйсон.

Поверхность моря снова стала ровной и пустынной. Воцарилась тишина, нарушаемая только скрипом катушки.

— Ты ее видел? — спросил Хэнк.

— Да, черт возьми, — ответил ему отец.

— А титьки видел? — У ошеломленного своим уловом Хэнка внезапно развязался язык.

— Да, черт возьми.

— А лицо?

— Да.

— А руки видел?

— Да.

— А... лобок?

Мужчины дружно закивали.

— Продадим ее Смитсоновскому институту, — заявил Томас Клэйсон. — Или Рокфеллеровскому. На опыты.

Леска постепенно сматывалась. Следующие двадцать минут мужчины напряженно вглядывались в море за кормой; каждый прикидывал про себя, что будет, если они все-таки поймут морскую деву, и от волнения у всех свело животы. Никто не знал, чего ждать. Люди продолжали таращиться на воду и прислушиваться к скрипу катушки. Русалку вот-вот вытащат, но она все не сдавалась.

— Осторожнее, мы еще не вытянули, — предупредил Томас.

Найсер знал, как может обернуться дело, и он снова прибавил скорость.

— Приналяг потихоньку, — сказал Клэйсон-старший.

Вот уже почти два часа Хэнк тащил из моря русалку, и все его тело ныло от перенапряжения.

Леска вновь начала разматываться.

— Глуши мотор!

Найсер остановил двигатель.

Катер потащило назад. Хэнк Клэйсон сматывал леску, но чем короче она становилась, тем сильнее тянула русалка.

Остов судна затрещал. Русалка перетягивала леску на себя. «Эта морская обитательница, должно быть, сама весом с небольшую лодку, — размышлял Найсер. — Если она ушла под днище, то как бы не перевернула „Неустрасимого“».

Проходила минута за минутой. Безмятежное море отливало стальной голубизной. «Берите только то, что вам нужно», — шептало оно.

— Твою мать! — выругался Томас Клэйсон. — Она ушла под катер!

Они наблюдали и ждали. Огромная тень медленно скользнула под днище. Один толчок могучей спины — и все они полетят вверх тормашками. Клэйсон-отец отстегнулся, встал с сиденья, взгляделся в глубину, присвистнул.

Морская гладь снова разверзлась. Русалка нырнула у левого борта. На этот раз в ней было больше от рыбы, чем от женщины, и сила ее стала очевидна. Морская дева вырвалась из волн, блеснув широкой серебристой лентой хвоста, и устремилась ввысь; ее всклокоченная шевелюра взметнулась, окровавленные губы прорезала леска. Затем она всей тяжестью рухнула обратно, ударив по воде хвостом и вызвав мощный всплеск. Китобой заметно накренился на левый борт. Русалка рванулась прочь, увлекая за собой судно. Местные рыбаки закричали, что нужно обрезать леску. Томас Клэйсон тоже запаниковал: если сейчас завести мотор, натянувшаяся леска лопнет, и они останутся без добычи.

Русалка нырнула в глубину, судно накренилось, и мужчины повалились друг на друга — все, кроме Хэнка, пристегнутого ремнями к сиденью.

— Тащи ее! — заорал ему отец. — Сцапай стерву!

Судно снова дало крен, а потом содрогнулось, словно кто-то вторгся в самое его чрево, словно русалке было под силу вырвать с корнем рубку или корму, словно она могла разнести китобой в щепки.

Зажужжала катушка. Хэнкову удочку потащило в море. Было ясно, что он ее не удержит. Парень совсем измаялся и пал духом. Он испугался своей добычи. Катер дал сильный крен, его тащило назад. «Неустрашимый» был в открытом море, земля исчезла из виду.

Отец вырвал удочку у сына и продемонстрировал свое рыболовное искусство. Ему уже попадалась крупная рыба; он не боялся. Клэйсон-старший понимал, что впереди у них еще пара часов борьбы. Противостояние только начинается. Русалка измотана, но ведь и силищи у нее хоть отбавляй.

— Дайте выпить, — приказал Томас Клэйсон, ни к кому лично не обращаясь. — Там, в сумке, фляжка с ромом. Принесите ее мне.

Найсер стал прозревать ход событий. Человек против добычи: схватка не на жизнь, а на смерть; человек против морского существа, и существо это — наполовину женщина. Белый старик поменялся местами с сыном и пристегнулся

к сиденью. Колченожка принес ему флягу с ромом. Этот человек — хозяин на китобое; сейчас он покажет своему облажавшемуся отпрыску, как удить рыбу. Настала его очередь.

— Прибавь-ка чуток газу, — велел Клэйсон-старший Найсеру.

Легкие мои наполнились водой,
но море знаю я получше этих янки.
Я оказалась в море из-за женщин,
призававших на подмогу ураган,
а ныне же мужчина хочет вытянуть меня из моря.
Мне нестерпимо больно.
Еще один рыбак хватается за леску.
Во рту моем крючок.
Уж лучше б я ушла на дно и умерла.
Могла бы я перевернуть каноэ
и вытряхнуть людей за борт,
ведь я большая рыба, тяжелая.
Я б уплыла с течением:
оно довольно сильное
и мне бы помогло.
Я уплыла бы прочь, нырнув в пучину,

но мне было страшно до безумия.
Я вырывалась, но не могла уплыть.
Уж лучше б я ушла на дно и умерла.
Мне довелось узнать позор когда-то,
когда обычной женщиной была я
давным-давно, лет с тысячу назад.
С тех пор жить в одиночестве и без любви
обречена проклятием жестоким.
Именем богини Хагуа проклинали меня.
Я волею ее все эти годы одинока.
Я скучаю по своей жизни на Черной Раковине.
Я снова стала женщиной обычной,
когда меня поймали.

Томас Клэйсон отхлебнул из фляжки. Николас и Колченожка вылили ведро ледяной воды теперь уже ему на голову. Клэйсон-младший сгорел чуть не дотла и потерял всякое самообладание, хотя именно он провернул львиную долю работы. Юноша плеснул рома из фляжки на свои саднящие, кровоточащие ладони. Борьба продолжалась третий час. За удочку теперь взялся отец. Томас Клэйсон уперся ногами

в корму и стал молча, не сотрясая попусту воздух, крутить катушку, опускать и поднимать удилище, сматывать леску. Найсер на ходовом мостике медленно вел катер вперед. Леска была натянута почти до предела, чтобы только не лопнула.

— Ну и сильная же тварюга, — процедил Томас Клэйсон. — Будто полдюжины мужиков.

Тут леска снова начала разматываться. Клэйсон зажмурился, покрепче уперся ногами в борт и потянул удилище на себя. Русалка кружила вокруг катера. И хотя рыбакам удалось отвоевать значительную часть лески, теперь она снова начала разматываться. Морская дева опять уходила на дно; сначала она всплыла на поверхность, а потом нырнула в глубину.

— Видать, она рвется вниз, чтобы умереть, — промолвил Николас.

Это были первые слова, сказанные им за весь день. Молодой островитянин чрезвычайно встревожился из-за всего виденного. И зачем только кузен Кантри вписал его в затею с рыболовными соревнованиями! Николас тогда решил, что неплохо бы подзаработать, тогда он свозит свою подружку в кино в Инглиштаун.

— Видать, она нырнула, чтобы умереть. Пытается утопиться.

— Заткнись! — отрезал Томас Клэйсон.

Остальные не вмешивались и наблюдали. Леску снова потянуло в воду, но уже не так быстро.

Старик опять начал крутить катушку и сматывать леску, крутить и сматывать. Он знал, что добудет эту тварь, он непременно одолеет ее. На своем веку Клэйсон наловил много крупной рыбы и хорошо понимал суть игры: силы всегда неравны. Искусство в том, чтобы выудить добычу, но отнюдь не в том, чтобы добиться перевеса. Меч-рыба будет бороться до последнего. Но у нее нет шансов, дело же вовсе не в этом. Клэйсону была по душе игра, которую вела рыба. Ее терпение, ярость, зрелище борьбы. Важен не расклад сил. Старик ведь ни разу не упустил добычу. Теперь, однако, все иначе. Ему не терпится увидеть, как ее подвешат вверх тормашками на причале. Можно представить, какие фотографии появятся на обложках «Лайф» и «Нэшнл джиогрэфик»; новость облетит весь мир. Томас Клэйсон будет королем аукциона. Это его последняя добыча, можно уходить на покой.

Леска снова натянулась, и Клэйсон-старший опустил удилище. Оно согнулось дугой, и — да, да! — в воде снова показалось туловище русалки. Теперь она против своей воли быстро приближалась к катеру, не в силах соскочить с крючка; старику оставалось только сматывать леску и опускать удочку, сматывать и опускать. Скоро, совсем скоро русалку поднимут на палубу.

— Приготовьте багор, — приказал Клэйсон, но рыбаки не шелохнулись. Они успеют вступить в дело, и русалка еще поборется. Ведь ее волосы — наводящая ужас косматая грива воина.

В конце концов русалку — истекавшую кровью, усталую, ростом чуть не с катер — подтащили к «Неустрасимому». Вблизи она производила устрашающее впечатление; вне всякого сомнения, это была самая настоящая женщина — плененная и умиравшая там, под водой. Ее длинный хвост слабо шевелился, плавники трепетали, словно гребные винты, изо рта сочилась кровь. Островитяне вылупили глаза. Им казалось, они совершили кощунство, преступили

черту дозволенного. Надо вытащить крючок у нее из рта и отпустить ее обратно в морскую бездну. Они лицезрели редкостное существо; длинные спутанные локоны облепляли русалочье тело, а вдоль хвоста струились серебристые токи воды.

— Подымайте ее, — распорядился Томас Клэйсон.

Рыбакам удалось набросить веревочную петлю на хвостовой плавник, старик, перегнувшись через борт, собственноручно вонзил багор в бок русалке, и она забилась в корчах.

Четверо мужчин подняли морскую обительницу с помощью багра и веревки, и наконец она с громким плеском, в потоках воды и рыбы рухнула на палубу, сразу заполнив собой все пространство. Бедняжка была едва жива после многочасового заплыва с застрявшим во рту крючком, а теперь в боку у нее вдобавок торчал стальной багор. Окровавленная, оглушенная, хрипящая, она озидала своих мучителей оловянными глазами.

Страх какая у нее была шевелюра — жгучий клубок разной морской дребедени. Вместе с женщиной-рыбой на борт попала медуза — комок

длинных синих щупалец. С русалочьих плеч, словно пряди косматой бороды, свисали красные водоросли. Изгибы бедер испещрили морские желуды. Торс был крепкий, мускулистый, сплошь покрытый тонкой чешуей, словно одеянием из акульей кожи. Русалка кишела морскими вшами. Ее диафрагма, вздымаясь, открыла взглядам широкие прорезы — жабры, имевшие столь острые края, что ими запросто можно было порезать палец. Мужчины дружно попятились. Сложенные шипы на ее хребте, напоминавшие спицы закрытого зонта, расправившись, оказались мощным плавником.

— Боже всемогущий, — прошептал Найсер.

Перед командой «Неустрашимого», хрипя и истекая кровью, распростерлась русалка. Мужчины внимали ее громкому натужному дыханию и ошарашенно таращились. Все они сознавали, как горька участь женщины, обреченной на морское одиночество. Прыгнула ли она с корабля? Или мать ее спуталась с каким-то морским гадом? Каждый из рыбаков чувствовал, как бешено колотится сердце, объятые страхом и изумлением при виде этой полуженщины-полурыбы. Она обводила их взглядом,

полным бесконечного презрения. Она отчаянно боролась за то, чтобы остаться в океане.

Мужчины ощутили, как дрогнули их чресла. Старику захотелось вытащить свой пенис и помочиться на нее. Молодые рыбаки из всех сил старались справиться с восставшей плотью. Русалка притягивала как магнит. Перед ними была женщина — плененная, оглушенная, полумертвая, полунагая и девственно юная. Какой мужчина не засмотрится! Она отплевывала морскую воду; казалось, соленая жидкость вытекала из самого ее нутра. Вода сочилась из жабр. Однако, вытщенная из моря, русалка не задыхалась, как обычная рыба. Она жадно глотала ртом воздух, как истерзанный жаждой ребенок, что борется за жизнь. Волосы ее, разметавшиеся по палубе, шевелились. Вокруг подышали бесчисленные рыбы-лоцманы. Теперь она казалась меньше ростом, чем в море.

— Влейте ей в жабры чуток рома, — предложил Колченожка.

— Нет, еще концы отдаст, — возразил старик Клэйсон. — Свяжите ей руки.

Молодые рыбаки с Черной Раковины смутились, затем попятились. Никто не хотел иметь

дело с русалкой — однако она здесь, на судне, бьет хвостом о палубу. Причудливая померь женщины и рыбы. Только и остается, что ошалело пожирать ее глазами. Хвост у нее гибкий, сильный, отливающий маслянистой радугой. На руках — волнистые перепонки; запястья унизаны перламутровыми браслетами. Когда русалка раскрывает ладони, видно, что пальцы у нее тонкие и худые; перепонки играют розоватыми переливами.

— Хочу тебя, — прошептал Колченожка, отступая назад и прижимая руку к губам.

Найсер знал, что земля далеко, но стоит прибавить газу — и скоро они будут на берегу; вот только тошно тащиться домой с таким уловом. Страшно представить, как будут глумиться и потешаться над ним дружки, увидев эту полу-женщину-полурыбу, какой поднимется из-за нее переполох.

Хэнк и Томас Клэйсон связали русалке руки и заткнули рот. Оба пили холодное пиво. Хэнк заснял ее на свой «кодак-полароид». Отец и сын, ухмыляясь, вглядывались в угрюмое лицо жертвы. Русалочьи зубы впивались в веревку. Несчастная была насмерть перепугана.

Ее потрясение бросалось в глаза, и все же она не вызывала сочувствия у янки. Во всяком случае, у отца. Он все таращился и никак не мог насмотреться на свою добычу. Чего только не выудишь из моря. Вот так диво дивное! Он посадит ее в цистерну и самолетом отправит домой.

Старик покосился на сына. Юный Хэнк Клэйсон, по правде говоря, еще девственник. Он не овладел мужскими навыками затаскивания девушек на вечерние свидания, а тем более под венец. Хэнк видел, что другим парням — школьным качкам — это не стоило ни малейшего труда, и со временем сдался. Он был эстетом. Читал классиков, хотя и в переводе. Однажды в его жизни появится женщина особого склада, та, которая будет его понимать. А сейчас подвернулась эта подводная чаровница. Хэнк, как и остальные рыбаки, здорово возбудился на нее. В конечном счете морская рыбалка оказалась волнующим приключением; пожалуй, ему даже захочется повторить. Шутка ли — впервые подцепить девушку. Он напишет о ней стихи, а то и целый венок сонетов. Не пожалеет сил, чтобы прославить в веках свою первую

женщину — эту Елену, явившуюся из Атлантиды, эту таинственную наяду.

На русалочьи волосы плеснули красного рома, чтобы усмирить буйную шевелюру, а потом накиннули ей на лицо кусок старого брезента, чтобы она не смотрела своими серебристо-черными, полными ненависти глазами.

На обратном пути говорили мало. До заката оставался час. Русалка непрерывно стонала. Она так яростно металась и билась о палубу, что мужчины забеспокоились: как бы не выпрыгнула за борт. Томасу Клэйсону пришлось вырубить пленницу, стукнув ее по голове металлическим ящиком для рыболовных снастей.

— Теперь домой! — приказал он Найсеру.

Всю обратную дорогу море было спокойно; над водой, освещенные заходящим солнцем, плыли низкие розоватые облака. Мужчины крепко задумались, каждый о своем. Найсер размышлял, что еще утром он был так доволен и своей постелью, и женщиной, и домом, и вообще жизнью. Ему даже начала нравиться крошечная избушка, которую они с женой арендовали у мисс Аркадии Рэйн. Теперь все виделось

в другом свете: ему казалось, будто он совершил преступление. Он никогда бы не нанялся к белому, которого невзлюбил с первого взгляда.

Всю жизнь Найсер был рыбаком. С семнадцати лет он ежедневно выходил в море на рассвете и возвращался к полудню. Однообразным трудом добывал себе пропитание и мало что повидал в жизни. Однажды поймал редкого пятнистого групера размером с небольшого теленка; понадобилось трое мужчин, чтобы перенести его из лодки в кузов грузовика, отправлявшегося в Инглиштаун. Рыба подыхала больше часа. В итоге ее разрубили на толстые упругие стейки прямо на пристани и продали в один из больших отелей. Найсер ловил акул, и кожистых черепах, и разнообразных скатов — словом, все, что попадалось; за год до того выудил крупного марлина. С тех пор, как себя помнил, он каждый день видел рыбаков, уходивших в море, а потом возвращавшихся с уловом. На берегу стоял каменный рыбный амбар — возле него Найсер и вырос. Рыбаком был и его отец, и все остальные мужчины на севере острова. И хотя Найсер не раз слышал байки о морских мужах, ему не доводилось видеть ничего похожего

на диковинное существо, выловленное ими сегодня. Не по душе ему эта полуголая баба с рыбьим хвостом. Не по душе блестящие сердитые глаза, что уставились на него. Тварь стенает так, будто она настоящая женщина, вроде его матери, сестры или тетки, будто стоит ей немного отдышаться — и заговорит по-человечьи.

Когда они перетащили свою добычу на причал, она была все еще связана и без сознания. Дыхание ощущалось, но слабое. Русалка поменяла цвет. Хвост потускнел и приобрел буроватый оттенок. Туловище словно было облеплено отсыревшими ободранными обоями. Возможно, морская дева долго не проживет. Возможно, она уже умирает. Русалка явно стала меньше. На причале болтались, подвешенные за хвосты, два голубых марлина, огромные, точно говяжьи туши. Кругом было пришвартовано много лодок. По берегу слонялся народ; рыбаки спешили к Се-Се пропустить пару-тройку стаканчиков. Солнце уже садилось.

Русалку вздернули вниз головой рядом с марлинами, выставив на всеобщее обозрение; ее смертоносная шевелюра поникла, руки были

связаны за спиной, грудь обнажена. Вокруг теснились мужчины, всем хотелось дотронуться до нее, и некоторые отваживались на это. Они тыкали пальцем в хвост, щипали его. Один храбрец протянул руку и погладил шершавую кожу на русалочьем животе.

— Эй, красотка, — боязливо вымолвил он.

Кругом засмеялись.

Другой зевака осмелел еще сильнее и потрепал ее соски, твердые, как камешки. От его прикосновения бедняжку передернуло.

Хотя русалка съежилась, все же она была крупнее, чем марлины. Никто не находил слов для Клэйсонов. Многие лишь изумленно глазе-ли. Кое-кто стал припоминать байки о встречах с морскими мужами близ Черной Раковины, однако на острове не слыхали о морских де-вах, и уж конечно ни одному местному рыба-ку не попадалась такая добыча. Поблизости не было телефона, чтобы разнести известие во все концы, сообщив его, к примеру, газет-ным репортерам. Завтра кто-нибудь непременно займется этим. Некоторые иностранные рыбаки вытащили фотоаппараты. Вспышки так и свер-кали. Русалка вздрагивала, будто они причиняли

ей боль. Мягкий желтоватый дневной свет постепенно угасал; новость докатилась до бара, и мало-помалу причал заполнился усталыми подвыпившими просоленными рыбаками.

Найсер, Колченожка и Николас испарились. Найсера ждали большая миска *пеллау*⁸, кружка холодного пива и кровать; двое остальных скрылись в поселке за баром. Никто из этой троицы не был горд собой. А деньги можно забрать и завтра утром.

Из разглагольствований, споров и догадок рыбаков стало понятно, что возникло затруднение. В конце состязания добычу обычно взвешивают и отрезают в качестве трофеев головы и «мечи». Рыбу отправляют в амбар; ее потрошат, чистят, разделявают и продают. Но куда девать эту девушку с рыбьим хвостом? Как с ней поступить?

Что она такое: рыба или мясо? При мысли о том, чтобы разделать русалку, мужчины посмеивались. А сколько в ней будет живого веса?

Русалка Айкайя болталась на причале вниз головой, рот ее был стянут веревкой. Из глаз сочилась какая-то соленая жижа. Несчастливая

⁸ Пеллау (пелау) — креольское блюдо из риса, овощей и мяса, род плова или пазльи.

не понимала, что говорят эти люди, но по глумливому тону было ясно, что ничего хорошего их речи не предвещают. Она помнила мужчин: когда-то они часто ее посещали — мужа, холостяки... Приходили слушать ее песни, смотреть, как она танцует, ей было трудно держать их на отдалении; а деревенским женщинам все это очень не нравилось.

Клэйсон-сын пребывал в жестокой печали. Он слишком быстро накачался пивом; азарт противоборства и радость победы лишили его сил. Тело ныло после многочасовой возни с удилщем. Хэнк бесило, что толпа мужчин глазеет на нагую русалку. Ему хотелось прикрыть ее. Как он желал, чтобы ее не увозили прямо сейчас. Про себя Хэнк уже звал ее Еленой. Парня обуревало смятение. Дева застонала, вероятно, приходя в себя после удара по голове. Окружающие, очевидно, не имели ни малейшего понятия, как поступить с обнаженной наядой. Рыбаки пожирали ее взглядами. Это чудо природы погибало прямо у них на глазах.

Начался дождь. Какой-то рыбак громко рыгнул и ретировался в бар. Другие последовали его примеру.

Хэнк Клэйсон спрашивал себя, будет ли он снова таким, как прежде. Как после всего случившегося он найдет себе пару? Русалки же бывают только в сказках. Хэнку хотелось забыть о ней навсегда, вырвать ее из сердца. Он побрел вслед за остальными в бар, чтобы нарезаться вдрызг, до потери сознания.

Спускалась ночь, русалку заливало дождем. На дальнем конце причала зажегся оранжевый огонек. Дождь лил и лил. Дева начала дрожать, постепенно приходя в себя. К ней приставили для охраны какого-то субъекта. Томас Клэйсон сунул ему в руки сотню долларов и, уходя, сказал, что по возвращении даст еще столько же. Сторож был невысокий мужчина с густыми, но аккуратно подстриженными усами и в бейсболке, надвинутой на глаза. Он прибыл из Майами и наблюдал из-за спин остальных зевак. Этот человек тоже пил — красный ром с колой и льдом. Когда все ушли, он вынул изо рта сигарету и загасил о живот русалки. Потом расстегнул ремень и молнию на шортах, вытащил свой дряблый розовый член и показал его морской деве, осведомившись, не хочет ли она взять его в рот. Ему еще никогда не отсасывала русалка. Он размахивал перед ее глазами своим

мясистым причиндалом, напоминавшим жирного червя.

— Смотри-ка, — говорил он. — Хочешь отведать?

Потом провел им по ее лицу, расхохотался и сказал, что он единственный мужчина на земле, который поймает русалку, после чего схватил ее и попытался взять сзади. Он будет трахать ее здесь и сейчас, если сможет. Американец громко объявил об этом в ночной мгле, обращаясь к русалке, которая в прошлой жизни повидала немало мужчин, жаждавших сношаться с нею.

Потом он обильно помочился ей на бока, размахивая членом так, будто поливал ее из шланга. Моча была горячая и воняла аммиаком и ромом.

Русалка впилась в него ненавидящим взглядом.

— Пошла ты в задницу, — пролепетал американец с растяжкой и, покачиваясь, побрел по причалу к кабачку Се-Се, напрочь забыв о том, что его оставили сторожить улов. В питейном заведении яблоку было негде упасть, и все судачили только о русалке. Каких только историй не рассказывали той ночью, и каждому было что сообщить: одни твердили, что русалки

сулят удачу, другие — что предвещают беду, болтали, будто они глотают лодки целиком и спариваются с косатками, что у них вообще-то есть клитор — маленькая устричка, за-прятанная где-то в хвосте; и все дружно потешались над этими байками. Мужчины смаковали русалку, как спиртное. Томас Клэйсон проставился на всю компанию. Старик был одурманен, счастлив, изнурен; он чувствовал, что под конец жизни, которая принесла ему сплошное разочарование, совершил нечто великое. Вот возьмет и разведется с женой. И уж точно купит себе катер побольше!

Глава 3

СНОВА НА СУШЕ

Дневник Дэвида Батиста, апрель 2015-го

Да, когда я увидал, как она висит вниз головой, похожая на перевернутое распятие, сердце мое остановилось и кровь застыла в жилах. Итак, русалка поймана. Сбылись мои худшие опасения. Я целый час сопровождал катер, но разошелся с ним до того, как ее подцепили на крючок. Они ушли слишком далеко в открытое море. Я возвратился на берег; у меня уже свербела нехорошая мыслишка, что русалка может поплыть на звук моего мотора и угодить в западню. Вот я и повернул назад, но было поздно. Я один виноват, что чертовы янки выловили ее и привезли на берег полумертвой. Увидев

русалку подвешенной за хвост, со связанными руками и заткнутым ртом, будто краб на продажу, я было решил, что она уже мертва. Мне было невмочь, ребята, видеть ее в таком положении, и я быстренько сообразил, как перерезать веревку. Я боялся, как бы чего не случилось. В этих краях подвыпивший обормот способен на всякое. Мисс Рэйн такое пришлось бы не по нутру. Я это понимал. Она весьма щепетильна насчет обращения с женщинами.

Я прикатил с соседского двора тачку, закинул ее в кузов своего пикапчика и тихонько подъехал к причалу. В кабачке Се-Се было полно народу, все трепались и выпивали; я проехал мимо, приметив кучу знакомых. К счастью, пошел дождь. Никому не хотелось выходить. Я добрался до причала и увидел русалку висящей рядом с большим марлином. Я вспомнил, какая она была там, в море, у скал близ Погибельной бухты, как наблюдала за мной. Тогда мы глаз не могли оторвать друг от друга. И я бесконечно задавался вопросом, как и для чего сотворил ее Господь. Сколько раз я повторял: «Появись, дуду, появись же». И вот теперь я мчался по причалу с тачкой и мачете.

Дождь хлынул еще сильнее. В свете фонаря тело русалки казалось холодным и тусклым. Глаза были закрыты. Но я заметил, как вздымается и опадает ее грудь. Я двумя сильными ударами перерубил веревку, и пленница упала, не поместившись в подставленную мной тачку целиком. Бедняжка камнем свалилась вниз, будто большая змея. Я понимал, что у меня в запасе всего несколько минут, чтобы увезти ее отсюда. Я накрыл мою русалку брезентом и быстро покатил тачку к машине. Мне стоило неимоверного труда взвалить деву на плечи и быстро переложить в кузов.

Вернувшись, я притащил в дом шланг и выбросил из ванны все, что там хранилось: старый лодочный двигатель, запчасти для ботика и прочее барахло. Сам я мылся из ведра на заднем дворе. Я и сейчас живу в том доме. Он построен моими руками тридцать лет назад на земле, которую, по словам мисс Рэйн, я мог бы со временем выкупить у нее. Я возвел свое жилище из дерева и бетона, которые выпросил или одолжил, — словом, из тех материалов, что остались у моих кузенов после постройки их собственных домов. Уже тогда здесь были два этажа и уголок для готовки с маленькой газовой

плиткой на две конфорки. У меня имелись стол, два стула и большая кровать наверху. Электричества не было. Вечером я зажигал керосинку. Ванна даже не была подключена к трубам. Я нашел ее у кого-то во дворе. Думал, когда-нибудь пригодится, и оказался прав. Правда, в том же году «Розамунда» разметала большую часть дома. Мало-помалу я его восстановил.

Я наполнил ванну до краев. Высыпал туда целую пачку соли. И тут у меня началась паника. Когда я вывозил русалку с причала, она была еще жива. Я думал только об одном: помочь ей пережить ночь. Кто знает, что на уме у этих янки: продать бедняжку в музей или, не приведи Господь, в океанариум. Я собирался выпустить ее обратно в море. Было ясно, что переправить ее в свою лодку той же ночью я не смогу. Без помощи я не справлюсь. Русалка слишком тяжелая, мне одному ни за что не перетащить ее от дома до лодки. Пусть все идет своим чередом. Сначала надо было срезать веревку, на которой она висела. Я планировал следующей ночью перенести русалку в лодку, увезти подальше и выпустить в море; а на подмогу позвал бы Найсера. Пусть дева вернется к себе в море и снова будет свободной. Я и помыслить не мог, что Айкайя

останется. Я чуть не надорвался, перетаскивая ее из кузова пикапа в ванну. Под дождем она очнулась, и я боялся, что она начнет вырываться.

Я принес ее в дом на плече, будто свернутый в трубку старый ковер, и положил в ванну. Русалка встрепенулась и догадалась, что происходит. Рот ее по-прежнему был заткнут веревкой, руки связаны за спиной, но глаза широко распахнуты. Бедняжка начала стонать. Я закрыл ладонью ее рот и произнес: «Тсс, дуду. Тише, ну. Это же я, я. Ты в безопасности. Все хорошо. Тсс».

Но русалка не на шутку перепугалась. Весь остаток ночи и половина следующего дня ушли у меня на то, чтобы удержать ее в ванной. Я до самого вечера не освобождал ей руки и рот, и только тогда у меня забрезжила надежда, что моя гостья признала меня — того растамана с гитарой, который выманивал ее из волн, распевая гимны во славу мироздания. Наконец я освободил ей рот, и она не застонала.

«Помнишь меня?» — спросил я.

Но русалка не подала виду, будто узнает меня. Она лишь пила воду из ванны и вжималась в дно, словно хотела спрятаться, хотя хвост ее все равно торчал наружу.

Женщина-рыба наблюдала за мной целый день, будто впервые видела. Я пребывал в нерешительности, однако понимал, что обязан выпустить ее в море. На следующий день я развязал русалке руки, а она по-прежнему лежала в ванне навтыжку, уставившись на меня, и я задавался вопросом: что, черт возьми, у нее на уме. Тем временем я заметил, что рыбий хвост немного усох и русалка стала казаться меньше. Я вылил немного рома на глубокую рану чуть повыше хвоста, оставленную багром, надеясь, что та заживет.

Когда обнаружилось, что русалка исчезла, на берегу поднялась жуткая кутерьма. Томас Клэйсон, еще не вполне протрезвевший после празднования, взвыл: «Умыкнули!» — и тут же посулил пятьдесят тысяч американских долларов тому, кто вернет его добычу. Местные рыбаки понимали, в чем дело: рыба-джамби тю-тю, она давно уже в море. Жителей Черной Раковины нельзя было прельстить никаким вознаграждением, все сдрейфили еще до того, как русалка исчезла. Морская дева вернулась

в океан; она сама нашла дорогу домой, к своим сородичам. Ясно как день. А эти городские гоняются за вором.

Островитяне отлично знали, что никто ее не крал, тут ведь все друг другу родня. Как можно похитить русалку — и чтоб никто ни сном ни духом? Разве ее спрячешь, окаянную, в такой крохотной деревушке, как Сент-Констанс? Она же тяжеленная, как мул. Под силу ли одному человеку снять с веревки и унести такую тушу? И куда ее потом девать? Тут ни у кого аквариумов не имеется, русалку попросту негде будет держать. Она вернулась в море, к своим. Либо ее выкрали для какого-нибудь отеля, подогнав к причалу катер, пока все пьянствовали у Се-Се. Русалку, говорят, уже подали к столу в «Маунт Эрнест Бэй». Ночью пришла большая лодка и увезла девку с рыбьим хвостом.

Так или иначе, появление и последующее исчезновение русалки посеяли в народе беспокойство. Когда двух марлинов отвязали, перенесли в рыбный амбар и обезглавили, случилось нечто такое, от чего каждому стало не по себе. Арнольд, местный псих, вел себя страннее обычного. Он спер голову одного из марлинов, нахлобучил себе на макушку, словно на карнавале,

и в таком виде носился по поселку среди перепуганных жителей, вереща и изображая из себя рыбачью добычу. Арнольд твердил, что он, морской муж из вод Черной Раковины, получеловек-полурыба, явился сюда, чтобы распутничать с красивыми девчонками. Жуткое было зрелище: безумец с длинным «копьем» на голове. Рыбья кровь капала ему на шею, стекала по рубашке, и он все утро рыскал с окровавленными руками, норовя вытереть их обо всякого, кто имел неосторожность приблизиться к нему. С таким украшением на лбу Арнольд напоминал единорога. Окружающие приуныли. Зачем только выловили эту треклятую русалку, зачем она появилась в Сент-Констансе! На восходе солнца многие начали страдать от похмелья, и тревога отнюдь не рассеялась.

Через какое-то время новости достигли ушей мисс Аркадии Рэйн, жившей на холме. Кузина Се-Се сообщила ей по телефону про свистопляску на берегу, про русалку, выловленную из моря, а затем бесследно пропавшую; про вознаграждение, назначенное за ее возвращение, а также про новоявленного морского мужа Арнольда. Мисс Рэйн вместе с сыном Реджи прикатила на стареньком «лэндровере». На Реджи были

его любимые очки-«авиаторы», невымытые волосы свалились. Мисс Рэйн спускалась к побережью только по необходимости. По большей части она безвыездно жила в огромном доме на холме, играла на фортепьяно и читала книжки.

Многие рыбацкие лодки уже были в море — шел второй день соревнований. Кое-кому из участников не терпелось отплыть в надежде снова поймать русалку. Старик Томас Клэйсон тоже отчалил, но уже с другой командой, которой платили вдвое больше. Американец поклялся, что жив не будет, а выудит эту тварь снова. Его сын Хэнк отказался идти с ним. Он лелеял *табанку* — тоску по русалке, первой женщине, которую он подцепил честь по чести, а она взяла и пропала, столь же таинственно, как появилась. Конечно, он успел сфотографировать ее. Эти снимки — бесспорное доказательство, хотя и получились не в фокусе. Наверное, руки тряслись. Но уже утром реальность существования морской девы как будто подверглась сомнению. Женщина-рыба, которая явилась, а потом исчезла, была в высшей степени правдоподобна. Члены команды «Неустрашимого» видели ее, однако куда-то запропастились. И посетители бара тоже были свидетелями, но быстро

налакались, и большинство из них еще не проспало. И вообще, кто поверит кучке пьяных рыбаков, утверждающих, будто они лицезрели русалку, подвешенную за хвост на причале? Се-Се ее в глаза не видела, ее кузина Присцилла тоже, как и остальные женщины поселка. Неужто все это выдумки подвыпивших островитян?

Поэтому Хэнк испытал облегчение, заметив белокожую женщину за рулем внедорожника. Он возбужденно тормознул джип мисс Рэйн, как будто она могла вернуть морскую деву обратно. Может, мисс Рэйн увезла русалку или знает, кто это сделал? Хэнку не терпелось поделиться с ней. На нем была вчерашняя желтая футболка с пятнами пота и крови, хотя надпись «Удача любит смелых» еще читалась. В этой далекой карибской деревушке Хэнк Клэйсон чувствовал себя жалким недоумком. Ему хотелось побыстрее упаковать вещи, бросить к чертовой матери катер и улететь домой, в Майами. Отец совсем слетел с катушек. Он и в лучшие времена был малость того. Клэйсоны ехали сюда отдохнуть, и вот как все обернулось.

Мисс Рэйн припарковалась и выбралась из машины. Подошла к юному американцу и, скосив глаза, прочла надпись на футболке.

— Добрый день, мэм, — произнес Хэнк со своим тягучим флоридским акцентом. — Очень рад познакомиться.

Мисс Рэйн окинула его выразительный взглядом, ясно давая понять, что парню не мешает хорошенько помыться, побриться и получить по первое число за то, что ее в воскресный день вытащили из постели ни свет ни заря.

— Что за хрень тут творится? — осведомилась мисс Рэйн и, проигнорировав протянутую руку, зашагала напрямик к причалу. Не хватало ей только незадачливого молокососа янки, а тут еще эта история с русалкой и Арнольдом с копьем марлина на башке.

Хэнк вскоре обнаружил, что мисс Рэйн — крепкий орешек. Начать с того, что она изъяснялась на том же медлительном, неправильном, архаичном английском, что и местные рыбаки. Хотя Клэйсон-младший уже знал, что его собеседница здесь полноправная хозяйка, по крайней мере, владеет всеми окрестными землями, образования она, видимо, не получила. Белая, вернее, молочно-белая кожа и веснушки, которыми были усыпаны ее лицо и руки, делали мисс Рэйн похожей на чубарых аппалузских пони. От нее было трудно

отвести взгляд. Но ее жесткие зеленые глаза ставили на место: «Выкуси!» Роста мисс Рэйн была небольшого, курчавые, медового оттенка волосы пострижены по-мальчишески коротко. Хэнку было известно, что здесь эту даму почитали кем-то вроде мэра. Но стоило ей открыть рот, как парень услышал уже знакомый диалект, что повергло его в шок. Мисс Рэйн ничем не отличалась от жителей острова Черной Раковины, разве что белой кожей. Хэнк затрусил вслед за ней к причалу, где, свесив ноги, расселся Арнольд, все еще не снявший с головы «копье» марлина.

— Арнольд! — громко позвала мисс Рэйн. — Что за хрень, а?!

Арнольд не ответил. Он сидел, устремив взгляд в море и болтая ногами. Сзади этот тип и впрямь выглядел как морской муж, только рыба половина оказалась сверху.

— Арнольд, снимай-ка с головы эту дурацкую штуковину.

Арнольд не отзывался.

— Арнольд! — повторила мисс Рэйн, подходя ближе. — Сними с себя эту мерзкую рыбью морду. Подцепишь инфекцию — мало не покажется!

Арнольд, вероятно, ее не слышал. Голова марлина закрывала ему уши.

Мисс Рэйн, облаченная в сандалии на плоской подошве и цветастое платье, встала над ним. Мужчина все еще мечтательно озирает морские дали. На этот раз она обошлась без просьб. Просто стащила с него рыбью голову, которая при этом издала хлюпающий звук. Арнольд в упор воззрился на нее, словно говоря: «Какого дьявола?» Мисс Рэйн знала умника Арнольда не первый день; собственно говоря, они приходились друг другу четвероюродными братом и сестрой. Женщина присела на корточки и сказала:

— Послушай, дружок, иди-ка умойся. И прекрати будоражить народ.

Арнольд пожал плечами. Этот человек не утруждал себя соблюдением светских приличий. Ему было скучно. Говорили, что когда-то Арнольд хотел поступить в университет на большом острове и учиться на политолога. А кончилось тем, что он слегка тронулся умом от скуки и чрезмерного увлечения травкой. Ему нравилось пугать людей. Мисс Рэйн давно его раскусила. И уговаривала получить образование, даже предлагала помочь деньгами.

Но Арнольд так и не уехал — из-за пристрастия к дури и своей коллекции певчих птиц.

— Арнольд, — продолжала мисс Рэйн. — Я тебя насквозь вижу, ты знаешь. Не надоело тебе куролесить, а? Одно дело, когда пакостишь сам себе. И совсем другое — когда буянишь и беспокоишь окружающих. Ясно? У меня найдется для тебя кой-какая работенка, если захочешь. Загляни ко мне как-нибудь, хорошо?

Арнольд кивнул, но мисс Рэйн знала, что он равнодушен к ее посулам. Работенка! Очень надо, как же!

— Хорошо, мисс Рэйн. Загляну.

Он лгал: нипочем он к ней не пойдет. Арнольд ухаживал за посевами марихуаны на холмах за поселком. Многие зарабатывали свой хлеб таким образом. Мужчины Сент-Констанса либо выращивали травку, либо рыбачили. И горы, и море были щедры к людям.

— Все равно вам не будет покоя, — сказал вдруг Арнольд.

— Что?

— Скоро хлебнете по полной.

— Арнольд, — мисс Рэйн остановилась, — о чем ты?

— Я видел — ну, ее, сами знаете.

— Кого?
— Женщину-рыбу.
— Вон оно что!
— Ее подвесили на причале. Один турист вел себя как скотина.

Мисс Рэйн в изумлении уставилась на Арнольда.

— Мами-Вата. Будто какую-то принцессу из моря выудили. Надо было отпустить ее обратно. Таких не ловят. Неудивительно, что она тут же пропала.

Мисс Рэйн не желала слушать весь этот вздор; не сейчас, еще слишком рано.

— Это ведь вы хозяйка в здешних местах, и не видать вам покоя, если женщина-рыба все еще тут, ясно? Она принадлежит морю.

— Ладно, пока, — отозвалась мисс Рэйн. Но у нее появилось нехорошее предчувствие.

Женщина выпрямилась и обвела взглядом мирную бухту, как делала каждый божий день. Она проклинала море и любила его. Рэйны приобрели почти весь Сент-Констанс в 1865 году, через поколение после отмены рабства⁹. Их

⁹ Рабство в Великобритании и ее колониях было отменено 1 августа 1838 года.

владения по большей части раскинулись высоко в горах и поросли тропическими лесами, но краем захватывали бухту с деревушкой. Предки мисс Рэйн, англиканские священники, прибыли из Гренады, став родоначальниками длинной вереницы белых мужчин и женщин, возделывавших эту землю и в должное время ложившихся в нее. И бухта эта — вотчина мисс Рэйн, ее богатство и повинность, ее мир и счастье (бывала ведь она и счастлива); и — камень у нее на шее. Ей с детства были знакомы легенды про здешние земли и воды. История о выловленной из моря русалке — та же легенда. Рыбаки хлебнули лишку: чего не померещится в подпитии. Уходя с причала с головой марлина в руке, мисс Рэйн заметила, что юный американец все еще ошивается поблизости.

Хэнк Клэйсон испытал повторный шок, когда обнаружил, что, несмотря на короткую стрижку, враждебный взгляд («Выкуси!») и буйные конопушки, мисс Рэйн почти хорошенькая. Юный американец подумал, что, не останься эта особа жить на Черной Раковине, она вполне могла бы записаться в красотки. Здешнее солнце, несомненно, погубило ее кожу, определенно чуждое

ей окружение испортило темперамент, а манера выражаться и вовсе никуда не годилась. И еще этот рот: толстогубый, широкий, словно у негритянки.

Хэнк ожидал, что заправлять тут будет белый мужчина, а вместо этого пришлось иметь дело с веснушчатой командиршей, изъяснявшейся на местном наречии. Парень чувствовал, что снова столкнулся с загадочным поведением местных: им будто было известно что-то, чего не знал он. Все, как один, держались молчаливо и отчужденно. У Хэнка осталась последняя надежда: донести до своей новой знакомой, что русалка действительно была. Он поспешил за мисс Рэйн, которая уже покидала причал.

— Мисс Рэйн! — позвал Хэнк. — Мисс Рэйн!

Однако он еле поспевал за ней. Для такой пигалицы она чересчур шустрая.

— Мне надо вернуться к Реджинальду, — сказала она.

— К Реджинальду?

— К моему сыну. Он в джипе.

Хэнку Клэйсону было наплевать на какого-то там сына. Он шел следом за мисс Рэйн до конца причала, а потом по набережной.

— Мне необходимо рассказать вам... о том, что случилось вчера... — На этом месте он захлебнулся порывом ветра. — То есть прошлой ночью. Нет, я имею в виду — вчера.

Хэнку показалось, что мисс Рэйн кивала или делала какой-либо знак каждому встречному. Как будто подавала условные сигналы. И мужчины, и женщины кивали ей в ответ. Один-два человека сказали: «Доброе утро, мисс».

— Слушай, — бросила мисс Рэйн, — у меня мало времени.

Она по-прежнему быстро шагала, не выказывая намерения дожидаться своего спутника.

Они поравнялись с рыбным амбаром. Мисс Рэйн кинула свою ношу на каменный прилавок и многозначительно посмотрела на человека, тут же окатившего голову марлина из шланга. Было раннее утро. Поселок пробуждался от сна.

— Отдай ее хозяину.

— Прошу вас, — срывающимся голосом взмолился Хэнк, — постойте! Пожалуйста, остановитесь! На минутку.

Русалка, его Прекрасная Елена, казалось, ускользала от него, точно ее никогда и не было. Хэнк из последних сил сдерживался, чтобы

не схватить мисс Рэйн за запястья, но лицо его спутницы было так сурово, что он не посмел к ней прикоснуться.

— Ладно, мистер...

— Клэйсон. Хэнк. Называйте меня Хэнком.

— Хорошо, Хэнк. Так что же, черт возьми, вчера случилось?

Он стал, как вкопанный, стащил с себя шляпу-сафари и попытался собраться с мыслями.

— Мы выловили русалку.

Мисс Рэйн приняла это известие с напускным безразличием.

Хэнк ощутил комок в горле. Ему захотелось разрыдаться, броситься на нее, заорать, что его отец спятил, и он даже надеется, что этот ублюдок пойдет к дну. Они поймали русалку. Случайно.

Лицо мисс Рэйн осталось невозмутимым. Брехло заморское! Бессовестный обманщик! Да и Арнольд врал — или городил полную лажу. Эти американские рыбаки — они приехали и уехали. Пофотографировали пироги, закаты, общительных растаманов, подпирающих стенки; порыбачили, переспали с местными бабами, покурили местную травку, наладились местного бухла. И чего только они якобы не вылавливали:

и китов, и огромных белых акул, и марлина с двумя копиями, а однажды даже морского мужа. Эту басню состряпал в стародавние колониальные времена то ли какой-то голландец, то ли англичанин, то ли француз — толком неизвестно.

— Прекрасно, — сказала мисс Рэйн.

Хэнк Клэйсон, запинаясь и бормоча, подробно изложил всю историю до того момента, как он в последний раз видел русалку, висящую вниз головой, связанную, обнаженную, беззащитную. И все еще живую.

Мисс Рэйн слушала и кивала, не отрывая глаз от своего сына, сидевшего в джипе. Когда Хэнк закончил, она посмотрела на юного янки в упор, отряхивая с подола платья рыбные ошметки.

— Позволь тебе кое-что сообщить, Хэнк. — Мисс Рэйн смерила его холодным взглядом. — Видишь ли, ни для кого не секрет, что в прибрежных водах обитают морские мужи — прямо здесь, на Черной Раковине, особенно в наших местах. Ясно?

Хэнк Клэйсон кивнул.

— Но все это байки.

— О!

— Морских мужей не существует. Ясно? И морских дев тоже. Их нет. Это все рассказы.

Старинные предания из глубины веков. Сказки, понимаешь? Может, вы что-то такое и выудили. Круто! Но умоляю... Что бы вы ни поймали, этого здесь больше нет. Предлагаю просто забыть. Выпей за завтраком рому. Ты знаешь, что твой отец уже вышел в море?

Хэнк остолбенел, не в силах принять то, что она ему не поверила.

— Но...

Мисс Рэйн выразительно посмотрела на него, как бы говоря: разговор окончен. Потом сухо улыбнулась, кивнула и поспешила к Реджинальду — своему смуглому глухому сыну, который все это время терпеливо ждал мать в машине.

Те женщины решили, что от меня
избавиться легко: всего лишь стоит
запечатать мое лоно внутри хвоста.
Что ж, ловко: замуровать ту часть меня,
что нравилась мужчинам.

Впрочем, ко мне была добра старуха
дряхлая и всеми позабытая,
и имя было ей Гуанайоа.

Богиня Хагуа нас превратила в другие существа —

в морскую черепаху и русалку,
и обе мы исчезли в ту же ночь
с большого острова, что очертаньями
напоминает ящерицу.

Дэвид, мой единственный любимый,
должно быть, мертв.
Так, по крайней мере, я решила, поскольку
он не пришел увидеться со мной в тот год,
и через год после того,
когда нас с Гуанайоа и черепахами
принесло течение в воды Черной Раковины.
Пять лет спешила я на встречу,
но Дэвид не являлся.
Нашла я карандаш среди обломков лодки,
разбившейся о скалы.
Нашла там и бумагу.
Давно уж было дело,
но я по-прежнему все помню, как тогда.

Томас Клэйсон болтался в море второй день.
На этот раз он захватил с собой винтовку и не-
сколько сигнальных ракет на случай бедствия,
а также топорик и мачете в придачу к ружью.

Старик был готов, если понадобится, расправиться с русалкой — и дело с концом. Ему уже доводилось убивать крупную добычу. Когда-то в Южной Африке Клэйсон застрелил льва. Львиную голову препарировали, укрепили на дощечке, и теперь она висела в его кабинете над столом. Однажды на Юконе он убил буйволицу; как-то даже пристрелил медведя гризли в Скалистых горах. И в эту стерву не колеблясь пустит пулю, привезет на берег. Никакого пива на причале; тушу сразу отвезут в грузовике на другой конец острова, в англиштаунский порт, где на нее навесят бирку, сфотографируют, упакуют в ящик со льдом и переправят на большой остров. Оттуда русалку самолетом отошлют во Флориду. На этот раз старик хорошо понимал, против кого шел; он одолеет эту шваль в русалочьем обличье. Команде Клэйсон заплатил вдвое. Он был взбешен похищением своей добычи, бестолковостью туземцев, а главное, малодушием этого хлюпика Хэнка.

Однако день выдался тяжелый. Было пасмурно; над морем, нагнетая духоту, висели низкие серые, готовые разразиться ливнем тучи. Клэйсону пришлось несколько раз окатиться ледяной

водой. Новому капитану не хватало знаний и опыта Найсера, а команда на поверку оказалась кучкой угрюмых подростков. Американцу было одиноко и неуютно на своем собственном катере. Не такой рисовалась ему в воображении эта поездка; Клэйсон мечтал сблизиться с сыном, выпить с ним по-мужски, растолковать ему кое-что о жизни, о природе и даже о женщинах. Он опасался: вдруг Хэнку не нравятся девушки. Время шло, а тварь с рыбьим хвостом все не показывалась, и старик почувствовал себя позабытым-позаброшенным, он на чем свет стоит бранил русалку — глаза б его никогда ее не видали. Целый день Клэйсон буравил взглядом горизонт, жевал кончик сигары и проклинал морские пучины.

Когда Томас Клэйсон вернулся на пристань Сент-Констанса, он уже успел изрядно обгореть. Сын куда-то запропастился. На берегу было тихо. Другие рыбаки уже сгрузили свой улов — тарпона и большую черноперую акулу. Мужчины скользили по Клэйсону непроницаемыми взглядами. О чем они думают? Считают его идиотом? Мол, схватил удачу за хвост и тут же проворонил? Нарушил неписанные

правила? Черта с два догадаешься, что на уме у окрестных рыбаков и поселян, этого невежественного сброда. Старик отправился к Се-Се и заказал себе двойной ром со льдом. Сегодня хозяйка кабачка, вопреки обыкновению, сама обслуживала клиентов в баре, выказывая молчаливое усердие, которое приберегалось для подобных случаев, когда белые оскорбляли ее работников или нарывались на скандал.

Клэйсона так и подмывало затеять свару, но Се-Се всем видом предупреждала: не вздумай! Старик усталился в свой стакан, потребовал еще одну порцию рома, выпил. В этот воскресный вечер в баре было тихо. Никто из посетителей не подсаживался к американцу, по-видимому, не желая с ним связываться. В конце концов Клэйсон спросил у Се-Се:

— Кто староста этой деревни?

Се-Се окинула его самодовольным взглядом, словно говоря: ясно кто — она перед тобой. На самом деле тут заправляли две женщины: Се-Се и мисс Рэйн, приходившиеся друг другу родственницами — пятиюродными сестрами. Первая распоряжалась на побережье, вторая на холмах. Эти женщины занимались всем,

что происходило в поселке, — либо вместе, либо поодиночке; правда, чаще это была Се-Се, потому что мисс Рэйн, как правило, желала, чтобы ее оставили в покое.

— Идите туда, — ухмыльнулась Се-Се, указывая наверх, в сторону холма. — Поищите мисс Аркадию Рэйн.

И вот в тускнеющем свете дня Томас Клэйсон зашагал по крутому, извилистому подъему. Он был уже совершенно трезв к тому времени, как добрался до ворот с табличкой на каменном столбе: «Темперанс-хаус». Две собачонки за оградой приветственно затаивались и заматались зигзагами по длинной подъездной аллее. Клэйсон вошел во двор, и они поползли к нему, вихляясь, в ожидании ласки, но на одну он не обратил внимания, а другую пнул со словами «Пошла прочь», показывая, кто тут главный. Шавки в ответ радостно затрусили вслед за ним; это были откормленные любимицы Реджи — диванные моськи, а не сторожевые псы.

Увидев сидевшего на перилах веранды белого павлина, Клэйсон опешил. По спине его пробежал холодок: не призрак ли перед ним? Сначала русалка, а теперь еще это сатанинское отродье. Будь у него при себе винтовка, он пристрелил бы

птицу на месте. Павлин с неподдельным презрением взирал на непрошеного гостя в шортах цвета хаки и резиновых рыбацких сапогах, маячившего в слабом свете фонаря. Птица издала два-три длинных пронзительных крика, предупреждая хозяйку, и мисс Рэйн вышла на крыльцо. Женщина была в тонком халатике, с сигаретой в руке. В другой руке она держала книгу в зеленом переплете.

Дом выглядел необычайно величественно; стены его тускло белели в свете сумерек, крышу украшало резное кружево, свисавшее с карнизов, крылец, балконов. С террасы низвергались бурные потоки вишневой и алой бутенвиллеи. Подъездная аллея образовывала перед домом круг, огибая исполинское дерево, тучей нависавшее над двором. Взглянув направо, Клэйсон увидел, что сад врезается в склон холма, спускавшегося уступами к береговому обрыву. Над морем на краю обрыва раскачивался ряд тонких пальм.

— Бог ты мой! — раздраженно воскликнула мисс Рэйн при виде старого американца. — Я уже послала вашего сынка куда подальше. Теперь вы? Тоже притащились сюда с историей про русалку, или как?

Клэйсон растерялся. Павлин затряс длинными перьями и начал раскрывать пышный веер хвоста, как будто собирался продемонстрировать свой зад. Очевидно, роль сторожевого пса исполнял именно он. Странность происходящего внезапно выбила старика из колеи. Эта особа в ночном одеянии, безмятежное величие старинного дома на холме... Грозный и вместе с тем женственный вид мисс Рэйн на несколько мгновений смутил Клэйсона, словно мальчишку. Она кого-то напоминала... Быть может, его мать? Да, пожалуй, ее, когда он в юности приходил к ней за утешением. Клэйсон вдруг почувствовал себя обманутым, загнанным в угол. Ему стало грустно, тоскливо, навалилась усталость. Если эта мисс Аркадия Рэйн и есть староста, то он зря сюда явился. Им не о чем говорить. Перед ним стоит женщина. Вполне себе симпатичная, пусть и малость чудачка, к тому же с книжкой в руке — выходит, из породы книголюбов, как и его сын.

Клэйсон снял шляпу.

Мисс Рэйн готова была его пристрелить, ее злило, что он явился без приглашения.

— Ну, в чем дело? — спросила она.

— Вчера мы поймали русалку. — Клэйсон пытался говорить развязным, наглым тоном, но вместо этого вяло лепетал.

— Уже слышана.

— Ее украли.

— Кто?

— Не знаю. Потому я сюда и пришел.

— Так кто, по-вашему, умыкнул русалку у вас и вашего отпрыска?

— Может, кто-то из здешних, деревенских?

Мисс Рэйн фыркнула. Она бы с удовольствием запустила в непрошеного гостя книжкой, не будь это первое издание «Посреди зеленой ночи» Дерека Уолкотта¹⁰.

— Слушайте! Тут никто никаких русалок у себя не прячет. Уяснили?

Томас Клэйсон стоял на своем. Он хотел вернуть эту чертову женщину-рыбу. Плевать на деньги, на музейные аукционы, он делает из окаянной твари чучело и повесит его

¹⁰ Уолкотт Дерек Элтон (1930–2017) — поэт, драматург, уроженец островного государства Сент-Люсия в Вест-Индии. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1992), автор поэтических сборников, в том числе «Посреди зеленой ночи» (1962).

на стенку. Его добыча по праву принадлежит ему. У него и документы имеются — лицензия на пользование уловом.

Тут павлин ни с того ни с сего взметнулся ввысь пышным белым облаком с когтистыми лапами. Птица заверещала дурным голосом, замахала огромными крыльями, с трудом оторвалась от своего насеста и взлетела, устремившись на чужака, оказавшегося во дворе.

Клэйсон пригнулся и сразу же выпрямился снова, обозленный и слегка напуганный.

— Вы на моей земле, — сказала мисс Аркадия Рэйн. — Убирайтесь!

Старик нахлобучил шляпу на голову. От его волос повеяло птичьим пометом.

— Хватит! Убирайтесь, сейчас же! Я желаю, чтобы вы с сыном утром уехали отсюда. Вам здесь больше не рады. — С этими словами мисс Рэйн повернулась и ушла в дом звонить Се-Се.

Она велела кухне удостовериться, что американцы отчалили на рассвете — скатертью дорога. Они действительно отчалили, и старик горько сетовал на то, что море у северной оконечности Черной Раковины проклято, а народ в Сент-Констансе дремучий, недоверчивый и бестолковый.

Дневник Дэвида Батиста, апрель 2015-го

Три дня русалка пролежала в ванне, уставившись на меня. Я уже было подумал, что сглупил, решившись спасти ее.

Она менялась, и довольно стремительно, наверное, это началось, уже когда ее поймали и подвесили на причале. С ней что-то происходило. Женщина-рыба преображалась на глазах, и тогда я понял, что передо мной не отбракованный набросок Божьего создания. Тут нечто совсем иное. Русалка становилась девушкой — девушкой из другого времени. Я не знал, из какого, но из очень давнего. На плечах у нее имелись знаки. Татуировки. Они походили на спирали, а спирали — на луну и солнце. Я догадался, что она родом из племени, населявшего эти острова в ту эпоху, когда вся земля была садом. Ее огромный серебристый хвост начал отпадать. На вид он был очень ветхий и весь потемнел. Я боялся, что хвост может просто отвалиться, по крайней мере его конец. Русалка смотрела на меня ровно три дня. Я делал все, что в моих силах, чтобы она почувствовала себя

в безопасности. Харви, мой пес, мне помогал. Обычно он не испытывал приязни ни к кому, кроме меня. Я ожидал, что пес будет ревновать, а он, видно, понял, что бедняжка нуждается в защите. Целыми днями сидел, не отводя глаз от русалки. Они смотрели друг на друга, точно вели молчаливую беседу.

Крючок по-прежнему торчал в глотке у русалки, но она не позволила бы мне дотронуться до своего лица. В ее взгляде читалась угроза. Чешуйчатая акулья кожа стала слезать с верхней части туловища тонкими пленками, как с египетской мумии. Я видел, что русалка напугана и не понимает, что творится. Видимо, превращение оказалось для нее неожиданным. Она совсем не ела. Я предлагал ей все подряд: креветки, рыбы головы, салатные листья. Не ела, и все. Глаза ее постоянно слезились. Из рта тянулась рыболовная леска. Мне подумалось, что я совершил большую ошибку. Нельзя было выпускать русалку обратно в море в таком состоянии, но что с ней делать, пока она здесь, в моем доме, я тоже не представлял. Ночами она издавала протяжные стоны, словно страдальца, умирающая в одиночестве. Днем тихо сидела в ванне и наблюдала за мной. Я испробовал

все, что только приходило на ум. Поливал ее из шланга, добавлял в воду соль. Пытался было петь, подыгрывая себе на гитаре. Русалке это совершенно не понравилось. На этот раз музыка ее не прельстила. Ей было не до воздыхателей с дредами, распевающих гимны. Совсем не до них.

Но вот однажды я лакомился мини-бананом и вдруг поймал на себе пристальный взгляд. Я понял, что русалка заинтересовалась — впервые за все это время!

Я показал ей банан. Она впилась в него взглядом. Я подошел ближе и говорю: «Пожалуйста, дуду! Вот вам сладкий и свежий плод, госпожа».

Русалка взяла у меня банан, откусила со всей возможной осторожностью, стараясь не причинять боль израненному горлу. И не отрываясь смотрела на меня, пока не съела чертов фрукт целиком. Потом вытерла рот руками. Снова воззрилась на меня. Я набрал мини-бананов, опустился на колени рядом с ванной, отломил один и дал русалке. Она опять взяла. Очистила от кожуры и съела. Я заметил крючок, застрявший у нее в глотке, и кусок лески, свисавший из угла рта. Но русалка не позволила мне дотронуться до своего лица.

Я спрашивал себя: о чем она думает, где черпает силы? Чем я могу помочь этому диковинному существу — полудеве-полурыбе? Я видел, что она некогда была женщиной и теперь снова становилась ею. Первыми начали меняться ее руки; перепонки комьями спадали на пол, словно серо-розовое желе. Я убирал эти ошметки. Кисти рук у нее оказались темные, изящные. Я решил, что к ней, должно быть, возвращается прежний облик.

Чтобы закрепить успех, я опять предложил гостю фруктов. Сезон манго еще не закончился; я принес из соседнего двора несколько плодов, и она умяла их в один присест. Саподилла тоже пришлась ей по вкусу. Потом я угостил ее арбузом, нарезанным тонкими ломтями. Скоро пол вокруг ванны оказался завален кожурой от фруктов и всяким морским мусором, сыпавшимся с русалки. Саргассовые водоросли, запутавшиеся в ее волосах, летели клочьями, под ними обнаружились длинные черные узловатые дреды. Из ушей лилась морская вода и выпадали морские насекомые. Из ноздрей выбирались моллюски всех мастей и крошечные крабики. Прежде русалочье тело давало приют разнообразной подводной мелюзге, и теперь она

медленно, день за днем, покидала его, вылезая наружу. Рядом с ванной образовались маленькие живые кучки. Крабики разбегались во все стороны. Мне пришлось прогнать соседского кота, рыскавшего поблизости.

Еще я каждый день приносил русалке воду в кувшине, много-много воды из-под крана. Она выпивала пресную воду до дна, но ей все равно было мало. Мы словно играли в увлекательную игру, выясняя, что еще придется ей по вкусу. Я понимал, что, если не вытащить из горла крючок, рана начнет гноиться. Но мне по-прежнему не дозволялось приближаться. Кто же она такая, черт побери? Как ее зовут, да и есть ли у нее имя? Откуда она родом? Я задавался вопросом, не сбежит ли моя гостя, как только улучит минуту? Не попытается ли уплыть домой, уже не как русалка — как женщина.

Однажды утром я проснулся и нашел русалочий хвост на полу. Он полностью отвалился — большой, потрепанный и довольно-таки вонючий. Я смотрел на девушку в ванной, она на меня, и, клянусь, было очевидно, что потеря хвоста расстроила ее. Может даже, бедняжка чувствовала себя несчастной, как змея, сбросившая старую кожу. Ведь она потеряла частичку

самой себя, своего прежнего рыбьего обличья. Я аккуратно упаковал хвост в черный пакет для мусора, чтобы до него не добрались кошки, и выбросил в бак за домом.

Покончив с этим, я вернулся к наблюдению за русалкой. После хвоста пришел черед плавника; шипы на спине стали разлагаться. Они отвалились на следующий день, все подряд, один за другим, словно гребень со спины динозавра — ее парус. Он уже подгнил и сделался студенистым.

Прошло семь дней с тех пор, как я выкрал русалку с причала, а она уже выглядела совсем иначе. Но пока не произнесла ни единого человеческого слова, я слышал лишь ночные стоны, да пару раз что-то вроде легкого посапывания, когда она спала. В глотке у нее по-прежнему сидел большой крючок. Уже вырисовывались ноги и ступни, пока еще слитые в единое целое. Я продолжал кормить морскую деву фруктами и наполнять ванну водой. Было видно, что ей приходится туго. Когда я спасал ее, мною руководил инстинкт. Я думал, что выпущу русалку обратно в море. А теперь та, что сидела у меня в ванне, превращалась в молодую женщину; она ела, дышала и спала. Только сейчас

я рассмотрел на ее теле другие татуировки: рыбы, птицы, символы, напоминавшие звезды в небесах; контуры были жирные, будто нарисованные вручную углем.

Жалюзи в моем доме были все время подняты, а дверь и окна заперты. В те дни я сторонился людей. Американцы давно уехали; видимо, мисс Рэйн велела им отчаливать. Жители поселка через неделю и думать забыли о русалке. Ее вообще мало кто видел, да и те были под хмельком. Люди не решались углубляться в эту тему. Странное было время. Я сам готовил себе пищу, но скоро заметил, что запах жареного лука и чеснока неприятен моей гостье. Я устраивался за маленьким столом подальше от нее и ел рис с горошком, жареным плантаном¹¹ и корнеплодами. Рыбы мне теперь не хотелось. С тех пор я ее больше не ел. Русалка все время наблюдала за мной, а я — за ней. Видно, наш роман завязался уже тогда; сколько раз мы с ней молча сидели, изумленно взирая друг на друга. А может, это была страсть с первого взгляда, пробудившаяся еще там, у Погибельной бухты,

¹¹ Плантан — овощной (несладкий) банан, который едят, как правило, в жареном виде.

когда женщина-рыба впервые явилась из волн. Не знаю, ребята. Не постигаю даже теперь, много лет спустя, когда пишу эти строки. Русалка попросту приворожила меня.

На следующий день, уже вполне успокоившись, я поставил рядом с ванной стул, указал рукой на крючок, застрявший в ее глотке, и покачал головой. Надо во что бы то ни стало извлечь его.

Русалка приложила руки к горлу и обратила на меня взгляд столь серьезный и печальный, что я едва выдержал его. Я кивнул в ответ на молчаливое негодование моей гостьи. Мне пришлось дотронуться до нее. Зубы у русалки были мелкие и острые; я не решался сунуть руку ей в рот. Наконец, не сводя с меня взгляда, она медленно-медленно сама открыла его. Меня обдало затхлым дыханием — зловоние соленых океанских вод и дохлой рыбы смешалось с запахом съеденных фруктов. Да уж, ей не мешало бы как следует отдраить зубы. Горло у нее было странного розовато-лилового оттенка. Мне не хотелось показывать бедняжке свое отвращение. Затем она раскрыла рот пошире, и вони стало меньше. Русалка издала утробный звук, в ее взгляде читались стойкость

и решимость. Она как будто говорила мне: «Ладно, вытаскивай».

Я засунул ей в глотку маленький пинцет и подцепил крючок. Тот застрял сбоку. Мышцы в горле напряглись и сжались, глаза у бедняжки слезились. Крючок вонзился так глубоко, что кончик его торчал наружу. Надо было вернуть его. Плеснув рома на русалочью шею, я стал не торопясь вытаскивать крючок. А сам смотрел на нее и приговаривал: «Хорошо, дуду, вот так. Крепись». Она вцепилась руками в края ванны. Впервые я подошел к ней так близко. Девушка была полуобнажена, на мне не было рубашки. Наши тела были молоды. Думаю, даже в тот момент мы с ней желали друг друга. Даже тогда. С первых минут оно витало в воздухе, это взаимное доверие, которое со временем лишь укрепилось. Но, может быть, я обманывался. С величайшей осторожностью вытаскивал я крючок, и наконец он выскользнул. Горло и шея ее кровоточили. На русалочьем лице читалось спокойствие, но не признательность, когда я показал ей орудие жестокой пытки: «Видишь?»

Моя гостя скорчила мину и воззрилась на меня. Я еще не знал ее истории. Не знал,

почему она стала такой — женщиной в теле рыбы, чудом из чудес. А теперь с ней происходило обратное превращение. Мне было тогда неизвестно, насколько она одинока. И вообще ничего не известно о ее прошлом. Я забинтовал рану у нее на шее. Со стороны казалось, что бедняжка подверглась нападению летучей мыши-вампира, а не рыбаков на катере. В душе я проклинал американцев за то, что они содеяли. Через день-два порез начал заживать, как и рана от багра, а преображение продолжалось. Я старательно убирал мусор, накапливавшийся вокруг ванны. Русалка сбрасывала ошметья старой чешуи, напоминавшие старинные серебряные монеты. Я заметил на ее груди те же спирали. И был весьма взволнован.

У русалки были груди юной девушки, налитые, стоявшие торчком, и до меня вдруг начало доходить, что с ней произошло. Я предложил гостю свою старую футболку, чтобы она прикрыла наготу. Отказалась. Я догадался, что она из тех времен, когда люди обходились без одежды. Неужто женщина из прошлого? Непостижимая загадка! Она пристально изучала окружающую обстановку — воздух, тени, пол, свет, — будто пыталась постичь их смысл. С любопытством

разглядывала деревянный потолок, и моя душа наполнялась радостью. Вытягивала шею, чтобы выглянуть в окно. Сурово и спокойно наблюда-ла за тем, как я курю, точно знала, что я делаю. Я подумал, что племя Айкайи, должно быть, некогда жило в согласии с природой, и вскоре понял, что она радуется возвращению в этот мир. Айкайя заново открывала для себя самые простые и естественные вещи. Я оставил фут-болку на стуле. Однажды моя гостья кивнула и взяла ее.

Целыми днями сижу я в кадке с водой,
пью эту воду, и вкус ее гадок:
уж слишком она пресна.
Хвост мой гниет на глазах,
вновь появились ноги.
Но я навек проклята.
Юное тело мое возненавидели женщины,
бросили в море меня
тысячелетье назад.
Навеки я проклята,
обречена на несчастья.
Что же творится теперь?

Рыбья моя чешуя слезла,
груди опять молоды —
Женщиной вновь становлюсь.
Ко мне возвратилось бывшее обличье.
Женщиной снова я стала, и это пугает меня.

С лаской мужчина глядит,
Дэвид, спаситель мой добрый.
Зовет меня Матерью Вод,
зовет он меня Маами-Вата.
О, сколько лет прошло с тех пор,
когда в последний раз я на сушу ступала.

Однажды отвалился хвост, который
был частью тела моего.
Как я теперь уплыву?
Теперь даже царство подводное гибнет,
пластиком заполненное.

Я родилась среди красных людей,
хороших людей,
я обитала на юге,
где также жили кваибы,
воинственное племя, кровожадное.
Я родилась среди красных людей.

Всех их сгубил недуг
и адмирал-убийца.
Поведала об этом мисс Рэйн,
когда стала я женщиной снова.

Мисс Рэйн, следуя ежедневной привычке, писала в своем дневнике. На следующей неделе ее сыну исполнится десять лет. Как они будут праздновать? Скоро она отошлет мальчика в американский лагерь, где он впервые встретится с другими глухими ребятами, его ровесниками. Реджи, названному в честь прапрадедушки, нравилось подписываться полным именем: Реджинальд Гораций Батист Рэйн. Пока что мир Реджи прекрасен, но мал: павлины, преданные собаки, обширная библиотека и, разумеется, регги — ведь басовая партия, основа этой музыки, такая громкая, что ее скорее чувствуешь, чем слышишь. Реджи был влюблен в песни Боба Марли и «Тутс энд Мэйтолз», потому что чувствовал басы. Мисс Рэйн пришлось купить ему наушники — он любил врубать музыку на всю катушку, пугая павлинов. Нередко можно было наблюдать, как Реджи

танцует у проигрывателя под регги на паркетном полу танцевальной залы.

Первые шесть лет жизни Реджи мать и сын периодически брали уроки американского языка жестов у преподавательницы из Калифорнии Джеральдины Пайк. Джеральдина — хиппи и поэтесса — учила мальчика достоинству и самоуважению. Рассказывала, как живут и общаются глухонемые во всем мире; знакомила с жестовой поэзией и прозой; высвобождала в совсем еще юном ученике неистовые творческие силы. Реджи выучился читать и писать, а также общаться на языке глухонемых. Он танцевал, сочинял жестовые поэмы, создавал в саду и доме скульптуры из подручных материалов. Реджи знал, что когда-нибудь станет поэтом и тем или иным способом, словами или жестами, восславит свой остров в стихах. Он не сомневался, что однажды уедет из Сент-Констанса, как уехал его отец — примерно по тем же причинам. Реджи уже твердо решил: его ждет хорошая жизнь.

Лайф — единственная большая любовь Аркадии — знал про Реджи, но тем не менее сбежал еще до его рождения. Отъезд любимого стал для Аркадии потрясением, с разрушительными

последствиями которого она боролась, как могла. Не спугнул ли Лайфа кто-то из ее братьев? Был ли у них шанс зажить семьей здесь, в этом доме? Аркадия любила свой дом — и ненавидела. Она сказала Лайфу, что никогда не покинет родной очаг, но тогда-то ей казалось, что любовнику просто опостытели деревенские подначки и пересуды о «домашнем нигтере», которые неизбежны, если с детства якшаешься с богатой белой девицей, живущей на холме. Когда Лайф повзрослел, их любовь дала трещину. Он не был счастлив, и Аркадия уже не могла утешить его, как в юности. Лайфу хотелось большего, ему было тесно на острове, его раздражало, что она богата. Они часто спорили. Родители Аркадии выказывали недовольство. Две ее беременности закончились выкидышами. В третий раз она доносила. Родился Реджи.

Но Лайф бросил Аркадию и собственного сына в придачу. Поступил по-своему и нанес ей тяжелый удар. Она переболела корью, и Реджи родился глухим. Когда Лайф уехал, Аркадия еще считала себя молодой. Теперь она стала старше и десять лучших женских лет провела затворницей в своем замке на холме — униженная, покинутая женщина с роскошным видом

из окна. Никто не питал ни капли сочувствия к мисс Рэйн с ее поблекшим, облупившимся домом и прилагавшимися к нему акрами тропического леса. Она ждала, потом перестала. Тоска сделала Аркадию совсем другим человеком; она исстрадалась — и расцвела.

Дневник Дэвида Батиста, апрель 2015-го

Примерно на десятый день хвост начал разъединяться. Одна длинная конечность разделилась надвое. Девушка удивленно таращилась на свои новые, вернее, вновь обретенные ноги. Я, как и прежде, заботливо ухаживал за ней. Возникло одно затруднение: дерьмо. Моя гостя стала испражняться съеденными фруктами прямо в ванну. Мы оба понимали, что ей пора вылезать оттуда. Как и тогда, с крючком, первый шаг пришлось сделать мне. Я протянул руки, но она отвергла мою помощь.

«Пожалуйста, дуду! Я оболью тебя из шланга».

Однако гостя не поняла. Бедняжка лишь смотрела на меня со страхом, точно я мог причинить ей боль, как те американцы. Она по-прежнему

не произнесла ни слова, лишь попискивала, как птичка. Я забеспокоился, не зашли ли мы в тупик. Но бытовую проблему нужно решить; как же мне вытащить девушку из ванны?

Она попыталась приподняться на руках, затем попробовала шевельнуть ногами, но они не слушались. Зрелище было отталкивающее. Моя старая футболка измазалась в нечистотах, и русалка стянула ее с себя. Ценой невероятных усилий бедняжка сумела перелезть через бортик ванны. Я помог ей выкарабкаться, и вот она уже на полу, посреди большой лужи, сидела на корточках, прикрываясь своими длинными дредами. Я сразу окатил ее из шланга, приговаривая: «Отлично, дружок, замечательно! Не дрожи, тебе нечего бояться».

Потом я укутал ее большим старым полотенцем. Поначалу бедняжка не двигалась с места, она сидела на корточках, вся сжавшись в комок и затаившись.

Эта девушка, вне всякого сомнения, перестала быть русалкой. Ей было страшно, как пленнику, выпущенному на свободу. Страшно было и мне: я боялся ее, боялся за нее и не знал, что делать дальше. Угораздило же меня попасть в переплет. Я не планировал похищать несчастную,

а только хотел уберечь ее и позаботиться о ней. Теперь приходилось все время быть начеку. Каждый день приносил с собой перемены. Если я надолго оставлял свою гостью одну, то опасался, не случилось ли в мое отсутствие чего-то такого, что могло потребовать моего внимания.

Ноги ей не повиновались. Они по-прежнему были будто ватные, и я, остороженько вытерев ее насухо и укутав полотенцем, отнес наверх, в свою спальню. Кроватью мне служил обычный топчан с двуспальным матрасом, но спать на нем было удобно, и я был готов потесниться ради гостыи. Но шутки в сторону. Моя русалка не допускала столь близкого соседства. Внезапно меня осенило: она помнит, что такое постель. Действительно, девушка сердито фыркнула и так злобно покосилась на меня, что я попятился. Делить со мной ложе она не собиралась. Под моим взглядом гостыя завернулась в полотенце. Я подыскал для нее кой-какую одежду — свою старую майку и тренировочные штаны — и бросил ей. Она взглянула на меня так, будто поняла, что надо одеться. Теперь, когда у нее не было ни покрова из акульей кожи, ни хвоста, ничто не скрывало ее женского естества.

Да, в моей постели лежала молодая женщина; и она вовсе не была мне врагом, отнюдь. Я спустился, чтобы приготовить себе что-нибудь перекусить. Сверху доносилось кряхтение. Я спрашивал себя: не пытается ли она сбежать. И хотя я искренне желал помочь бедняжке, откровенно говоря, меня устроил бы ее уход. Я боялся создания, которое принес в свой дом. Я понимал, что это девушка из незапамятных времен, когда люди знали толк в магии, они повсюду видели богов и разговаривали с растениями, животными и даже рыбами.

Я не заходил к своей гостье до утра, а когда поднялся, то увидел, что она крепко спит, одетая в мои старые вещи, свернувшись калачиком под простынями, точно дитя в утробе.

Однажды я выбралась из ванны и удивилась: неужто проклятию пришел конец? Я не могла ходить, не чуяла ног вялых. Дал мне одежду Дэвид, чтобы прикрыла тело. Я не хотела брать: сородичи мои одежды не носили. Он уступил свою постель.

Приблизься он ко мне, я бы его убила.
Я много-много дней не покидала той постели.
Спала я крепко и видела во сне
сестер и мать.
Спала, спала и грезила о прошлом.
Все было как во сне.
Что было сном?
Что явью?

Глава 4

НОГИ

Ливни в тот год зарядили уже в мае — рановато для сезона дождей. Звук падающих капель напоминал аплодисменты тысяч рук, затянутых в перчатки. Ежедневные дожди были не только благом. В непогоду в каждом мужчине и в каждой женщине просыпалось застарелое гнетущее, трудно преодолимое чувство вины за прошлые грехи. Дождь приносил с собой тяжелые воспоминания и одновременно даровал пропитание.

Каждое утро русалка Айкайя прислушивалась в полудреме к шуму дождя и все больше и больше вспоминала, каково это — быть женщиной. Она наслаждалась вкрадчивым стуком

дождевых капель. Он воскрешал в ее памяти прошлую жизнь, когда она жила в маленьком селении на острове с очертаниями ящерицы, была дочерью одной из жен касика¹² и у нее имелось шесть сестер. Айкайя пыталась припомнить имена и лица мужчин, которые посещали ее и смотрели, как она танцует. Потом пыталась снова позабыть их всех. Одиночество эхом отдавалось в ее костях, тысячу лет проплавала она в океане женщиной с рыбьим хвостом. Айкайя спрашивала себя, что случилось с ее спутницей, старой каргой Гуанайоа. После урагана мудрая старуха Гуанайоа, говорившая неудобную правду в глаза, тоже была проклята и превращена в морскую черепаху. Вот почему Айкайя оказалась так далеко от родных берегов — она повиновалась кочевому инстинкту Гуанайоа.

Лежа в постели Дэвида под тонкими простынями, Айкайя недоумевала, как и почему она снова обернулась девушкой. Она шевелила вновь обретенными пальцами ног, сворачивалась клубочком, прислушивалась к мелодичному перестуку дождя по оцинкованной крыше,

¹² Касик — индейский вождь.

и ей было уютно и покойно от осознания того, что некоторые вещи в жизни остались неизменными. Остался дождь. А значит, по-прежнему существовали тучи, небо, птицы — мир, который был ей знаком.

Плешивая земля жадно всасывала дождевую воду. Жесткая белая трава начала зеленеть. По утрам бывало зябко и туманно. Мгла цеплялась за горные вершины, где воздух был холоднее. Большие грузные беременные яйцами самки удавов разворачивались и медленно ползали по густым тропическим зарослям в поисках кристально-чистой воды, что скапливалась в углублениях, образованных извилистыми корнями деревьев.

Дэвид засел дома. Из-за дождей он не ходил на рыбалку. «Простодушный» стоял на якоре в бухте, заполняясь водой. Надо как-нибудь собраться вычерпать воду и накрыть лодку брезентом. Русалка, вновь превратившаяся в женщину, провела в его постели три дня. Все бы ничего, однако новая соседка серьезно беспокоила Дэвида.

Ему снились реки и пещеры, снился отец, Леонардо Батист, давным-давно уехавший

вместе со своим братом, дядей Дэвида, Кристофом Лайфом, на большой остров. Дэвид задавался вопросом, как им сейчас живется, вспоминают ли они Сент-Констанс. Этих двоих не устроила скромная рыбацкая доля. Остров Черной Раковины оказался для них слишком мал, они сбежали, и с тех пор о братьях Батистах почти ничего не слышали. В Порт-Изабелле уже свершилась революция «Черной силы», премьер-министр давно провозгласил: «Время масса прошло»¹³, однако на Черной Раковине с тех пор мало что изменилось. Род мисс Рэйн никогда не угаснет; в любом случае Рэйны приходились Батистам родней. Белые семейства, как и раньше, были хозяевами в здешних краях, а чернокожие вроде Дэвида рождались и умирали в ожидании обещанной свободы и независимости. Да и вообще, так повелось на этих островах. Здесь рождались и умирали,

¹³ Революция «Черной силы» — массовые волнения в Республике Тринидад и Тобаго (1968–1970), инициированные движением «Черная сила». Лозунг «Время масса прошло» был провозглашен премьер-министром Эриком Уильямсом (чернокожие рабы называли британских колонизаторов «масса» — искаженное «мистер»).

сходились и расходились. Оставляли после себя след в виде человеческих жизней, побочных детей. Большинство знакомых Дэвиду мужчин имели многочисленное потомство; его дед Даркус Батист дал жизнь пятидесяти двум отпрыскам. Дэвид потерял счет своим двоюродным братьям и сестрам. Его отец и дядя давно уехали, но тут жили другие дядья и тетки, например Се-Се. Отец оставил Дэвиду лодку — все ж таки средство к существованию.

А потом появилась эта русалка. Заняла его кровать и молчала, как рыба, лишь изредка пописывая, фыркая или сопя. Длинные свалывшиеся волосы, татуировки по всему телу и неприязнь к одежде. Она принялась за углеводы — сырые кукурузу и сладкий картофель, — эти овощи как будто были ей знакомы. Гостья съедала принесенную Дэвидом пищу и справляла большую и малую нужду в маленькое ведерко с крышкой, стоявшее в углу. Она была очень молода, лет двадцати, не больше, и внешности необычайной. Дивные глаза с серебристыми белками следили за Дэвидом с таким неистовством, а позже с такой нежностью, что было трудно выдержать и не отвернуться.

Молодой рыбак чувствовал, что этому взгляду присуща зоркость иной эпохи. Он пронизывал Дэвидову душу насквозь. «Кто ты?» — вопрошали русалочьи глаза. Руки ее с остатками перепонок по-прежнему выглядели странно. Мочки ушей были проколоты и слегка отвисли. Все в этой прищелице из океана казалось таинственным и древним.

Кожа у нее была красновато-коричневая, как у обитателей Амазонии. Дэвид знал, что, за исключением Гвианы и Пуэрто-Рико, племя, к которому принадлежала эта девушка, почти вымерло на Карибах, лишь кое-где его остатки сохранились или смешались с другими народностями. Знала ли она об этом? Дэвид до сих пор не услышал от нее ни слова ни на одном языке.

Однажды утром его ждал сюрприз. Гостья появилась перед ним, стоя на четвереньках: она выбралась из постели и сползла по узкой лестнице вниз. Дэвид даже отпрянул, увидев на полу девушку, смотревшую на него сквозь длинные дреды. В ее взгляде читалась надежда. Она пыталась встать во весь рост, но было видно, что ноги ее слишком слабы.

— Эй! — с облегчением воскликнул Дэвид, приветствуя гостью. Он хотел, чтобы девушка привыкла к нему.

В тот раз она ничего не ответила. Только неотрывно смотрела на него, как раньше. А потом протянула руки, как бы прося помощи.

— Ну давай!

Рука в руке, Дэвид и его гостья все утро ходили по комнате. Она балансировала, опираясь на его предплечья, медленно и неуклюже ковыляла, то и дело подворачивая ноги. Сначала одна ступня, потом другая, с носка на пятку, шаг за шагом. Было нелегко, но Дэвид наконец начал чувствовать себя свободно в ее присутствии. Женщина, как говорится, приходила в себя — то есть становилась тем человеком, которым некогда была. А кем она была? Принцессой благородных кровей или простой девчонкой? Матерью или девственницей (с такими-то стоячими грудками)? Каким неведомым Дэвиду знанием владела? Он мог только гадать. Ясно было одно: к нему явилась посланница другой эпохи — юная и вместе с тем древняя. Семьдесят шестой стал годом больших перемен в Новом Свете. В газетах писали про университетские протесты

женщин и марши чернокожих. Что ж, русалка выбрала хорошее время, чтобы вернуться, если таковое вообще существовало.

Дневник Дэвида Батиста, апрель 2015-го

Я потратил все утро, помогая своей гостье вновь научиться ходить. Она шаталась из стороны в сторону, спотыкаясь на каждом шагу, словно неуклюжий карапуз. Ноги ее так долго были заключены внутри хвоста, что стали бесполезны. Но девушка не сдавалась, хотя, по всему виду, была напугана — и кто бы стал винить ее за это. Она появилась на свет вдали отсюда, совсем на другом острове. Однако хотела опять научиться ходить. У меня мелькнула мысль, что моя гостья стремится куда-то, и как только она станет на ноги, возможно, попытается сбежать. Все утро я поддерживал ее под руки, пока она училась стоять и шагать по комнате. Мне пришло в голову, что она могла бы опираться на ходунки вроде тех, какими пользуются старики. На следующий день я смастерил ей ходунки из старых досок. Она провела на них

целый день, тихонько передвигая ноги. Ей надо было много упражняться, чтобы вновь нарастить себе мускулы; сначала следует набраться сил, и тогда, быть может, ноги сами вспомнят, что надо делать. Когда я первый раз увидел русалку у скал близ Погибальной бухты, она напоминала *мокодзамби* — человека на ходулях, но ведь она держалась прямо благодаря хвосту. Казалось, с тех пор, как я заметил над водой ее головку, прошли годы, а ведь на самом деле минуло лишь несколько недель. И вот она уже живет в моем доме, спит в моей постели, учится ходить, а я ума не приложу, что с ней делать.

По правде говоря, в то утро, когда я впервые пел ей гимны, я сделался пленником. Теперь, много лет спустя, я с уверенностью говорю об этом. Русалка вынырнула из волн, посмотрела на меня, и, взглянув ей в лицо, я понял, что увидел прошлое этих островов, а еще — свою собственную историю; она показала мне самого себя. Айкайя явилась, чтобы пробудить мое «я», научить отдаваться сердцем, а не только телом, сделать меня человеком более цельным, чем прежде. Я был очарован ею и вместе с тем напуган, ведь она перестала быть русалкой не случайно.

И вот однажды, недели через две-три после ее спасения, раздался стук в дверь. Та распахнулась прежде, чем я успел сказать «войдите». Айкайя сидела за столом, перед ней стояла тарелка с ломтиками манго «джули» и тертым сладким картофелем. У моей гостьи как будто сохранились воспоминания о том, какие овощи можно есть сырыми, а какие нельзя: к ямсу она бы не притронулась¹⁴. Когда раздался стук, Айкайя соскочила со стула. Вошла Присцилла, моя соседка, и тотчас увидела, как через всю комнату проползла на четвереньках молодая индианка в моей майке и трениках и мгновенно вскарабкалась по лестнице на второй этаж.

Приход Присциллы жутко разозлил меня. Гнуснее существа нельзя было сыскать во всем поселке, да что там — на всем острове. К несчастью, эта злобная мелочная ведьма обитала всего в пяти домах от меня, на другой стороне дороги. Она приперлась в шортах и босоножках на высоком каблуке, из-под майки с более чем откровенным вырезом выглядывал черный лифчик. Эта подколотная змеюка исходила

¹⁴ В отличие от батата (сладкого картофеля) ямс, похожий на него корнеплод, в сыром виде ядовит.

ненавистью к мисс Рэйн и ее «безмозглому глухонемому отродью». Ко мне же она не раз подкатывала с бесстыдными домогательствами, но меня от нее воротило — слишком много яду. Ее лицо с торчащими передними зубами напоминало крысиную морду, но сама Присцилла считала себя горячей штучкой. Я не желал тратить на нее время, но ей тем не менее нравилось меня донимать. Именно из-за нее я затаился, когда в моем доме появилась русалка, и держал все двери на запоре.

Заметив, что у меня новая подружка, Присцилла разом удивилась и рассвирепела.

«Эй! Эй! — с порога закричала она. — С каких пор здесь живет женщина?»

«С каких пор ты вламываешься без приглашения?»

Присцилла уставилась на меня.

«Я же стучала, ты что, не слышал?»

«Разве я сказал „войдите“?»

«На кой ляд здесь эта баба?»

«На кой ляд этот допрос?»

«Что у нее с ногами?»

«Присцилла, я занят. Чего тебе надо?»

Она огляделась и заметила ходунки, сработанные мной для Айкайи.

«Это моя родственница», — сообщил я.

Присцилла демонстративно покосилась наверх, туда, где в спальне пряталась Айкайя.

«Оно и видно!»

«Так зачем ты явилась?»

Но Присцилла не унималась:

«Бесстыжие у нее глаза. Откуда она?»

«С Ямайки».

«Ну как же, косоглазая бесстыжая мисс Ямайка, а ноги не ходят. Она сирийка?»

«У нее инвалидность, ясно? Она немного поживет у меня. Так чего тебе надо?»

«Ничего. Давно не виделись, — Присцилла зазывно ухмыльнулась и впилась в меня взглядом, от которого кровь стыла в жилах. — Чего ты бесишься, пупсик?»

Тут я вконец озверел:

«Присцилла, выметайся-ка из моего дома, слышишь?!»

«Эй! Где твои манеры?»

«А твои где? Я занят. У меня гости. Проваливай. Здесь тебе не кабак, чтобы захаживать, когда приспичит».

Я распахнул дверь и твердо проговорил:

«До свидания».

Присцилла снова покосилась на спальню и окинула меня недобрым взглядом, в котором ясно читалось: «Еще вспомнишь обо мне».

«Ладно, — ответила непрошенная гостья. — Пока».

Ее визит не предвещал ничего хорошего. Присцилла приходилась матерью Колченожке и Николасу, которые были на «Неустрашимом», когда поймали русалку. Я слышал, что оба тогда жутко перепугались, и в страхе гадал, что будет, когда они узнают, что русалка обернулась девушкой и обитает по соседству. Я беспокоился об этом с тех пор, как увез Айкайю с причала. Не только из-за Присциллы. Разве можно сохранить новую подружку в секрете, а? Сколько она сможет пробыть у меня, прежде чем про нее узнают люди? Островитяне народ подозрительный, да, а Присцилла, насколько я знаю, путается с Портосом Джоном, офицером полиции из соседнего поселка Смолл-Рок. По крайней мере один из ее сыновей, Колченожка, прижит от него. А вдруг она расскажет Портосу про русалку? Не дай бог этот детина заявится сюда и увидит мою океанскую гостью, такую невинную и прекрасную.

Быть изгнанным — вдали от дома быть.
Быть изгнанным — расстаться с домом.
Изгнанница, изгой...
В изгнании проходит жизнь моя.

На Черной Раковине я узнала песни Боба Марли:
«Одна любовь» и «Прикури»¹⁵.
Боб Марли был наполовину белый,
он тоже полукровка, помесь,
такой же призрак — полубелый, получерный,
смешенье двух начал, такой же, как и я.
О нем узнала я от Реджи.
Он рассказал мне, что любил Боб Марли белую
и ненавидел белого отца.
Боб Марли — полукровка.
И Реджи полукровка,
от белой матери рожден.
И этот помесь, и другой,
но все ж не человека с рыбой.

Я танцевала на утесе одиноко,
и в доме со старухой Гуанайоа я жила.

¹⁵ «One Love» и «Catch a Fire» — песни Боба Марли.

Мужчины продолжали приходить,
являлись, чтоб меня увидеть.
Жила я тихо-тихо в домишке вместе со старухой,
а женщины сказали:
превратила я мужчин в рабов своих
и отняла у них свободу воли.
Не в силах были разлюбить меня мужчины,
уж очень я красивая была.
Их женщины проклятье наложили:
русалкой обернулась я,
старуха — черепахой жуткой.
По-прежнему была я молода
и одинока, как и Реджи.
Мне было не с кем перекинуться словцом.
Я долго-долго обитала в подводном мире,
где царила тишина,
но даже здесь был свой язык —
эхолокация, как говорил мне Реджи.
И я освоила подводный способ этот.
Сдружилась я со старой осьминожкой
и до сих пор по ней скучаю:
давно мы не встречались.
И много лет жила я среди рыб,
не зная, сколько минуло веков.
Я видела, как обрели каноэ
большие двигатели, что режут так громко.

Я сторонилась их.
Я видела в каноэ людей в одежде.
Решила я держаться как можно дальше.
Подводный мир огромен, и все в нем
устроено иначе.
Русалка — гостя в этом мире.
Я наблюдала, и держалась в стороне,
и сторонилась и крылаток,
и больших акул.

Айкайя мое имя с давних пор —
Сладкоголосая.
Мужчин боюсь, но женщин еще пуще.

После прихода Присциллы и ее последующего изгнания Айкайя несколько дней практиковалась в ходьбе. Вечерами она ковыляла по дому, опираясь на деревянные ходунки. Если Дэвид наблюдал за ней — не обращала внимания и, отвернувшись, упорно продолжала брести, иногда по кругу. Зачастую к концу она, задыхаясь, опускалась на колени. Ей хотелось снова научиться ходить, но океан за тысячу лет сделал ее ноги бесполезными. Айкайя пробовала не только

ходить. Вскоре пришел черед пения. Она мурлыкала про себя. Ночами в кровати, когда Дэвид укладывался внизу, Айкайя напевала грустные песни про сестер и остров в виде ящерицы. Голос возвращался к ней и звучал подобно океану, хотя еще не набрал полную силу.

Дэвид спал плохо. Часто просыпался в сильном возбуждении, испытывая неодолимое влечение к морской деве, хотя она оставалась тайной за семью печатями. Сначала полурыба, а теперь уже почти женщина. Легенда, ставшая явью. Может, рыбаки и впрямь веками встречали на океанских просторах русалку и ее сестер; вдруг все эти байки не врал. Когда Айкайя не была настороженной и подозрительной, Дэвид чувствовал исходившее от нее спокойствие, видел, с каким нежным участием относится она ко всему живому — например, к псу Харви. Русалка изменила представление Дэвида о том, что такое быть человеком. Впервые она показала из волн в марте — таинственное полунагое создание без имени и без судьбы. Несчастная так долго пробыла в море, что забыла язык своего народа — мирного племени таино. Дэвид читал про таино в школьном учебнике: то были первые люди, поселившиеся на архипелаге.

Русалка похитила всю его жизнь, воспламенила сердце и овладела разумом.

Ночью молодому рыбаку снилось, будто она танцует на скалистом берегу соседнего острова. Небо было зеленым, желтое солнце стекало в кроваво-алое море. В этих снах Айкайя появлялась из рыжевато-бурой земли и протягивала ему полные горсти грязи. Чресла его ныли от возжеления. Внутренний голос неотвязно твердил Дэвиду, что они уже где-то встречались, что он даже искал ее у тех острых скал близ Погибелльной бухты. Этой женщине не больше двадцати, но при том она очень стара; вид у нее ласковый и невинный, но ведь она много лет в одиночестве бороздила океаны, обреченная на вечное изгнание.

Через три недели гостя Дэвида мисками поглощала сырую капусту и сладкий картофель. Манго она съедала целиком, с кожурой, косточку обсасывала дочиста. Передвигалась по-прежнему с помощью ходунков. Ступни у нее были исполинские, шишковатые, с перепончатыми пальцами; своды расплющились, и стопы подворачивались при ходьбе внутрь. Айкайя все так же не любила одежду. Порой она забывалась

и расхаживала по дому голой, а Дэвид боялся, как бы она в таком виде, с этими ее стоячими грудками и татуировками, не выглянула во двор. Длинные черные русалочьи волосы, заплетенные в дреды, окончательно сваялись. От девушки, как и прежде, веяло крепким соленым духом океана. Дэвид хорошо усвоил школьные уроки истории, где рассказывалось про туземные племена и испанских конкистадоров, и теперь опасался, что современные микробы и бактерии могут погубить гостью из прошлого.

И вот однажды ночью до Дэвида донесся ее голос. Слов не было, но наверху как будто распевалось сопрано: сначала вверх и вниз, а потом протяжные, торжественные, объемистые мелодичные рулады. У гостыи был глубокий звучный голос зрелой женщины. Ее пение пробирало до костей, то была неторопливая песнь поминовения. Дэвид поднялся по лестнице и в свете луны увидел, что девушка сидит на кровати, выпрямившись с закрытыми глазами, и поет сама для себя. Почувствовав, что Дэвид рядом, она открыла глаза, но продолжала петь. Впервые она не испугалась его. Дэвид спросил себя, не пелось ли в ее песне о том,

что случилось давным-давно и из-за чего она оказалась в море. Как бы там ни было, звуки эти шли из самого сердца. Русалка позволила ему слушать. Когда она закончила, Дэвид приблизился и опустился на кровать, примостившись на самом краешке, потому что гостья по-прежнему смотрела строго.

— Песня, — произнес он.

И она кивнула — потому что поняла его.

На следующий день, когда перестал дождь и небо прояснело, в огромном светлом доме, украшенном кружевной резьбой, Аркадия и Реджи корпели над математикой и волшебными греческими формулами вроде «пи эр в квадрате» — площади круга. Реджи находился на домашнем обучении, его наставницей была мать, а до того — Джеральдина Пайк, по-прежнему поддерживавшая связь с учеником при помощи писем. Когда-то, смирившись с глухотой Реджи, Аркадия бросилась собирать информацию; она разузнала про язык жестов, а также про школы для глухонемых — все они находились в Америке, а в родных пенатах в те времена не было

ничего подходящего, даже на больших островах. Пришлось порядком потратиться, чтобы залучить Джеральдину на Черную Раковину, и та спасла мальчика от социальной изоляции, подарив ему язык, и более того — идеи.

Теперь Реджи знал три языка: американский язык жестов, островной диалект английского (он умел читать по губам), а также литературный английский — для чтения. Мальчик был гордецом. Он презирал слуховые аппараты, не желая всеми правдами и неправдами принаравливаться к миру звуков, которому был чужд от рождения. Реджи хотел быть только собой — самодостаточным одиночкой, крохотным единоличным меньшинством. Надев наушники, он мог сутками напролет торчать под басы Боба, «Тутсов» и «Асвада»¹⁶, и пока этого ему хватало; кроме того, рассуждал мальчик, рано или поздно все эти музыканты тоже оглохнут.

С помощью жестов Реджи объявил, что ненавидит Пифагора и осведомился, что это за умник с дурацким именем.

¹⁶ «Aswad» — британская группа, исполняющая музыку в стиле регги (существует с 1975 года по сей день).

Аркадия объяснила, что Пифагор — гениальный математик. Он знал толк в окружностях.

— Я тоже знаю, — возразил Реджи. — Может, познакомишься с моими формулами?

Аркадия ответила:

— Пожалуй, не стоит, во всяком случае, не теперь. Ладно. Хватит на сегодня занятий. Завтра продолжим. А сейчас пора навестить дядю Дэвида.

— Клево! — ответил Реджи.

Постучав в дверь Дэвида, Аркадия и Реджи стали ждать ответа. Айкайя успела спрятаться наверху, но Дэвид был близок к отчаянию. Молодой рыбак делил свой дом с бывшей русалкой без малого четыре недели. Он влюбился без памяти, но оказалось — в неряху. Да что там, Айкайя была настоящая грязнуля; мало того что она выгнала хозяина дома из его собственной постели, но и завалила ее огрызками манго и фруктовой кожурой. Дэвиду приходилось ежедневно выносить ее ведро. И если поначалу ему стоило немалых трудов заставить гостью прикрыть наготу, когда она наконец уступила, было еще труднее убедить ее сменить грязную одежду. Айкайя внушала благоговейный трепет, но от нее жутко разило. Каждую ночь она пела

в постели, и Дэвид начал опасаться, что соседи услышат ее и пронюхают правду. Упражнения в ходьбе медленно, но верно делали свое дело. Девушка уже могла стоять без ходунков. Скоро она начнет ходить. И что тогда? Куда она направит свои стопы, и как ему придется объяснять ее присутствие соседям, не говоря об остальном поселке? Дэвид уже приноровился к ее необычному взгляду, но все еще не был уверен, можно ли считать гостью человеческим существом. Слишком уж яркие были у нее глаза.

— Эй! — прокричала с улицы Аркадия.

Дэвид открыл дверь.

— Здравствуйте, мисс Рэйн, — пробормотал он.

Она изумленно уставилась на хозяина дома.

— Дэвид, что у тебя за свинарник?

Рыбак оторопел; не считая Присциллы и бывшей русалки, за последние несколько недель он не видел ни единой живой души.

— О чем это вы?

— Дерьмово ты выглядишь. И вонь стоит жуткая. Что тут творится?

— Ничего.

Мисс Рэйн поцокала языком, выразительно закатила глаза и вошла. Следом переступил

порог Реджи. Мальчик был в футболке с портретом Бернинга Спира¹⁷ и зеркальных солнечных очках — ни дать ни взять член регги-бэнда. Они с Дэвидом приветствовали друг друга.

— Серьезно, приятель, — продолжала Аркадия. — Какие проблемы?

Она придвинула к себе один из двух белых пластиковых стульев и осмотрелась.

— Разит тут дай боже, а лодка твоя скоро утопнет, если не подымешь свою задницу и не отправишься вычерпывать воду. Что происходит?

— Все тихо-мирно, мисс. Навожу красоту, хозяйством занимаюсь.

Реджи огляделся в поисках уборочного инвентаря. Дэвид занервничал.

— Давайте-ка заварю вам чайку, — предложил он.

— Валяй. Вообще-то я по делу.

Дэвид налил в чайник воды, поднес спичку к конфорке и держал ее, пока не заплясало синеватое пламя.

— Я пришла расспросить тебя про дядю.

¹⁷ Бернинг Спир (Горящее Копье) — сценический псевдоним ямайского регги-музыканта Уинстона Родни (род. 1945).

— Это про которого же?

— Не придуривайся. Отлично знаешь, о ком я толкую.

Обернувшись, Дэвид увидел, что гостя покраснела до корней волос, чего раньше за нею не наблюдалось. Мисс Рэйн была не из стеснительных. Выглядела она молодо, лет на тридцать, хотя на самом деле была десятью годами старше. Жизнь этой женщины была на виду и вместе с тем полна таинственности. Ее жестоко предали. Дядя Лайф был настоящим ловеласом и изменником. У Реджи на Черной Ракшине, без сомнения, было много единокровных братьев и сестер, но пока еще никто не взялся составить их полный список.

— Реджи скоро исполняется десять лет, — начала Аркадия.

Дэвид кивнул.

— Мне кажется, он заслужил, чтобы ему устроили праздник... Я тут подумала... Ну, знаешь...

Дэвид опять кивнул и покосился на Реджи.

— Пожалуй, мы могли бы позвать нескольких друзей. Наверное. Тебя, например... Ту же Се-Се... Ну, знаешь... — Мисс Рэйн слегка замялась. — Я даже подумала, может...

Пронзительно засвистел чайник. Дэвид с помощью прихватки снял его с плиты.

— Ах ты, зараза треклятая, дьявол тебя дери! Дэвид, ты же понял, о чем я.

— Нет, мисс.

Аркадия в упор посмотрела на него. Глаза ее слегка увлажнились.

— Ты когда-нибудь получал вести от дяди Лайфа или, может, виделся с ним?

Дэвид смотрел на мисс Рэйн с сожалением. Она ведь совсем не плохая. Лайф ей в подметки не годится. Он бессовестно оставил Аркадию ради какой-то городской красотишки в Порт-Изабелле. Больше Дэвиду ничего не было известно, но и этого мисс Рэйн от него не услышит. Ни к чему ей знать.

— Нет, мисс. Я ничего не знаю ни про него, ни про отца. От них давно никаких известий. Они в Порт-Изабелле.

— Никаких известий?

— Да. — Пришлось слегка покривить душой.

Дэвид слышал, что недавно у Лайфа прошла выставка и он пролез в богемную тусовку. Сказать по правде, молодому рыбаку не было особого дела ни до Лайфа, ни до отца.

— Мисс Рэйн, — сказал он, — в ближайшее время Лайф навряд ли сюда вернется.

Она кивнула:

— Да, я тоже так думаю. Мне просто хотелось, чтобы Реджи...

И оба они взглянули туда, где только что стоял Реджи, но мальчик исчез.

Вдруг сверху донесся пронзительный вопль. Дэвид остолбенел.

— Что там, черт побери?! — воскликнула мисс Рэйн.

Дэвид содрогнулся и закрыл глаза.

— Господи, что этот мальчишка там натворил?!

Аркадия сорвалась с места и бросилась наверх.

Дэвид остался внизу, будучи уже не в силах ничего поправить. По крайней мере, это будет мисс Рэйн, а не кто-то другой.

— Дэвид! Дэ-э-эвид! Скорее сюда!

Айкайя со спутанными волосами, в грязной майке и трениках Дэвида сидела на кровати; глаза ее сверкали как звезды. Перед ней на коленях стоял Реджи и жестикулировал, а она кивала и пыталась повторить его движения. Мисс Рэйн наблюдала за ними.

Дэвид поднялся и увидел, что русалка и Реджи машут руками, а Аркадия в изумлении тарашится на них.

— Кто это, дьявол ее возьми, такая? — спросила мисс Рэйн.

— Я все объясню.

— Дэвид, она какая-то странная.

Дэвид прикусил губу и кивнул.

— Знаешь, у нее необычные глаза и руки. Кто она?

— Это русалка, мисс.

Мисс Рэйн повернулась и уставилась на него.

— Что?!

— Это та самая русалка, которую поймали белые недели три-четыре назад.

— Дэвид, умоляю, не пори чушь! — Женщина закрыла уши ладонями.

— Мисс, это правда. Я обрезал веревку, на которой она висела, и спас ее. Это я ее похитил.

Аркадия удивленно взирала на сына, обучавшего русалку своему языку.

— Нет, Дэвид!

— Да, мисс.

Мисс Рэйн замотала головой, из глаз ее брызнули слезы.

— Ваши тупоголовые янки уже кормили меня этими байками. Мой павлин чуть не заклевал старого дуралея. Не может быть!

Дэвид кивнул:

— Может!

Аркадия не отрываясь смотрела на него.

— Дерьмовые дела, друг Дэвид.

Горячие слезы заструились по его лицу; он испытывал и облегчение, и испуг, не говоря уже об усталости. Последние несколько недель ему совсем не спалось. Все это теперь изливалось соленой влагой.

— И что же такое с ней приключилось?

— Хвост отвалился.

— Вижу.

— Да. Весь отвалился, как есть. Она почти сразу начала меняться.

— А! — Мисс Рэйн затрясла головой.

— Я думал, что выпущу ее обратно в море, к рыбам. А она вдруг начала превращаться...

— Господи помилуй!

— Бедняжка только-только выучилась ходить.

— А!

— Я люблю ее, мисс Рэйн.

У Аркадии отвисла челюсть.

— Да, это произошло как-то сразу.

— Вот дерьмо.

И оба в благоговейном молчании воззрились на русалку и ребенка, сидевших на кровати и разговаривавших на языке жестов.

Вновь ноги обрета, я поначалу
пела о море и одиноких скитаньях.

А потом познакомилась с Реджи.

Мисс Рэйн остолбенела, впервые меня увидав,
крикнула «Нет!»,

будто столкнулась с безобразным уродом.

Реджи руками заговорил.

Так мы и узнали друг друга.

Свел нас язык наших рук —
первый в мире язык.

Как только Реджи ушел, а с ним и мисс Рэйн,
я, распластавшись, легла на постели.

Ясно мне было: вернутся они.

Что тогда?

Я начала напевать про себя.

Дэвид пришел, слушал он песни мои.

Как в стародавние дни

хаживали мужчины, чтобы послушать меня.

А как-то ночью спустилась и стала следить
за Дэвидом, спящим в постели.
Тихо, тихонько я подошла
и долго смотрела,
одна рядом со спящим мужчиной.
Я рассмотрела и нос, и закрытые очи,
грудь, что вздымалась и опускалась.
Долго следила я взглядом за Дэвидом спящим,
как за косаткой, мимо плывущей,
и ощущала себя чужой в этой жизни.

Я — русалка, которая наблюдает,
всегда наблюдает, чтобы себя уберечь.
Я долго следила за Дэвидом спящим.
Выглядел он совсем как мальчишка.
Был ли и он мне врагом?
Обуревали меня чувства, мне непонятные.
И вот однажды целую ночь я наблюдала за ним.

Дневник Дэвида Батиста, май 2015-го

После того как зашедшая ко мне мисс Рэйн
впервые увидела русалку, мы с ней спустились
на первый этаж и долго беседовали. Реджи

остался наверху, а мы с мисс Рэйн проговорили целый час, если не больше. Мисс Рэйн курила сигарету за сигаретой. Ей хотелось рассказать мне про Лайфа: как они познакомились, будучи детьми, как она влюбилась в него с первого взгляда и любила больше двадцати лет. Я разволновался: ведь у меня случилось то же самое с Айкайей. Лайф был ее сердечным другом, сказала мисс Рэйн, и от этих слов у меня по коже побежали мурашки, мне сделалось дурно при одной только мысли о сердечном друге.

Удивительно, что мисс Рэйн так разоткровенничалась. Впрочем, мне было жаль бедную женщину: по-моему, Лайф никогда ей не доверял, типа она же белая, вся из себя такая важная и живет в огромном доме на холме. Я всегда считал, что Лайф ее не бросал — он сбежал, чтобы проявить себя, потому что здесь ощущал себя ничтожеством. Я часто слышал, как люди называли его домашним ниггером. Никто не верил, что он сумеет стать с ней на одну доску. Думаю, Лайфу хотелось сравняться с мисс Рэйн по положению. Он распрощался не только с ней, но и со своей прежней жизнью на Черной Раковине. Лайф ведь, помимо прочего, был художником и мечтал о признании. Но мисс Рэйн

смотрела на все иначе. Ей просто было грустно и одиноко. Она дико скучала по Лайфу; они ведь сызмальства влюбились друг в друга, по крайней мере сама мисс Рэйн так сказала в тот день. В детстве оба были обычными босоногими деревенскими ребятами. Мисс Рэйн не сумела взглянуть с другой стороны. Она классная, не поймите превратно! Но ей невдомек, как живут черные; особенно те, у кого, как у Лайфа, есть талант и желание добиться чего-то своими силами. Всего этого мисс Рэйн в упор не замечала; она тужила и тосковала, будто ей все равно, что ее любимый — пустое место. Я сказал мисс Рэйн, что Лайф уехал, чтобы стать человеком, а она возразила, что в ее глазах он уже был человеком. И что не надо было стремиться стать еще лучше. Она любила Лайфа, а Реджи так никогда и не узнал отца. У сына тоже есть талант. И он всегда мечтал познакомиться с папой. В тот день мне было очень, очень жаль бедную женщину и ее мальчика.

Потом спустился Реджи с широкой улыбкой на лице.

Они с мисс Рэйн обменялись несколькими жестами, а затем мать велела сыну пригласить эту девушку наверху к нему на день рождения.

Я изумленно уставился на мисс Рэйн.

Мать и сын внимательно смотрели на меня. Я спросил, знает ли Реджи, что она русалка.

Мисс Рэйн перевела вопрос, и Реджи утвердительно кивнул.

Я взглянул на женщину и ее сына, и вдруг мне сделалось очень хорошо. Порой можно найти отличный выход из самого скверного положения. Реджи — замечательный парнишка. Вовсе не безмозглый, как утверждала Присцилла. И никакой он не глухонемой; всего лишь глухой.

Реджи обратился ко мне на языке жестов, мисс Рэйн переводила.

Мальчик приглашал меня и госпожу рыбу на обед в следующее воскресенье. Он сообщил, что будет музыка. Я ответил: ладно, придем, и Реджи рассмеялся.

«Русалка — настоящая бомба, парень», — сказал я.

Мисс Рэйн закатила глаза и поинтересовалась, не вообразил ли я, что эта особа сможет жить здесь, со мной, на Черной Раковине. Я ответил: не знаю, я и сам постоянно об этом размышляю. Мисс Рэйн осведомилась про соседей,

Присциллу и прочих, и я сообщил, что Присцилла уже видела русалку.

«Берегись этой стервы, — предостерегла меня мисс Рэйн. — Она в случае чего способна здорово навредить тебе».

Я заверил ее, что знаю об этом и что Колченожка и другой сын Присциллы были тогда на катере. Их нанял Найсер.

«Дело дрянь! — воскликнула мисс Рэйн. — У чертовой Присциллы поганый язык, так и брызжет ядом. А меня она крепко невзлюбила».

Я кивнул, соглашаясь, мисс Рэйн цокнула языком и закатила глаза. Потом спросила: может, эта девушка глухая? Я ответил: нет, — и тогда она заметила, что я мог бы научить ее говорить, как Реджи. Я спросил: как? Мисс Рэйн объяснила, что у нее дома есть учебники. Азбука и прочее. Она научила Реджи читать и писать, это совсем не трудно, я могу одолжить у нее эти книжки.

Я сразу как-то воспрянул духом, и нам с мисс Рэйн обоим стало легче. Мы знали, что у меня наверху поселилось настоящее чудо. Похоже, Реджи тоже это понял.

«Ладно», — проговорила мисс Рэйн, точно приняла какое-то решение. Она сказала, что им пора уходить и мы увидимся через несколько дней.

Реджи подошел, обнял меня, и я испытал внезапный приступ *табанки* по русалке, по нему, да и по всему остальному тоже.

«Ладно, парень», — сказал я и тоже обнял его.

После их ухода я сидел за столом и размышлял о том, как круто изменилась моя жизнь. Тогда я еще не знал, насколько круто. Ясно было только, что все стало с ног на голову; раньше жизнь была простой, беззаботной. А нынче наоборот. Такой жизнь делают женщины, вот отчего я никогда не приводил в свой дом бабу. А эта оказалась неряхой, ребята, да еще и горланила по ночам. Я решил про себя, что велю ей принять ванну. Надо показать, кто в доме хозяин. Эта девица въехала и тотчас, без единого слова навела свои порядки. Я должен вернуть себе власть. Даже Харви ее полюбил. Забавно, да? Натасканный на коноплю сторожевой рыбацкий пес, верный товарищ, сущий цербер, готовый облять любого прохожего, словно нашел в Ай-кайе лучшую подружку. Она что, заколдовала

его, а? Как вообще можно пустить в свой дом женщину, не говоря уже о русалке? Жизнь разом перевернулась, ребята. Вот уж не думал, не гадал. Позднее мне стало ясно, что за этой переменной, как и за всякой другой, тянулась длинная цепь событий, такая длинная, что и конец не сразу углядишь.

На следующий день зарядил страшный ливень, будто разверзлись хляби небесные. Он колотил по оцинкованной крыше, но Айкайя, кажется, была счастлива. Стоя посреди комнаты и навалившись на ходунки, она улыбалась Дэвиду, и этот знак расположения удивил его. После визита Реджи русалка смягчилась и даже поела отварного картофеля. За окнами хлопали ставни. Айкайя выпустила из рук ходунки и отодвинула в сторону. Дэвид отвернулся, чтобы закрепить ставень, и вдруг услышал за спиной странный звук, похожий на писк летучей мыши или чириканье птицы. Он обернулся и увидел, что Айкайя, крепко сжав губы и устремив взгляд вниз, безо всякой поддержки пробует сделать

большой шаг вперед. Дэвид метнулся было на помощь, но по ее лицу прочел: не надо. Айкайя перенесла ногу и поставила ее на пол с лукавой усмешкой, словно хотела сказать: теперь порядок. Однако девушка осталась без опоры. Медленно, словно космонавт, она оторвала от пола ногу, оказавшуюся сзади, подняла и выставила вперед. После этого она подняла взгляд, глаза ее сверкали, лицо расплывалось в улыбке.

Узрев эту улыбку, Дэвид чуть не лишился чувств. Он стоял и отупело пялился на русалку, продолжавшую медленно, по-космонавтски шагать вперед, помахивая расставленными в стороны руками, словно крыльями. Не хватало только шлема и космических сапог. Айкайя не ходила несколько столетий, но в ее мозгу сохранились воспоминания о том, как это делается, и весь оставшийся день она шагала и шагала, балансируя руками. Один большой шаг, затем второй. Когда силы оставляли ее, она опускалась на стул и сидела, уставившись в пол.

В полдень Дэвид принес девушке тарелку с сырой стручковой фасолью и тыквой. Она снова улыбнулась ему. Дэвид и тут чуть не хлопнулся в обморок. С этой женщиной много

хлопот, зато ей легко угодить, подумалось ему. Он взглянул на большие ступни Айкайи; нужна обувь, возможно, кеды обеспечат походке большую уверенность. У Дэвида где-то завалялись старые «адидасы», которые могли бы ей подойти, и он отправился поискать их в пикапе. Когда он вернулся, Айкайя жевала кожуру тыквы. Дэвид поднял кеды, показал ей, и она сделала знак, что поняла.

Дэвид наклонился над Айкайей и стал натягивать на нее кед. Нога шла как по маслу. Молодой человек с новым удивлением воззрился на женскую ступню. Кто бы мог подумать: пальцы с перепонками!

— Ладно, проталкивай, — сказал он Айкайе.

Она, стараясь сохранить равновесие, хваталась руками за его спину. Раздался тихий смешок, и Дэвида обдало горячей волной; он не смел оглянуться на нее. Вот это новость: она смеется?

Когда кед был надет, парень завязал шнурки и заглянул в девичье лицо. Она кивнула, давая понять, что все в порядке. Дэвид проделал то же самое со вторым кедом, избегая смотреть на перепончатые пальцы, и туго завязал шнурки.

Айкайя совершенно не стеснялась своих ступней. Итак, в 1976 году первой ее обувью стали потрепанные замшевые кеды «Адидас», зеленые с тремя белыми полосками. Дэвид позволил себе надеяться, что здесь, на северной оконечности Черной Раковины, у русалки больше шансов на выживание, чем где бы то ни было на земле, и, может даже, она сумеет прижиться.

Когда кеды были надеты, Айкайя встала и сделала шаг вперед, выставив подбородок. На этот раз вышло куда лучше. «Адидасы» девятого размера¹⁸ с резиновыми подошвами придавали ноге устойчивость. Айкайя ступила еще раз, потом другой. Неуклюжая космическая походка исчезла. Девушка сосредоточилась на том, чтобы делать шаги поменьше. Хотя и не сразу, но у нее стало получаться. Дэвид долго наблюдал за тем, как Айкайя медленно пересекает комнату по диагонали и возвращается обратно, уже не так широко расставляя руки. Это заставило его задуматься над тем, сколь многое воспринимается нами как само собой разумеющееся; мы не помним, как научились ходить, а ведь это одна из тех вещей, которые осваивает

¹⁸ Соответствует российскому 42-му размеру обуви.

каждый ребенок. Наблюдать за Айкайей было все равно что становиться свидетелем маленького чуда — бабочки, высвобождающейся из кокона, или крохотного утенка, осторожно переставляющего перепончатые лапки. Дэвид на миг задумался о своем первом шаге: кто был рядом, чтобы ловить его, когда он падал?

Следующие три дня Айкайя училась ходить в старых кедах. Как и в случае с одеждой, раз надев, она отказывалась снимать их даже перед сном. Девушка по-прежнему не подпускала парня к своей кровати. Теперь это была ее единоличная территория. Дэвид подозревал, что она что-то прячет под простынями: на постели там и сям виднелись бугорки. Может, она до сих пор сбрасывала чешую? Затем ему пришло в голову, что надо принести назад ванну и наполнить ее водой из шланга. В конце концов, это его дом, черт возьми. Неужто появление русалки совсем лишило его силы воли? Однажды Дэвид поднялся к ней и взглядом показал, что она должна спуститься на первый этаж. Увидев ванну, Айкайя как будто покорилась. Она стащила с себя смердевшую одежду и предстала перед молодым человеком

обнаженная, прикрыв татуированные груди волосами, а лобок ладонями. Затем она залезла в ванну, по очереди перекинув через бортик обутые в кеды ступни, и легла на дно, неотрывно следя взглядом за Дэвидом. Он отыскал кусок мыла и подал ей. Айкайя была озадачена, и он показал, как им пользоваться, после чего оставил ее мыться в одиночестве, благодаря Господа — за что, Дэвид и сам не знал, может, просто за то, что его диковинная гостья научилась ходить, а вскоре снова будет чистой, как самая обычная женщина.

Позднее, когда Айкайя надела свежую одежду — очередные штаны от спортивного костюма и футболку, Дэвид вручил ей зубную щетку. Уставившись на странный предмет, девушка недоуменно покачала головой. Дэвид продемонстрировал работу щетки на собственных зубах, и Айкайя снова засмеялась.

У него на глаза навернулись слезы. Гостья смеялась третий раз за день. Что-то изменилось. Хорошо бы всю жизнь оберегать ее. Однако Дэвид подозревал, что у нее необязательно есть потребность в этом. Собственно, теперь, когда его гостья занимала кеды, можно было ждать,

что однажды она исчезнет так же неожиданно, как появилась. Айкайя уйдет поутру, оставив в постели кожуру от манго и прихватив с собой его сердце. Сердечный друг. Дэвиду не понравилось это выражение. Он отдал девушке зубную щетку и показал на тазик с соленой водой, стоявший на столе. Айкайя поскребла зубы щеткой, прополоскала рот водой.

Дэвид поставил на огонь чайник, собираясь заварить травяной чай, чтобы успокоить нервные спазмы в животе, не отпускавшие его с тех пор, как сюда приходила мисс Рэйн с сыном. Праздник? С музыкой? Дэвид был в ее доме всего дважды в жизни, и оба раза для того, чтобы доставить понадобившиеся ей вещи — тачку и газонокосилку. По правде говоря, мисс Рэйн была почти так же непредсказуема, как русалка. Если ей нужно было вас видеть, она приходила сама. Это мисс Рэйн снисходила до вас, а не вы поднимались к ней.

Вот мисс Рэйн и провела про таинственную гостью Дэвида, даже сказала, что он может научить ее говорить и читать. Неужто возможно, чтобы женщина-русалка осталась здесь, у него, на неопределенное время?

Где же пропадает чертов Лайф? И папаша в придачу. Внезапно Дэвиду захотелось, чтобы они были дома. Как эти треклятые мужики смеют бросать на произвол судьбы своих женщин и детей? Реджи скоро исполнится десять! Совсем большой парень вырос. Дэвид отхлебнул чаю из кружки.

Айкайя следила за заходящим солнцем. Читала по облакам. Любовалась птичьим царством. Впитывала в себя большой мир за окном — мир, который был ей понятен. Теперь она тратила все время на то, чтобы вновь привыкнуть к своему прежнему телу.

Дом Дэвида располагался в банановых зарослях на склоне холма. С маленького крылечка открывался вид на бухту, и можно было каждый день встречать рассветы и закаты. Айкайя наблюдала за разноцветными облаками и серебристой рябью моря. По ее щеке скатилась слеза.

— Море, — произнес Дэвид.

У них на глазах солнце окрасило небеса охристыми, лиловыми и алыми тонами. Море казалось далеким и беспредельным. В этом огромном, безмятежном суверенном государстве, так хорошо знакомом им обоим, русалка и молодой рыбак повстречали друг друга.

Дэвид подумал: скучает ли его гостя по океанской пучине или же для нее море было лишь чистилищем? Рада ли она тому, что опять стала женщиной и может вести прежнюю жизнь на Карибах? Сумеет ли начать все заново? Русалка была еще довольно молода. Дэвид желал ее, но вместе с тем уповал, что она вольна сама выбирать себе дорогу. Айкайя улыбнулась ему, и в этот раз он уловил в ее взгляде спокойную надежду. У него возникло чувство, что в ее жизни или что-то закончилось, или только еще начиналось.

Глава 5

РЕЧЬ

Треклятым островом называла остров Черной Раковины мисс Рэйн, а уж его северная окончность вообще представлялась ей филиалом преисподней. Самым ранним воспоминанием Аркадии был беспрестанный рев в ночи, будто раскаты грома соединялись с рыком голодного хищника; будто кто-то грозился: «Я вот-вот растерзаю тебя!» — но это были всего-навсего обезьяны-ревуны в тропических зарослях за домом.

Владения Рэйнов включали в себя один из древнейших тропических лесов на земле. Аркадия росла, ощущая эту неотвратимо надвигающуюся опасность однажды быть съеденной заживо. Если она не достанется ревунам, тогда

из леса выползет удав, обовьет ее, спящую, толстыми кольцами и раздавит.

Голосом преисподней был рев обезьян. Запахом ее — смрад застойных вод, приносимый пассатами. Имелись в преисподней и свои призраки — души тысяч замученных карибов и увезенных силой африканцев, что некогда трудились и умерли на земле, ныне принадлежавшей Рэйнам.

На протяжении четырехсот лет остров Черной Раковины двадцать три раза переходил из рук в руки. Веками в Сент-Констанс прибывали поселенцы, буканьеры¹⁹, моряки, отщепенцы, чиновники. Некоторых из них карибы не трогали, на иных нападали, а после истребляли; кто-то сдавался и уезжал, перед этим не забыв присвоить бухтам и вершинам холмов европейские имена. Каждая здешняя бухта являлась очевидицей кровопролитных морских сражений, каждое побережье — свидетелем бесчисленных убийств. Белые всех мастей и званий прибывали и прибывали сюда, полные дерзкой уверенности в собственных видах на будущее. Большинству

¹⁹ Пираты, нападавшие на испанские корабли и колонии в Карибском море.

здешняя жизнь оказывалась не по зубам, люди отказывались от претензий на господство и удирали, говоря себе: нет, это выше моих сил. Их одолевали карибы, другие европейцы, болезни, ураганы и засухи. Уходя с острова, голландцы оставили батарею с двумя пушками. Французы — церковь. Англичане — плавучую пароходную базу. Много позже американцы бросили радиолокационную станцию. На северной оконечности Черной Раковины побывали даже Черная Борода и капитан Морган; поговаривают, будто они зарыли на холмах сокровища.

Архиепископ Рэйн, предок Аркадии, был англиканским священником. Он купил землю через двадцать семь лет после отмены рабства и возвел дом из красного дерева, добытого в лесу. Камень привез морем из Англии. И назвал свое жилище «Темперанс»²⁰. Прежде здесь до самого дня освобождения трудились сто шестьдесят рабов. Когда с рабством было покончено, многие выходцы с Конго сделались рыбаками, но горстка бывших невольников осталась во владениях, впоследствии купленных Рэйном, постепенно превратившись

²⁰ Temperance (англ.) — умеренность, воздержание.

в фермеров-арендаторов и возделывая землю, которая была способна прокормить их. Рэйны стали первыми плантаторами, которые платили своим работникам. В конце концов власти выкупили у них большой участок и распродали его селянам. Земля в преисподней была адски хорошая, плодородная. Много веков подряд здесь выращивали мускатный орех, индиго, имбирь, хлопок, бананы, какао и сахарный тростник. Нынче большое колесо от сахарного пресса валялось у подножия холма и так проржавело, что об него можно было порезать руку.

Ко всему прочему преисподнюю опустошали природные бедствия. Два сокрушительных урагана прокатились по Черной Раковине с разницей в столетие. Последний, нагрянувший в 1961 году, уничтожил восемьдесят процентов урожая и полностью покончил с производством какао, которое к тому времени выращивалось преимущественно мелкими фермерами. Этот же ураган выдворил с острова братьев Аркадии, Арчи и Августа; оба с трудом выносили родные края и с облегчением убрались на большой остров, чтобы найти работу в городе, хотя родились в деревне. Их дети, все поголовно мулаты, тоже уехали с Черной Раковины.

Из всего рода Рэйнов в Сент-Констансе осталась одна Аркадия. Ей было позволено управлять разоренным поместьем по собственному усмотрению, а она предоставляла эту заботу жителям поселка — до известной, конечно, степени. Се-Се и ее братья заведовали кооперативным рыбным рынком. Сторожа охраняли лес от вырубки и браконьеров. Фермеры пестиовали свой урожай. Благодаря заботам мисс Рэйн поселяне могли без усилий платить аренду, выкупать землю и строиться на ней. В эту часть острова потянулись туристы, вроде тех янки, что приезжали на соревнования. Да-да, сущая преисподняя, что тогда, что сейчас, и в отличие от других плантаторов Аркадия понимала, сколь крупный кусок земли некогда отхватили Рэйны: две тысячи акров, из которых ныне остались тысяча четыреста. Эту землю она досконально изучила с малолетства; ей были известны и гнусные злодеяния белых, разбойничавших здесь до прихода Рэйнов, и грехи ее предков, и суровое изуверство их благочестивых христианских душ, и, ко всему тому, — безжалостность здешнего климата. Аркадия свыклась с тем странным фактом, что она — белая женщина с креольской песней на устах. Она отлично знала,

какова бывает любовь на этих холмах; ей было всего пятнадцать, когда она, содрогаясь и тая от страсти, стала женщиной, а сердце ее распахивалось и летело навстречу этому трудному миру. Такая любовь учит женщину быть стойкой и ждать.

Дэвид решил, что лучше всего будет поставить пикап во дворе перед домом и открыть дверцу кабины. Так бывшая русалка сообразит, что им предстоит поездка. Они пока никак не обращались друг к другу; про себя Дэвид называл Айкайю разными ласковыми именами, приходившими на ум: дуду, любимая, дружок, лапочка. Она вдохновляла молодого рыбака на порывы рыцарской отваги, которые, если дать им волю, могли бы, по совести говоря, обернуться опасными последствиями. Подобная разновидность романтической страсти способна погубить любого мужчину. Прекрасная русалка сумела пробудить его сердце, избавить от подспудного недоверия. Ее лучезарная невинность подсказала Дэвиду, чего он так пылко жаждал всю жизнь. Странное молчание Айкайи

развеляло его прохладное отношение к женщине. Дэвид привык к женщинам Сент-Констанса, которые до тонкости изучили все его достоинства и недостатки, охотно сквернословили, бранились и не брезговали самыми заурядными и низменными средствами, чтобы затащить его в постель. Все местные мужчины и женщины знали друг друга как облупленных. А эта девушка была иная, она возвращала его к самому себе. Дело было не только в зове плоти, отнюдь. Дэвидом владело восхищение. Ее соплеменники, кто бы они ни были, вымерли. А теперь он может видеть, какими они были. Айкайя словно приоткрыла дверь во вселенную и показала ему первый народ, населявший эти острова в незапамятную эпоху. Он ощущал нежность к этому спасенному им одинокому созданию, что было для него внове.

Когда Дэвид указал Айкайе на пикап с открытой дверцей, она пискнула и убежала навстречу.

— Дуду! — воскликнул он. — Не волнуйся, все в порядке, лапочка.

Поднявшись вслед за ней, Дэвид увидел, что Айкайя забралась на кровать, под простыни и свернулась клубочком, пытаясь спрятаться от него.

— Пойдем, дуду! Не бойся!

Дэвид опустился на постель и попытался представить, что она чувствует в этот миг. Ему пришлось просидеть полчаса, прежде чем русалка осторожно выглянула из-под простыни. Бедный рыбак недоумевал, как ему только хватает терпения возиться с этой женщиной. Всякий раз она отнимала у него уйму времени.

Когда в три часа пополудни они прибыли к дому мисс Рэйн, к ним навстречу выскочил Реджи. Мальчик был слегка расстроен, что они опоздали. Он тоже увлекся прекрасной русалкой. Эта девушка была особенная, так же как и он. Реджи открыл дверцу пикапа; лицо его светилось нежной радостью. Они с Айкайей пошли через лужайку к дому, Реджи жестикулировал и что-то лепетал, русалка неотрывно следила за его руками и внимательно слушала. Перед ними важно шествовали павлины, подметая газон пышными переливчатыми хвостами. Белая птица — вожак стаи — горделиво восседала на садовой ограде.

Мисс Рэйн наблюдала за гостями, подходившими к дому. Она стояла на крыльце, ощущая комок в горле. Реджи никогда и ни с кем, даже с ней, не разговаривал столь воодушевленно.

— Спасибо, что приехали, — проговорила Аркадия. — Мы еще не приступали к торту.

Дэвид нерешительно поднялся на крыльцо. Хотя они с мисс Рэйн находились в родстве, он редко бывал в ее доме.

— Входите, — пригласила хозяйка, и Дэвид последовал за ней в просторную комнату с отполированным до блеска паркетом, похоже, некогда служившую танцевальной залой.

Стены были выкрашены в бледно-лимонный цвет, и потому казалось, что здесь очень светло. Распахнутые настежь окна были завешены тонкими бамбуковыми шторами, под толчком медленно вращались два старых вентилятора, разгоняя духоту. В центре комнаты были составлены кругом несколько диванов и кресел, среди которых затесалось изогнутое кресло-качалка из ротанга. Пол покрывали старинные ковры. Благодаря этому огромное помещение казалось уютным. Мисс Рэйн удалось создать что-то вроде комнаты в комнате. Впрочем, на стену с книгами Дэвид глазел с неподдельным изумлением. Мисс Рэйн принадлежали тысячи томов. По отдельности каждый из них выглядел весомым, выстроенные плотными рядами, они образовывали высокую

стену из разноцветных, раскрашенных от руки кирпичей.

— Идемте в кухню, — сказала Аркадия. — Я поставлю чайник.

Кухня тоже была велика, шкафчики сделаны из дерева, застекленные дверцы закрыты занавесочками. Столешницы из белого пластика изрезаны и покрыты щербинами. В центре — длинный деревянный стол, над которым с потолка свисал спиральный язык липкой ленты, облепленной дохлыми мухами.

На столе красовался торт на специальной подставке — пышный, зеленый, с десятью розовыми свечками, весь в серебристой посыпке, цукатах и прочей ерунде.

— Реджи сам украшал, — сообщила мисс Рэйн. — Садитесь. Все равно здесь только мы. Се-Се не смогла прийти. Наверное, лучше сюда.

Дэвид пододвинул стул.

Аркадия наполнила чайник водой и поставила на конфорку. Потом обернулась и окинула Дэвида рассеянным взглядом, напряженно подбирая нужные слова. Лайф приходился Дэвиду дядей. Дэвид и Реджи были двоюродными братьями, однако этот факт никем не признавался. Для некоторых обитателей поселка

Лайф будто никогда и не существовал, а Реджи вообще не имел отца. Аркадия обходила эту тему молчанием. Дэвид тоже. Так было принято в захолустье, где все друг другу родня. Человек с пеленок осваивал необходимую науку ханжества. Будь вежлив и не суйся в чужие дела. Не вздумай резать правду-матку без крайней нужды; от правды обычно никакого проку. Настоящее — штука сложная, а прошлое и по-давно. Чуть копни — везде трагедия. Правда зачастую слишком мучительна; так можно бог знает до каких ужасов договориться. Вот никто и не хочет взваливать на себя это бремя.

И все же теперь, устремив взгляд на десять свечек на торте, Аркадия мечтала, чтобы все сложилось по-другому.

— Дэвид, — сказала она. — Ты вспоминаешь своего папу?

Дэвид удивленно поднял брови.

— Не часто, мисс.

— Ради бога, называй меня Аркадией.

Он скорчил такую мину, будто ему не очень-то этого и хотелось.

— Я имею в виду, — продолжала мисс Рэйн, — ты когда-нибудь ощущал близость к нему?

— Нет.

— Как думаешь, у тебя будут собственные дети?

— Обязательно.

— Может, уже есть?

— Если и есть, мне о них неизвестно, мисс. Мисс Рэйн выразительно посмотрела на него.

— Я же просила: Аркадия.

— А вот вашего отца я помню отлично. Лео. Спокойный, скромный человек. Казалось, он вечно отсутствовал и вместе с тем всегда был где-то рядом.

— Да.

— Скучаете по нему?

— Нет. Вовсе нет. С чего бы мне скучать? Нас воспитывала мать.

Аркадия покачала головой. Мужчины Сент-Констанса мотались по свету, женщины сидели дома. Они встречались друг с другом лишь к концу дня, когда наступало время вытаскивать сети, потом — рюмка-другая у Се-Се и торопливое совокупление под покровом ночи.

— Семья — штука сложная, — заметил Дэвид. — Слишком уж их много, этих родственников, чтобы знать всех наперечет, и каждый

со своей чудинкой. Я считаю, чтобы сохранить семью, лучше держаться от нее в сторонке.

— Моих тут давно уже нет, — ответила Аркадия и вспомнила мать Дэвида, скончавшуюся два года назад: та пекла отличный хлеб и торговала им прямо из окошка своей кухни. Аркадия почти ощутила запах выпечки мисс Лавинии, словно на нее повеяло призрачным ароматом подошедшей опары.

— Скучаете по ним?

Мисс Рэйн закатила глаза.

— Нет. Семья — это слезы.

Засвистел чайник, и она сняла его с плиты. Воцарилось молчание. Аркадии хотелось поговорить еще. Может, пришло время сказать: «С меня довольно». Подвести черту. И двигаться дальше.

— Где мой сын? — спросила она.

Дэвид оглянулся через плечо.

— Сейчас выяснится, что эти двое потерялись, и нам придется посылать сторожей искать их в зарослях.

— Не волнуйтесь, Реджи не заблудится.

Тут из соседней комнаты грянули оглушительные жалобные, проникновенные звуки регги.

— Твою же мать! — воскликнула мисс Рэйн.

Громоподобная музыка пробирала до самых печенок. Дэвид усмехнулся.

Мисс Рэйн подняла голову, словно пытается уловить запах сына. Кричать было бесполезно. Громкая музыка ясно говорила: «Я совсем глухой». Дэвид с Аркадией вышли из кухни, чтобы посмотреть, что происходит.

По полу были разбросаны десятки виниловых пластинок, вытащенных из конвертов. Внутри дома залетел павлин и устроился на кресле-качалке. Рядом с проигрывателем, закрыв глаза, стояла Айкайя, казалось, погруженная в мечты. Ее длинные свалявшиеся дреды, покачиваясь, свисали вдоль спины. Девушка энергично трясла головой и делала маленькие перекрестные шажки, каждый раз слегка прижимая ступню к полу, словно желала оставить след на паркете.

— Ни фиги себе, — пробормотала мисс Рэйн.

Расставив руки, Айкайя легонько кружилась по комнате, некогда предназначавшейся для вальсов. Дэвид, Реджи и мисс Рэйн растерянно наблюдали за нею, ощущая странный холодок в животе, взволнованные мыслью, что стали свидетелями ритуального танца, недоступного их пониманию.

Мисс Рэйн повернулась к Дэвиду и громко сказала, перекрывая голосом музыку:

— Знаешь, у Реджи ведь не так много друзей. Дэвид кивнул.

— Она будто заново начинает с азов. Реджи уже учит ее своему языку...

— Ага.

— А я могу выучить ее говорить на нашем наречии. Как учила когда-то Реджи.

Дэвиду подумалось, что это первая разумная мысль с тех пор, как он впервые увидел русалку у острых скал близ Погибельной бухты.

— Понимаешь, если она собирается тут жить, ей нужно научиться говорить.

Одиноким трогательный танец Айкайи продолжался. Дэвиду прежде уже снилось, как она танцует на скалистом обрыве другого острова. Эта девушка принадлежала к иному миру. Освоится ли она на Черной Раковине? Дэвид всегда считал свою родину мертвым захолустьем, но Айкайя опровергала это. Остров жил настоящим, и настоящее это было непростым.

— Пожалуй, ей это не повредит, — согласился Дэвид.

Мисс Рэйн вышла из комнаты и вернулась с зеленым тортом с розовыми свечками,

над которыми плясали крохотные огоньки. Знаком она велела Реджи выключить музыку.

Айкайя, заметив торт, преисполнилась жгучим любопытством.

— С днем рождения, Реджи! — жестами показала мисс Рэйн. — Загадывай желание.

Реджи закрыл глаза, сделал глубокий вдох и в один присест задул все свечи. Как и его мать, мальчик родился в этом доме, на втором этаже, и нигде, кроме Черной Раковины, не бывал, но сейчас ему казалось, будто открылась новая страница. Наконец-то начиналась та самая жизнь, которой он ждал! Ему исполнилось десять, и он стал взрослым с великого благословения своей грозной матери.

Они вчетвером расселись на составленных кружком креслах и стали лакомиться пышным, покрытым зеленой глазурью тортом, который внутри оказался шоколадным. Айкайя ела прямо перепончатыми пальцами, набивая рот до отказа и задумчиво покачивая головой. Над столом царило молчание.

Айкайя теперь не была такой испуганной. Много на этом острове было ей уже знакомо: запахи, ночные звуки, утренние лучи, полуденный зной, легкая, беззвучная походка уличных прохожих,

их манера приветствовать друг друга почтительным наклоном головы. А еще птицы и растения, вездесущие деревья, теплая земля; воспоминания нахлынули на нее, это был ее мир живых богов.

Айкайя чувствовала, что она снова дома, хотя и понимала, что дом существует только в ее памяти. Ей хотелось быть с этими людьми, один из которых ничего не слышал и разговаривал руками. Они были добры к ней, и рыбак с гитарой тоже. Впрочем, душа ее томилась. Где-то глубоко внутри, в утробе, засела надсадная тоска, зов океанской пучины, в которой она провела не одно столетие. Айкайя знала: море ждет, но ведь она лишилась могучего хвоста. Почему так случилось? Неужели проклятие утратило силу? Не потому ли, что женщины, навлекшие его, давно мертвы? Значит, срок изгнания истек? Но на нее как будто наложили новое проклятие, а по какой причине, она не ведала. Мужчины выловили ее из моря, где она пребывала в безопасности и одиночестве. Теперь пошла другая жизнь: с музыкой регги, павлинами, тортами и одетыми людьми. А как смотрел на нее Дэвид! Его взгляд внушал Айкайе, что они связаны невидимой нитью; при мысли об этом она таяла и ощущала томление между

ног. Она прикрывала сокровенное место рукой и задумывалась. Веками ее ноги были заключены внутри хвоста. А теперь эта истома! Айкайя ела торт и изнывала в тоске по чему-то неизреченному.

Дневник Дэвида Батиста, июнь 2015-го

После визита в усадьбу мисс Рэйн я испытывал поистине странное чувство. Впоследствии я много раз возвращался туда, но стал вхож в этот дом лишь благодаря русалке. Мы с мисс Рэйн кузены, но раньше это как-то совсем не ощущалось, хотя мы с ней часто пересекались. Многое нас разделяло: объясняйте это пережитками рабства, да чем угодно, но лишь благодаря русалке я начал близко общаться со своей кровной родственницей с острова Черной Раковины. У меня осталось чувство... ну, как бы это сказать... что русалка — революционерка. Но я ведь знал: у мисс Рэйн собственные заморочки. Поэтому она всегда держалась особняком. А я всегда был всего лишь простым работягой, рыбаком. Учился в Сент-Констансе

и Инглиштауне и хорошо понимал, кто я и откуда. Меня кормило море. И я тогда думал, да и теперь так считаю, что море с помощью Айкайи преподало мне важнейший урок в жизни.

На обратном пути Айкайя заснула и начала похрапывать. Мне нравился этот звук. Если честно, спустя несколько недель после того, как она научилась ходить, мне было все труднее воспринимать ее как русалку. Я видел в ней только женщину. Я оставил Айкайю дремать в кабине, а сам пошел в дом, чтобы немного прибраться. «Семья — это слезы», — сказала мисс Рэйн, но, по-моему, слезы — это женщина. В своей бывшей кровати я обнаружил уйму припрятанного хлама: ложки, вилки, резинки для волос и даже старую раковину, которую Айкайя, должно быть, подобрала на крыльце, а еще — свечной огарок и чайные пакетики. Я постелил свежую простыню, вытряхнул покрывало, подмел пол. И только мне подумалось, что пора бы вернуть себе постель и комнату, наверху лестницы появилась она и устремила на меня такой взгляд, что мне сделалось очень грустно. Я тихо вышел из комнаты со словами: «Доброй ночи, дуду».

Тогда, в начале наших отношений, Айкайя была непредсказуема. С чем мне сравнить

пережитые испытания? Моя одинокая постель казалась мне ложем из камней. Я, молодой мужчина, страстный, горячий, мечтал заключить ее в объятия, но она ни разу не поманила меня за собой. Пришлось охладить свой пыл и набраться терпения. Не каждый день мужчины выпадает шанс повстречать такую, как она. Я решил: пусть мисс Рэйн научит русалку говорить, а Реджи — объясняться жестами, может, дела пойдут на лад? Да ведь я тоже могу обучать ее; так мы все вместе поможем ей, каждый по-своему. Теперь у нее в Сент-Констансе появились друзья. Может, она и впрямь поселится здесь, в маленькой рыбацкой деревушке на краю света. Почему бы и нет? У нее же есть верные товарищи. Потом мне пришло на ум, что Айкайя могла бы выйти за меня. Понимаю, полный бред, однако эта мысль крепко засела в моей голове. Я женюсь на ней, если она скажет «да». Она уже тут, в моем доме! Чего только я не навывдумывал себе тогда! Мужчине легко сбить с панталыку, если дело касается женщины. Боже, мы ничегошеньки в них не смыслим, и все же именно Айкайя показала мне, что такое женщина и каким должен быть мужчина.

В ту ночь мне спалось гораздо лучше, чем предыдущие несколько недель. Я спал и видел во сне океан и древний остров Черной Раковины задолго до того как здесь поселился человек. Людей еще не было в помине, ни Адама с Эвелиной²¹, ни библейской истории. Мне снился тихий уголок природы — ни красных, ни черных, ни белых — доисторическая Черная Раковина, куда не ступала нога человека. Сплошной цветущий сад, не загаженный, не испоганенный. Никто не владел этой землей, не возделывал ее. Пока еще никто.

Меня разбудил шорох морского прибоя, омывавшего новый день. На душе было покойно и тихо. Наверху храпела Айкайя. Я заварил чай и сказал себе: посмотрим, что будет дальше. Моя лодка требовала внимания, и я отправился к морю. Впервые за несколько недель оставив Айкайю одну, я зашагал к поселку, где провел всю свою жизнь. Однако все изменилось в моих глазах, и даже люди смотрели на меня по-другому. Они приветливо здоровались и все-таки смотрели на меня так, будто знали: что-то случилось.

²¹ Аллюзия на фильм Г. Френча «Адам и Эвелина» (1940).

Я до сих пор немного одинока.
 Вернулась я на сушу, но чужая на этом острове,
 не знаю языка.
 Сначала взялся мальчик мне помочь.
 Я быстро-быстро научилась говорить руками.
 И мальчик стал мне первым другом
 на Черной Раковине.
 Дэвид же — мужчина,
 и с ним все по-иному.

Наверно, Гуанайоа по-прежнему ждет в океане.
 С нею я жила еще до урагана,
 и волны унесли нас в море.
 Что, если снова ураган придет?
 Я взяла с крыльца большую раковину,
 чтоб как-нибудь позвать старуху ночью
 и дать ей знать, что я жива.
 Никто, кроме нее, не ведает, кто я такая.
 Я снова превратилась в человека
 и пытаюсь здесь освоиться быстрее.
 Но сомневаюсь, что мечты мои осуществились.
 Я одинока, по морю тоскую
 и по одиночеству.
 Отчаянно пытаюсь во всем я разобраться.

В смятении душа, а посеял его
мужчина этот, Дэвид.

Каждый день примерно в три часа пополудни Дэвид вез Айкайю заниматься к мисс Рэйн. Там, в большой зале с паркетным полом, за стол сиделась женщина, некогда превращенная своими соплеменниками в русалку, исконная уроженка Карибов, чей народ был истреблен кастильским адмиралом и его подручными. Эту русалку выловили из моря двое американцев, которые хотели продать ее с аукциона, а если не удастся — сделать из нее чучело-трофей. Рыбак с Черной Раковины спас несчастную, и русалка вновь обернулась карибской туземкой. Застыв в молчаливом недоумении, она вновь училась говорить под руководством другой женщины, не зная, можно ли ей доверять. Эта белокожая веснушчатая женщина не совершила никакого зла, однако по рождению принадлежала к людям, истребившим народ Айкайи.

Аркадия слегка смущалась, поскольку говорила лишь на местном диалекте английского, в котором язык угнетателей смешался с языком

угнетенных. Это-то наречие она и преподавала Айкайе, а также учила ее писать на литературном английском.

Много часов провели две женщины в большой зале, настороженные, сдержанно дивившиеся друг на друга и на связавшую их задачу. Сезон дождей был в разгаре, ливень за окнами хлестал сплошной завесой. Павлины голосили и время от времени наведывались в дом. Собаки, свернувшись клубками, лежали под столом. Из леса доносились крики ревунов. Часами Аркадия и Айкайя в тишине изучали алфавит, структуру английских предложений и слова: стол, стул, яблоко... Мисс Рэйн заметила, что Айкайя составляет фразы иначе, и догадалась, что у ее ученицы сохранились прежние понятия о строении языка.

Реджи то приходил, то уходил; он занимался по утрам. Иногда мальчик давал Айкайе свои наушники, чтобы она послушала, как великий Боб исполняет «Прикури». Июнь и июль 1976 года минули в безмятежном спокойствии. На острове Черной Раковины не случилось ничего примечательного. Дожди не прекращались. Все, кому в апреле довелось увидеть висящую на причале русалку, давно уж про нее забыли; она стала преданием.

Айкайя жадно впитывала новые языки, которые ей преподавали: американский язык жестов, местное наречие и книжный английский. Она вбирала в себя все, словно губка; во рту у нее так пересохло, что она жаждала испить из живого источника — человеческой речи. Дело медленно, но верно продвигалось вперед. Однажды Айкайя оторвала взгляд от своих книжек, в упор посмотрела на мисс Рэйн и произнесла:

— Я танцую хотеть.

— Молодец, — ответила Аркадия, — для начала неплохо.

После этого с губ Айкайи так и посыпались новые слова и сбивчивые фразы, с каждым разом все неожиданней и все сильнее сближая учительницу и ученицу. В памяти Айкайи начали воскресать звуки родной речи. Потянувшись к кувшину, она вспомнила его название: «jiguega», а потом и его содержимое: «toa». Мисс Рэйн кивала, надеясь, что со временем утраченный язык Айкайи вернется к ней.

Однако белки глаз девушки по-прежнему были слишком ярки, а на кистях и ступнях трепетали нежно-розовые перепонки. Она все так же ковыляла при ходьбе и наблюдала за всем и вся с интересом и смирением. Бывало, Айкайя

грезила наяву, откинув голову, будто мысленно созерцая что-то. Часто смотрела на море. От нее по-прежнему веяло соленым морским духом. Облаченная в тренировочные штаны и футболку Дэвида, с мужскими кедами «Адидаас» на ногах, Айкайя выглядела и архаично, и современно — коренная уроженка Карибов, превращавшаяся в креолку с острова Черной Раковины. Татуировки на ее плечах рассказывали о народе, соединенном священными узами с птицами и рыбами, луной и звездами. Лицо ее сияло. Русалка, как говорят на Черной Раковине, приходила в себя. Кто знает, что будет дальше, если она снова сможет уподобиться человеку.

В то самое утро, когда Дэвид отправился проведать свою лодку, Айкайя, оставшаяся в доме одна, заметила за окном Присциллу, пристально глядевшую на нее. Девушка пригнулась, но соседка уже успела ее увидеть. Айкайя стояла, прижавшись спиной к стене, вся дрожа от страха и пытаясь взять себя в руки. По ноге заструился ручеек, в воздухе разнесся резкий запах мочи. Вот бы вновь оказаться в подводном царстве, где можно спрятаться, исчезнуть, где нет других женщин! Несколько минут девушка не шевелилась, затем повернула голову и опять

попробовала выглянуть на улицу. Присцилла все еще стояла там. Женщины очутились лицом к лицу, их разделяли только стена и открытое окно.

— Ты кто такая, черт возьми? — осведомилась Присцилла.

Айкайя поняла вопрос. Не ответив, она хлопнула створку окна перед самым носом соседки и снова прижалась к стене, часто дыша.

Присцилла при помощи палки опять распахнула окно.

— Эй ты! — в негодовании крикнула она. — Родственница! Кто ты такая? А? Мисс Косоглазка? Родственница, гром тебя разрази. Ну-ка выходи!

Айкайя не сдвинулась с места.

— Эй, я знаю, ты там! Просто хочу познакомиться. Слышь ты, мать твою, леди с бесстыжими глазками!

Айкайю трясло. Неужели опять начинается? Много ли времени она провела на Черной Раковине? Несколько недель, пары месяцев не прошло. Она глубоко вздохнула и вернулась к окну.

Две женщины опять оказались лицом к лицу. Айкайя решила, что хорошенько отдубасит эту бабу, если та вздумает ломиться внутрь. Хотя

она принадлежала к мирному народу, сейчас настало время защищать себя, среди ее соплеменников были храбрые воины. Воительницей была и мать Айкайи — жена касика. Если понадобится, Айкайя даст Присцилле в морду.

— Я здесь, — проговорила девушка спокойно и твердо.

Некогда она славилась своим сладкозвучным голосом. Но незваная гостья не разобрала слов: Айкайя говорила с сильным акцентом.

Присцилла смерила соперницу тяжелым взглядом, и та терпеливо ждала, но когда женщина за окном закончила осмотр, Айкайя раскрыла рот и издала душераздирающий вопль, донесшийся из глубины столетий.

Присцилла отпрянула, словно увидала джамби, выглянувшего из серебристых глаз незнакомки. Айкайя метнула на нее свирепый взор, говоривший: держись от меня подальше.

Присцилла попятилась, чертыхаясь про себя. После стольких лет добрососедства Дэвид предпочел ей эту дикарку? Она что, полоумная? Или умственно отсталая? Почему он ее прячет? Шума никто не слышал, однако Присцилла сочла за лучшее убраться восвояси, уже строя козни. Она недаром прослыла здесь ведьмой.

У Дэвида внизу, на первом этаже, имелся квадратный осколок зеркала, которым он пользовался, приводя себя в порядок. Айкайя до сей поры избегала смотреться в него. Удостоверившись, что Присцилла ушла, девушка все же решилась. В море ей редко выпадала возможность увидеть свое отражение, поэтому она приблизилась к зеркалу не без страха и несколько минут вглядывалась в него. Из глаз Айкайи заструились слезы; бедняжка испытала потрясение, увидев себя. Она совсем не постарела с тех давних пор, когда жила на суше, однако та юная девушка, одна из семи сестер (все они утонули), которая когда-то, очень недолго, была счастлива, исчезла. Айкайя увидела в зеркале свой прежний юный облик, но в ее глазах отражалась нескончаемая одинокая жизнь в океане. Девушка смотрела и смотрела на себя, пытаясь вспомнить, какой была ее жизнь до изгнания. Преследовавшие ее воздыхатели превратились ныне в размытые образы, все лица сливались в одно. Айкайя не отдалась никому из них. Некоторые хотели взять ее второй или даже третьей женой. Один пытался подкупить отца землей, другой обещал выстроить для нее собственный дом. Красавица была непреклонна, она тосковала

по погибшим сестрам. Но мужчины все шли и шли к ней, пылая страстью, настаивая, чтобы она выбрала одного из них, суля ей любые сокровища. Но Айкайя продолжала танцевать. Ей было невдомек, как сильна ее власть над мужчинами и как негодуют остальные женщины. Потом налетел страшный ураган, возникший ниоткуда, свирепый в своем гневе, и принес вековое изгнание. Айкайя долго вглядывалась в свое юное, древнее, печальное лицо, приветствуя возвращение к самой себе, и медленно, будто заклинание, твердила единственное новое слово: дом.

Дневник Дэвида Батиста, июнь 2015-го

Раным-ранехонько, еще до восхода солнца, я вывел лодку в море и взял курс на острые скалы близ Погибельной бухты. Волнения не было, слегка накрапывал дождик. Я отправился туда помолиться. Бросил якорь и некоторое время сидел неподвижно. Я вовсе не собирался рыбачить. Море было сумрачным, и небо тоже. Я не чувствовал себя одиноким в своей лодке

в темноте. Вдали виднелась суша. Призраки прилетают на крыльях бриза, они являются из глубины столетий, из тех времен, когда мы все еще не заплутали в этом мире. Хотя я всегда знал, кто я есть на Черной Раковине, история моего рода не длинна. Воспоминания о предках стерлись в нашей памяти из-за невзгод рабства. Батистом звали владельца плантации, француза по происхождению. Думаете, меня это сильно радует? Наверное, моя настоящая фамилия так и останется для меня тайной. Утрата прошлого причиняет боль, которая порой захлестывает меня. Это горькое чувство будто навеивается ветром. Чаще всего оно обуревают меня, когда я один в своей лодке. Там же повстречал я своего задушевного друга — женщину-русалку из таких далеких времен, что она и сама их не помнила. Мы с нею вдвоем заплутали. Сидя там, в своей лодке, я ощущал ужасное смятение в груди. Кто был тому причиной — она или мы оба?

Я знаю, что призраки выходят на сушу из моря. Их можно почувствовать. Я сидел в лодке и задавался вопросом: чья гибель совершилась в этой бухте и из-за чего? Белые люди прибывали в этот край издавека, а затем

уплывали обратно, туда, откуда пришли. Я всегда считал, что отнимать что-то у других человека заставляет собственная неприкаянность. В тех белых, что пожаловали сюда, жил вечно беспокойный дух джамби. В бухту являлись призраки белых, и красных, и черных вроде меня, и призраки эти — словно течения, приносящие тревогу и смятение. Таково мое скромное мнение. Но именно белые привезли с собой на Карибы беспокойство. И прежде, и теперь они сперва разведывают, а потом что-нибудь отнимают.

Неторопливо и тихо наступил рассвет. Я огляделся и заметил, что впереди у носа лодки в воде что-то виднеется. У меня похолодело внутри: неужто опять русалка? Только этого не доставало! Но тут я понял, что на поверхность поднялась большая морская черепаха. Она медленно плыла прямо на меня. Вокруг не было ни единой живой души — только я и старая черепаха, которая как будто направлялась ко мне. Я поднялся и стал следить за ее приближением; черепаха вся замшела, словно вместо панциря у нее был кусок земли, и тут меня осенила неизвестно откуда взявшаяся мысль, что эта древняя морская обитательница имеет какое-то отношение к моей русалке. Только этого мне не хватало!

Я запустил двигатель и, подняв якорь, убрался подобра-поздорову, оставив огромную, облепленную моллюсками черепаху в одиночестве. Видимо, она тоже знала мой ботик. Да, ребята, ну и времена! Хотя солнце едва взошло и другие рыбаки только выходили в море, я уже направлялся домой, спрашивая себя: какая еще диковина может попасться человеку в этом треклятом море.

Мисс Рэйн учит меня местному языку.
Она называет его одним из английских наречий.
Так же она обучает и Реджи,
сына родного, который рожден был без речи
и этим похож на меня.
Я позабыла древний язык свой тысячетный,
покинул он губы мои.
Мисс Рэйн говорит,
что корью болела она и поэтому
сын ее глухим родился.

Проходят недели, мы изучаем слова:
дай, и возьми,
и павлин, и подлец, и шалава, —

чтобы уметь называть все, что видим.
Речь — это свобода.
Стараюсь теперь говорить очень много.
Меня не заткнуть, замечает мисс Рэйн.
Я задаю ей много вопросов.
Из чего сделан дом? Из цемента и дерева.
Кто здесь главный? Кто касик? Я, говорит.
Мисс Рэйн не касик.
Она мне поведала, что ее род
владеет на острове многими землями,
но это не значит — касик!
Мисс Рэйн научила меня
многим вещам
и новым словам:
сукин сын,
короче,
стол,
стул,
сердце,
шваль.

Спросила я: отчего здесь на острове
все чернокожие?
Она рассказала, откуда черные люди пришли.
Где ж краснокожие вроде меня, я спросила.
Мисс Рэйн объяснила: их всех убили.

И от нее я узнала, как злодей-Адмирал
погубил весь мой народ за короткое время.
Вымерло племя мое без остатка.
Я всплакнула.
Мисс Рэйн рассказала,
что многие черные тоже погибли.
Значит ли это,
что христиане-испанцы теперь всем владеют?
Нет, уже нет, покраснев, отвечала мисс Рэйн.
Все промелькнуло в мгновение ока,
пятьсот лет назад,
а мир очень стар.
Все так скоро случилось...
Теперь этим краем владеет семейство мисс Рэйн.
Землею нельзя завладеть, я сказала.

Сильно все это время в море тянуло меня,
но возвращаться совсем не хотелось.
Желала остаться я женщиной,
пусть и погибло племя мое.
Снова хочу я быть здесь, на земле,
но в душе ощущаю смятение.
Я все еще помесь —
женщины и женщины проклятой.
И в новой жизни проклятие мною владеет,
и, как и прежде, все то же со мною творится.

Сильно тоскую по морю,
но остаться хочу человеком.

НОВЫЕ СЛОВА:

шенет²²

танец

собака

торт

потому что разбитый

любовь

семья

манго

спокойной ночи

²² Тропический фрукт, другое название — испанский лайм.

Глава 6

ДОЖДЬ ИЗ РЫБЫ

Ночью Айкайя не могла уснуть. Раздумья о будущем, сулившем столько возможностей, отгоняли всякий сон. В ней впервые с незапамятных времен пробудилось глубинное понимание того, что означает быть женщиной и жить жизнью женщины.

Айкайя лежала наверху в кровати Дэвида, положив одну руку на сердце, а другую на лоно. Русалка веками бороздила прохладные океанские воды в поисках пары, но не могла найти никого подобного себе; за все это время ей не встретился ни один морской муж. Она трогала себя там, внизу, и размышляла о Дэвиде. Айкайя наблюдала за ним, а он за нею. Истома между ног все крепче завладевала ею, точно

могущественная сила. От молодого рыбака хорошо пахло мужчиной, кожей, домом... от его тела исходило тепло. Лежа в своей постели, девушка слышала, как он громко дышит там, внизу. На улице было темно. Айкайя вполголоса напевала тихую песнь о своих сестрах. Они были старше ее и все прекрасны. У них (и она об этом знала) были разные секреты от младшенькой: вот повзрослеет, станет невестой и все поймет. Но Айкайя видела много снов про замужество, и в этих снах оно почему-то всегда приводило ее к смерти. Мысль о браке никогда ее не прельщала. Куда лучше петь и танцевать. Недаром ее называли Айкайя — Сладкоголосая. Она привлекала мужчин, не могла их отвести, но никому не принадлежала. Замуж ей не хотелось: она чувствовала, что свадьба убьет в ней что-то, поэтому не отдалась мужчине. Затем шесть сестер случайно утонули, переправляясь на каноэ, и Айкайя осталась одна. Мужчины продолжали осаждать ее и делать заманчивые предложения отцу, но он, убитый горем, не пожелал отпустить от себя единственную выжившую дочь; так Айкайе удалось избежать брака.

Зуд между ног одолевал Айкайю, пересиливал страх перед замужеством и смертью.

Неподвластный ей, он струился из чресл прямо к сердцу, обдавая жаром, заставляя девушку чувствовать неловкость и стеснение. Она металась и ворочалась, не понимая, что это за зуд, зачем он обуял ее и почему так властен. Быть может, он поселился в ее лоне уже давно, с тех пор, как она впервые увидела Дэвида в Погибельной бухте? И уже тогда она начала превращаться обратно в женщину? Рыбак околдовал ее, из-за него она осталась у побережья Черной Раковины, смятенная, с ноющим нутром. А может, этот зуд она пронесла сквозь все минувшие столетия? Потом ее пленили, выудив из моря. Айкайя прислушивалась к тяжелому дыханию Дэвида, и при мысли о нем, его руках и сокровенных частях тела ее охватывал ужас. О! И еще она задавалась вопросом, каково это — лежать рядом с ним?

Айкайя тихонько встала с кровати и крадучись спустилась по лестнице. Керосиновая лампа освещала комнату тусклым светом, чуть разгоняя мрак, но не рассеивая тени. Дэвид спал в углу; он лежал, подложив одну руку под голову, а другую вытянув вдоль тела.

Айкайя приблизилась, трепеща от ужаса, но при этом будучи вынуждена неотрывно

смотреть на Дэвида. Грудь его мерно вздымалась. Девушка подошла и опустилась перед ним на колени. Тонкое одеяло, которым укрывался молодой рыбак, соскользнуло. Он был почти обнажен, не считая желтых подштанников. Айкайе казалось, что если он проснется, ей придет конец, наступит конец всему, а может, это станет для нее началом новой, женской, жизни. Дэвид протянет руки и заключит ее в объятия. Айкайя чувствовала, что между ними что-то есть, он тоже это знает, и невозможно дальше притворяться, будто ничего не происходит. Она хотела быть с мужчиной и боялась мужчин. Айкайя наблюдала, как поднимается и опускается грудь Дэвида. Разглядывала его гладкую-гладкую кожу, кожу мужчины, черную, как чернила кальмара, как темная пучина моря, и шелковистую на ощупь. Изучала сильные руки и пальцы. Грудь его покрывала коротенькая поросль, похожая на мягкий пух. Айкайе захотелось дотронуться до нее, но она не посмела. Лицо Дэвида было неподвижно, веки крепко смежены, будто он упокоился с миром; он не храпел, но дышал глубоко и звучно, и это заставило девушку улыбнуться. Что ему снилось? Сон у него, без сомнения, был здоровый и крепкий.

Айкайе захотелось лечь рядом и спрятаться в объятьях Дэвида. Сестры надежно хранили свои тайны, и вот теперь ей хотелось узнать их. Что надо делать? Как отдаться мужчине? Как быть с ним? Мисс Рэйн поведала, что у слова «мужчина» много значений: отец, сын, мальчик, любовник. Любовник — прекрасное слово, добавила Аркадия, но лицо ее было печально.

Ее, Айкайю, проклинали, замуровали ноги внутрь тяжелого хвоста и обрекли на изгнание в океанских водах, где не было подобных ей созданий. Там она не представляла угрозы для деревенских женщин. Ее сестры уже ничего не могли рассказать ей. Придется действовать своим умом.

Айкайя долго и внимательно разглядывала лицо молодого рыбака. Ей хотелось поцеловать его в губы, взять за руку. Девушка знала, что этому скоро суждено случиться. Она рассматривала гладкий длинный предмет под желтыми трусами, догадываясь, что это — главный орган, и он тоже спит. Эта часть Дэвидова тела вызывала у Айкайи самое сильное влечение, желание подробно рассмотреть ее, и самый сильный страх. В этом органе заключены жизнь и смерть. Он уподобится длинному мечу, который пронзит ее насквозь. Он и есть тайна,

известная всем женщинам. Айкайе придется познакомиться с ним, этим длинным предметом, сокровенным органом, подобным змею в зарослях. Это орудие создано для того, чтобы дарить наслаждение ему и ей. Но и для того, чтобы погубить ее девичество. И все же Айкайя мечтала испытать этот таинственный орган в действии. Будут ли они с Дэвидом, как виденные ею в океане дельфины, сливаться в танце и оседлывать друг друга? Айкайя знала, что примерно так и происходит соитие. Так заведено.

Айкайя любовалась Дэвидом до рассвета, пока колени у нее не заныли, а глаза не начали слипаться. Чего только не испытывала она к этому мужчине; скоро, скоро придет их час. Когда Айкайя смотрела на него, ее охватывал трепет. Их близость превратит ее в другого человека. Вот что скрывали от нее сестры. У Айкайи кружилась голова. Она желала потрогать длинный таинственный орган, нежно-нежно погладить, сжать между своими грудями. Но больше всего ей хотелось взять его в рот.

Шли дни, между Дэвидом и Айкайей устанавливались спокойные, сдержанные отношения. Дэвид отвозил девушку на занятия к мисс Рэйн,

а после ехал чинить двигатель на своей лодке. Потом они молча ужинали. Дэвид заметил, что Айкайя нашла кусок лески и стянула волосы сзади, открыв лицо, ставшее более светлым и лучезарным. Ей же нравилось наблюдать за тем, как он курит.

Однажды Дэвид протянул ей окурок, и Айкайя взяла его. Дэвид губами показал, как затягиваться. Девушка поднесла сигарету ко рту и слегка затянулась, но ничего не ощутила, поэтому затянулась сильнее и вдохнула большое облако дыма. Она поперхнулась, закашлялась, зафыркала, зажмурилась, потом потрясла головой и уставилась на него.

— Прости, прости, — сказал Дэвид.

Лицо Айкайи приобрело странный зеленоватый оттенок, и он догадался, что на нее подействовали химикалии, примешанные к табаку. Бедняжка выскочила на крыльцо, и ее стошнило прямо во дворе. Харви заскулил и облаял хозяина. Дэвид торопливо выкинул проклятую сигарету.

— Прости меня, малышка, мне так жаль. Больше не кури.

Айкайя опять пристально посмотрела на него. Глупая была затея. Остаток дня девушка лежала

на животе, свесив голову с крыльца, и блевала желчью. Дэвид гладил ее по спине. Какой же он идиот!

Как скромному рыбаку соблазнить русалку? Не предлагать ей сигарет, способных довести до полусмерти. Не угощать рыбой. Никим образом не домогаться ее. Отводить взгляд от ее обнаженного тела. Отворачиваться, когда она улыбается, ведь от ее улыбки бросает в жар. Не ждать, когда понравишься, только — когда полюбят. Уступить ей свою постель. И свою одежду. Слушать, как она поет ночами, выводя изысканную мелодию. Помочь ей вновь научиться ходить и освоить язык — для начала любовью, надеясь, что вскоре она вспомнит и родную речь. Не злиться, если твой верный пес начал ходить за ней по пятам. Не предаваться сладостно-горькой табанке, если она не отвечает на твое чувство. Айкайя столетиями обитала в море. Кто были ее любовники? И были ли они вообще? Кого она оставила в прошлом? Сможет ли когда-нибудь простить мужчину, вытащившего ее из моря, и женщин, отправивших ее туда?

Дождь лил почти каждый день. Они наблюдали друг за другом. Айкайя попробовала овощи

на парú, поедала их молча и, кажется, с удовольствием. Дэвид понимал, что не он задает темп. Если поспешишь — только напугаешь ее. Нельзя думать, что с ней все будет так же, как с другими женщинами. С тех пор, как Дэвид узнал Айкайю, жизнь его стала ярче; придется подождать, и неизвестно еще, что ему уготовано. Дэвид не знал ничего слаще сокровенной жаркой женской наготы. Какое это счастье — зарываться лицом между ног, какой восторг предаваться любви во мраке ночи. Секс — истинное предназначение Дэвида. В душе он не рыбак, не гребанный певец со старой гитарой, отнюдь. Его природный дар — быть любовником; он знает, как дать женщине то, что ей нравится. Дарить наслаждение — вот настоящий талант и призвание. Он возьмет себя в руки, и пусть все идет своим чередом; они соединятся, когда Айкайя будет готова.

Мисс Рэйн заметила, что с появлением Айкайи Реджи изменился. Он никогда прежде ни с кем не дружил. Да, были в его жизни и другие люди. Да, он встречался с другими детьми,

но горькая правда состояла в том, что свободно и беспрепятственно он умел общаться лишь с Джеральдиной Пайк и своей матерью. А сейчас, после дневных занятий Айкайи, Реджи проводил с нею время в саду, разговаривая на языке жестов. Реджи показал ей слова «Одной любви» Боба Марли, и теперь они распевали эту песню вдвоем. Надо сказать, язык глухонемых давался Айкайе легче, чем обычная речь, хотя голос у нее был неподобный, будто медовый. Словом, прекрасный голос. Порой девушка принималась напевать, и тогда мисс Рэйн закрывала учебник, откидывалась назад, и урок прерывался до тех пор, пока мелодия не затихала. Эти песни рождались сами собой. Айкайя не могла воспрепятствовать им, словно они были записаны у нее на подкорке и дожидались своей очереди, чтобы зазвучать.

До появления Айкайи мисс Рэйн с Реджи составляли вдвоем крошечное общество. Никто не приходил к ним в огромный дом на холме, построенный из испанского вяза и красного дерева и поеденный изнутри термитами. Известковый раствор, скреплявший старинные каменные ступени, почти исчез. Балкон на фасаде прогнил и покрылся плесенью. На крыше

недоставало черепиц, унесенных прошлым ураганом, в стропилах гнездились птицы. Теперь их общество пополнилось третьим членом. Каждую ночь Реджи отправлялся в постель взбудораженный и довольный. У него появился друг — бывшая русалка, молодая женщина, приходившая в себя и учившая его язык. Немногие люди ощущали такую близость с Реджи, ее талантливым и красивым сыном, которого она обрекла на страдания.

Однажды после полудня поднялся ветер, хлынул косой ливень. Обычно, когда это случалось, крыльцо заливало водой, а мисс Рэйн и Реджи, укрывшись в доме, в благоговейном ужасе наблюдали за разгулом стихии. Июньские дожди, особенно здесь, на северной оконечности Черной Раковины, далеко вдающейся в просторы Атлантики и иногда оказывающейся на пути ураганов, приносят сюда жизнь и до следующей засухи даруют острову ослепительную красоту. В течение четырех коротких месяцев земля напитывается влагой и наконец разбухает, наполнив брюхо. Впрочем, порой огромные валуны и выкорчеванные деревья съезжают по склонам отвесных скал и отрезают одну половину

острова от другой. На этот случай у местных жителей в сезон дождей всегда припасена в багажнике лопата. Растаманам и скваттерам, обитающим в хижинах на холмах, нередко случается отстраиваться заново.

Шум дождя казался мисс Рэйн оглушительным и навел на размышления о сыне, которому не знакомы звуки, предвещающие опасность. Он никогда не услышит раската грома, выстрела, хлопка в карбюраторе машины или криков о помощи. Однажды Аркадия оступилась на лестнице, упала и вывихнула лодыжку, но Реджи не услышал воплей матери. Ее нашел садовник Джеффри. Мисс Рэйн прекрасно знала, что в сезон дождей надо всегда держать сына в поле зрения, и все же сегодня, застигнутая врасплох тропическим ливнем (вокруг захлопали ставни, разбилась большая кадка с бугенвиллеей, павлины с возмущенным гоготаньем устремились под крышу), она проглядела, как Реджи и его подруга исчезли за оградой сада, улизнув через белую калитку, за которой начиналась тропинка, ведущая к лесным зарослям, кишевшим ревунами и змеями. Аркадия, поглощенная борьбой с последствиями потопа, не заметила, как ее сын и ученица ушли из усадьбы.

Эта парочка, заболтавшись, ускользнула из дому задолго до дождя. Травянистая тропка, что увлекла их в лес, вначале была хорошо протоптана, но чем дальше они уходили, тем круче и неприметнее она становилась. Затем хлынул ливень, и друзья, ища укрытия, бросились в лес. Айкайя в своих адидасовских кедах девятого размера еле поспевала за Реджи, пустившимся к гигантскому старому фиговому дереву — Папа-Буа²³ (таково, по словам Аркадии, было его имя). Хотя дождь лил как из ведра, ветви тропических деревьев задерживали капли, особенно листья трубного дерева, огромные, как блюда. Все же друзья успели изрядно промокнуть. Когда они добрались до Папа-Буа, Айкайя обмерла и ахнула. Она уже знала от Реджи, что этому дереву триста лет. Девушка почтительно поздоровалась с царственной смоковницей, и та кивнула в ответ.

Друзья устроились среди исполинских извилистых корней, вздымавшихся над почвой подобно лабиринту. Айкайе припомнилась ее прошлая жизнь — как она приходила в лесное

²³ Папа-Буа (*франц.* Papa Bois — «отец-дерево») — лесной дух-хранитель в афро-креольском фольклоре Тринидада и Тобаго.

царство деревьев и приветствовала каждое дерево. Ей почудилось, что ненастье разразилось из-за нее, что ливень пришел из моря по ее душу, желая забрать ее назад. Девушка и мальчик стояли под деревом и, нахохлившись, глядели на лианы, свисавшие с дерева, и потоки воды, низвергавшиеся с небес.

Внезапно Реджи, не справившись с терзавшим его любопытством, жестами задал Айкайе вопрос:

«Где ты жила до моря?»

«На острове».

«Таким, как этот?»

«Да».

«С такими же большими деревьями, как это?»

«Да. Там было много больших деревьев».

«У этого дерева есть название: Папа-Буа».

«У нас тоже было название для деревьев».

Затем вдруг само собой возникло слово: «ябиси»²⁴. Реджи кивнул.

«Папа-Буа — это из одной истории, — сказал он. — Про старика».

«И у меня есть своя история».

²⁴ Ябиси в переводе с языка таино означает «дерево».

Реджи опять кивнул. У всего на свете есть своя история. И у него тоже. Однажды он запишет свою историю, в ней будет рассказано и о русалке.

«Все хорошо?» — спросил он.

«Нет».

Айкайя не умела выразить словами свои чувства.

Реджи догадался, что девушка несчастлива. Дело не в том, что она вдали от дома или у нее тревожно на душе. Поддавшись внезапному порыву, мальчик обвинил свою подругу руками и крепко стиснул в объятиях.

Вот уже тысячу лет никто не обнимал Айкайю. По ее лицу покатались слезы. Тут над ними грянул оглушительный раскат грома, словно в небесах сражались боги. Айкайя поняла, что Реджи не услышал этого грохота.

«Наверное, страшно снова очутиться здесь, на суше».

«Да».

«Ты мой первый друг».

Айкайя кивнула, и от неожиданного наплыва чувств у нее к горлу подступил комок.

«Я рада быть тебе добрым другом».

«В море тебе было одиноко?»

Слово «одинок» у обоих вызвало затруднения. Реджи пришлось долго жестикулировать, толкуя Айкайе его смысл, наконец она кивнула, и лицо ее затуманилось.

«Со мной была еще одна женщина, — объяснила Айкайя. — Старуха. Она обернулась черепухой».

«Готов спорить, она сейчас по тебе скучает». Айкайя кивнула.

«Как же ты вынесла?»

«Одиночество?»

«Да».

«С большим трудом. Мне и теперь тяжело. Я все еще ощущаю себя одинокой и телом, и душой».

Реджи кивнул. Он понял.

«Когда мне будет двенадцать, я поеду в школу для глухонемых. В Америку».

Айкайя захлопала в ладоши и знаками показала, что ему повезло; Реджи не один такой на свете, есть и другие. Он с ними познакомится.

«А ты встречала в море других русалок?»

Айкайя помотала головой.

«Как жаль!»

Айкайя вздрогнула. Одиночество — тяжелое бремя. Но море — это целый мир; там она

повидала много разных чудес, подружилась с удивительными созданиями, избегла многих опасностей. Море — безмолвная, но многоликая страна. Айкайя сумела полюбить ее.

И тут на землю рядом с ними шлепнулась живая скумбрия.

Пораженные, друзья наблюдали, как она колотится и мечется в слякоти. Рыба свалилась с неба, но, видимо, попала туда из моря.

Айкайя задрала голову и взвизгнула.

На землю шлепнулась еще одна скумбрия и тоже начала исступленно биться о землю. Айкайя и Реджи в ужасе таращились, прижавшись спинами к стене из древесных корней.

Упала следующая скумбрия. Затем еще одна, и еще, пока с неба не свалились, пролетев сквозь ветви деревьев, шесть-семь крохотных серебристых рыбок, затрепыхавшихся на земле.

Друзья, подняв головы, уставились наверх. Кто забрасывает их рыбой с дерева? Неужели в ветвях притаился таинственный невидимка, которого они не заметили? А теперь он или она дает о себе знать?

Рыба продолжала падать.

Затем явственно послышалось хихиканье — сверху доносился смех множества женщин.

Потом небеса разверзлись. Сквозь ветви хлынул дождь из сотен серебристых скумбрий.

Реджи пронзительно закричал.

От рыбы, сыпавшейся из облаков, мельтешило в глазах, лес заволокло серебристой пеленой, словно кто-то вытряхивал в рыбацью лодку невод.

Айкайя схватила Реджи за руку и бросилась бежать, таща мальчика прочь от исполинской смоковницы.

Она мчалась вперед на неверных ногах, словно сама Дьяблесса²⁵ гналась за ней по пятам по горному склону до самой усадьбы.

Задыхаясь от быстрого бега, друзья добрались до дома, крича, что с неба посыпалась рыба.

Мисс Рэйн зацокала языком. Она только что кончила убираться и испугалась было, что молодежь снова наследит на крыльце, но тут заметила, что сын и его подружка вне себя от страха. Реджи громко вопил и так быстро жестикулировал, что поначалу Аркадия не могла разобрать, про какую рыбу он толкует. Айкайя верещала: «Рыба! Она явилась за мной!»

²⁵ Дьяблесса (Дьяблесс; от *франц.* diablesse — дьяволица) — персонаж карибского фольклора.

Она металась как угорелая и выла. Это взбудоражило павлинов, которые принялись громко гоготать. Поднялся такой гвалт, что мисс Рэйн закрыла уши руками.

В конце концов все выяснилось. Вслед за Реджи и Айкайей приползла огромная дождевая туча. Из нее посыпались тысячи рыбин, больших и маленьких, словно в сад мисс Рэйн хлынул стальной водопад. Зеленая стриженная лужайка с несколькими проплешинами, покрытыми старой жесткой травой, вмиг превратилась в серебристый живой ковер.

— Господь всемогущий! — возопила потрясенная мисс Рэйн.

И ливень прекратился.

— Какого черта... — пробормотала Аркадия.

С неба изящной спиралью, словно балетная туфелька, слетела последняя скумбрия.

И все. Больше ничего — ни сардинки, ни тунца.

У мисс Рэйн аж челюсть отпала.

Бывшая лужайка ныне представляла собой океан трепыхавшейся рыбы. И тут Аркадия тоже услышала его, это тихое хихиканье, доносившееся откуда-то сверху.

Айкайя рыдала.

Реджи тоже плакал, из носу у него текло, губы дрожали.

— Стервы, — прошипела мисс Рэйн. Потом обернулась и посмотрела на Айкайю — девушку, о прошлом которой можно было только догадываться. Выходит, другие женщины наложили на нее вековое проклятье? Вероятно, причиной тому была ревность или что-то подобное.

Мисс Рэйн прижала Айкайю к груди, погрозила небу кулаком и прошептала:

— Эге! Вот вы как? Ладно. Мы готовы.

Не сразу я оправилась после дождя из рыбы.

Могущество проклятья — не пустяк.

Приехал Дэвид забрать меня домой.

Я проспала много часов подряд.

Понятно мне, что жизнь на суше

не продлится долго,

и я уже не та девчонка, которою была когда-то.

После превращения нельзя вернуться

к прежнему опять;

на это нет надежды.

После дождя из рыбы я осознала,

как сильно проклятье.

Те женщины воззвали
к богине Хагуа всевластной.
Хотя они давно мертвы,
проклятие еще имеет силу.
Навеки юная девица была обречена.
Надежды нет на счастье.
Всплакнула я украдкой.
Я знаю, нет возврата в океан.
Дома на крыльце взяла я створку раковины, чтобы
вызвать товарку старую свою, Гуанайоа.
Она ждать будет прежнюю меня.

Я много думаю о Дэвиде.
Хочу стать женщиною с ним.
Пока я дева и мечтаю
о сокровенных уголках мужского тела.
Я грежу о смерти, о конце своем
и помышляю убить себя.
Задумалась я как-то: уж не повеситься ли мне,
чтоб положить конец проклятью.
Задумалась я крепко.
Не сплю с тех пор, как выпал дождь из рыбы.
Я грежу о проклятье,
а проклятье грезит обо мне.
Меня оно настигло и на суше,
настигло в снах моих.

Задумалась я не шутя о том,
чтоб положить конец проклятью,
убить себя на этом острове проклятом,
разделаться с проклятьем навсегда.

Дневник Дэвида Батиста, июль 2015-го

Ей приходится нелегко. Но я заметил: что-то изменилось после того, как мисс Рэйн рассказала мне про дождь из рыбы, преследовавший Айкайю. Своими-то глазами мне увидеть не довелось, зато я углядел рыбу на лужайке, и было непросто объяснить все садовнику Джеффри, этому славному малому из поселка, кроткому и доброму.

Мы попросили его никому ничего не рассказывать. Я отвез Айкайю домой, а потом возвратился к мисс Рэйн; мы вдвоем сгребли рыбу в четыре больших пакета для мусора и закинули ко мне в кузов. Я отвез все это на рынок в Инглиштаун; там никто не задавал лишних вопросов, я быстро расторговался и малость подзаработал. А когда вернулся домой, сверху доносился храп Айкайи.

Позднее я услышал, как она плачет, будто чего-то сильно испугалась. Будто что-то еще преследует ее. До тех пор я считал, что Айкайе в общем и целом ничто не угрожает. Мы с мисс Рэйн должны были позаботиться о ней, со временем она появилась бы в поселке, и мало-помалу ее бы приняли. Потом (по моему плану) я сделал бы ей предложение. Я даже рисовал себе картины совместной жизни и наших детей. Счастливая жизнь до гробовой доски... Я задавался вопросом, не открыть ли Айкайе свое сердце. Но вид у нее был такой, будто на нее и впрямь навалилась какая-то беда, и беду эту она принесла с собой из прошлой жизни. А старая створка раковины с моего крыльца снова очутилась в ее постели. Я по-прежнему спал внизу, желая дать Айкайе время прийти в себя.

«Хочу плавать». Это были первые слова Айкайи, обращенные ко мне. Они прозвучали после дождя из рыбы. «Хочу плавать».

Удивительные слова, уж поверьте. Казалось бы, она наплавалась до одури, но куда там.

«Отвези меня к морю», — сказала Айкайя. Через два месяца, проведенных у меня, она выучилась нашему языку. И вот на следующий день,

прихватив с собой Харви, я отвез ее на тот берег, где море было тихое, и час тоже тихий. Солнце только взшло. Вокруг не было ни души. Мы спустились к воде, и при виде ее Айкайя расплакалась. Внутри меня все перевернулось. Я был рыбак, она — дама моего сердца, и море свело нас. До сей поры Айкайя видела его только с моего крыльца, издали. Она держалась на расстоянии. Потом обрела ноги, но тогда стало казаться, что теперь у нее нет специального приспособления для плавания. Всего лишь обычное тело, как у всех прочих женщин.

По счастью, рядом никого не было. Айкайя сбросила одежду, разулась и побежала к морю, а Харви с лаем помчался за ней. Как-никак закадычные приятели. Я понимал, что они общаются меж собой на каком-то тайном языке.

Поначалу я только смотрел на них. Сам-то я кое-как могу удержаться на воде, побарахтаться, но пловец из меня никудышный. Только представьте: рыбак, а плавать толком не умеет! Но в наших краях такое не редкость. Поэтому я просто наблюдал, как они с Харви плещутся на мелководье у бережка. Радовался за Айкайю. Мне самому сперва не хотелось заходить в море. Но оглянуться не успел, как сбросил портки

и, оставшись в одних подштанниках, шагнул в воду. Зашел по грудь, а она, моя русалка, плавала на спине совсем нагая. И улыбалась солнышку. Ее длинные дреды извивались вокруг тела будто змеи, под водой играли татуировки.

Только теперь я видел Айкайю целиком, как есть. Раньше, будучи русалкой, полуженщиной-полурыбой, она высывалась из волн наполовину. А сейчас передо мной была настоящая женщина — аж дыхание перехватывало от такой красоты! У меня случился мощный стояк, хотя Айкайя не могла заметить его под водой.

Я радовался за нее и вместе с тем опасался, как бы она не решила превратиться обратно в русалку прямо тут и уплыть восвояси. Харви бултыхался рядом с ней, глотая воду. Я тоже чувствовал себя довольным как никогда. Мне почудилось, будто Айкайя — моя вторая половинка, по которой я тосковал всю свою жизнь. Я наконец нашел ее, а она меня. Прекрасная русалка очутилась в моих объятиях: рядом была женщина, которая доверяла мужчине и препоручала себя ему. Она позволила мне обнять себя и увлечь в бирюзовое море.

«Ты не одинока», — сказал я ей.

Дождь из рыбы вызвал сильное потрясение и у Реджи. До мыслей о самоубийстве он не дошел — вынужденное одиночество не стало для глухого мальчика вечным проклятием, — но не на шутку испугался. Русалка была первым в его жизни другом, и ему почудилось, что она может покинуть его. Необходимо было поговорить об этом с матерью. На следующее утро Реджи и Аркадия устроились за кухонным столом друг против друга.

«Кто она, мам?»

«Не знаю».

Это было правдой.

Правдой было и то, что Реджи не услышал женского смеха, донесшегося откуда-то издали.

«Почему с неба посыпалась рыба?»

Аркадия ответила не сразу.

«Не знаю».

«Откуда взялась эта девушка?»

«Точно не знаю. С другого острова. Из давних времен».

«Насколько давних?»

«Из древности».

«Она родилась миллион лет назад?»

«Нет».

«Тысячу?»

«Возможно».

«А откуда у нее рыбий хвост?»

«Кажется, на нее наложили проклятие другие женщины. Но не уверена».

«Почему?»

Аркадия поняла, что Айкайя околдовала и ее сына.

«А ты как считаешь?»

Реджи внимательно посмотрел на мать, потом уставился в свою тарелку с кукурузными хлопьями. И наконец сказал:

«Почему мой отец уехал?»

Аркадия покраснела, и по спине у нее пробежал озноб. Прежде сын не спрашивал об этом напрямую.

«Боюсь, я и сама толком не знаю».

«На него тоже наложили проклятие?»

«Нет».

«Это ты его прокляла?»

«Нет».

«Значит, я?»

«Нет».

«А этот дом проклят?»

«Нет!»

«А по-моему, да».

«Почему?»

«Здесь нет никого, кроме тебя и меня. К нам никто не заходит. Только русалка, а теперь ее преследуют рыбы... Я был счастлив».

Аркадия поняла, что пытался сказать ее сын. Произошло нечто такое, что объединило двух женщин, близких Реджи. Какой-то злой рок препятствовал матери мальчика и ее счастью. Лайф, отец Реджи, бросил ее с ребенком. Потом обнаружилось, что Реджи глухой. На первый взгляд, все это звенья одной цепи, но мальчик ошибается. Лайф уехал по личным причинам, Реджи оглох по несчастливой случайности, а дом просто очень ветхий.

«Ты еще будешь счастлив, как прежде».

Реджи упрямо надулся. Он всегда был так лучезарен, так душевно щедр. Господь позаботился об этом, подумала Аркадия. У мальчика живое воображение, которое раньше верно служило ему. Русалка стала его первой любовью, а дождь из рыбы — первым ударом судьбы.

«Она еще долго здесь пробудет?»

«Не знаю».

«Расскажи мне о своем детстве».

«Уже рассказывала! И не однажды».

«Давай еще раз».

Аркадия вздохнула.

«Я родилась наверху, в той самой постели, где теперь сплю. Ты тоже родился в ней».

Мимолетная улыбка.

«В девять лет меня отослали на Барбадос, в школу-пансион в монастыре урсулинок».

Реджи понемногу оживлялся. Ему нравилась эта история — рассказ о том, как познакомились его родители.

«Я тогда уже знала твоего отца. Да. Мы встретились еще в детстве. Твой папа был в моей жизни всегда. Я была младше тебя, когда познакомилась с ним».

«Ты знала его всю жизнь?»

«Да».

«Тебе было столько же, сколько мне сейчас?»

«Да, даже меньше».

«Каким он был в десять лет?»

«Такой же шальной, как ты, если не хуже».

Реджи просиял.

«Вы с ним на одно лицо. Мы дружили — белая девчонка и черный паренек. Нам было плевать на всех».

«Где вы встретились?»

«В школе».

«Здесь?»

«Да, еще до монастыря».

«Расскажи».

«Ты же все знаешь».

«Расскажи еще раз».

«Он отрезал мне косичку, прямо в классе».

Реджи засмеялся. Так оно и было на самом деле. Лайф отхватил Аркадии одну косу, когда учитель вышел из класса. Она влепила хулигану пощечину, он расхохотался, и тогда бедняжка заплакала. Аркадии было восемь лет. Позднее, уже дома, мать была вынуждена отрезать и вторую косичку. На следующий день Аркадия пришла в школу с короткими волосами. Маленькая белокурая девочка с короткой мальчишеской стрижкой. Маленький чернокожий парнишка с шкодливой физиономией. Местная начальная школа в соседнем поселке. Всего сорок учеников, среди которых Аркадия была единственным белым ребенком. Именно тогда, восьми и девяти лет от роду, Лайф и Аркадия вошли в жизнь друг друга. Они сделались лучшими друзьями. Позднее, в юности, многие часы проводили в лесу вдвоем, обнаженные, болтая обо всем на свете; он гладил рукой ее волосы и смеялся, вспоминая отрезанную косичку.

«Я — дитя любви», — знаками показал Реджи.

«Угу».

«Думаю, он скоро вернется».

«Да? С чего бы это?»

«Он наверняка вспоминает, что сейчас мне столько же лет, сколько было тебе, когда вы познакомились».

Это не приходило Аркадии в голову.

«Кто знает».

В действительности вскоре, когда Аркадии исполнилось одиннадцать, ее отослали в школу. Но разлука только усилила их взаимную привязанность. В монастыре она провела семь лет: раскаленные добела каменные плиты во дворе, игра в «резиночку», дряхлые монашки (когда они наклонялись, поливая клумбы, из-под подолов виднелись их панталоны), лазурное море барбадосского моря, видневшегося из окон классной комнаты. Аркадия не волновалась: она знала, что рано или поздно сбежит и выйдет замуж за Лайфа. Это была не утопическая мечта. Все должно было сложиться именно так.

Однако Лайф исчез.

Не попрощавшись, не сообщив о своих планах.

Сердечный друг.

«Скоро я увижу своего отца», — предсказал Реджи.

Аркадия кивнула. С тех пор, как Лайф уехал, минуло десять лет. Десять!

«Ладно, пора заниматься».

«Пифагором?»

«Нет».

«А чем?»

«Искусством».

Глава 7

«БАРРАКУДА»

Аркадия Рэйн спала с оружием под подушкой. Год или два назад ее брат Август подарил ей «барракуду» — маленький шестизарядный револьвер с деревянной рукояткой, когда-то бывший на вооружении у полиции; он мало весил и был прост в использовании. В юности Аркадия под руководством брата упражнялась в стрельбе по консервным банкам, прибитым к столбам садовой ограды. Попрактиковавшись, со временем мисс Рэйн прекрасно набила руку. Она даже получила лицензию, но попусту револьвером никогда не светила, приберегая его лишь как крайнее средство. Одинокой женщине разумнее держать в доме оружие, а не мужчину. Револьвер есть револьвер, и никаких хлопот.

Собаки, бывало, лаяли по ночам, но чаще всего — на машины, которые проезжали мимо по дороге, петлявшей в холмах. Ни один злоумышленник ни разу не проник в дом, но Аркадии было спокойнее с «барракудой» под подушкой.

После необычного дождя мисс Рэйн спала плохо. Ей снилась рыба, сыпавшаяся из туч, и револьверы, плававшие в море. Аркадия просыпалась с ощущением щемящего одиночества, внушенного и dormitorioм урсулинского монастыря, где по ночам пахло лавровишневой водой и монашеской старостью; и этим старым плантаторским домом, где буйствовали родители; и отъездом братьев после разрушительного урагана 1961 года; но главное — бегством Лайфа. Аркадия никогда не смаковала это чувство; его пришлось прочно запереть на замок, чтобы выжить в преисподней. Еще мисс Рэйн видела во сне подвешенную Айкайю, в точности как рассказывал Дэвид: вниз головой на причале. Ей запомнились те американцы, что приходили к ней: сын-девственник, не совсем лишенный совести, и отец, который хотел убить русалку. Появление Айкайи отчего-то всколыхнуло все прежние тревоги Аркадии.

А потом, той же ночью, далеко за полночь, послышался какой-то шум.

Снизу донеслись шаги — тихий, но явственно различимый скрип чьей-то поступи по деревянным половицам. Собаки беспокойно выли, но не лаяли.

Аркадия села на постели и прислушалась. Шаги внизу замерли. Она нащупала под подушкой «барракуду» и крепко обхватила ее правой рукой.

Раздался глухой удар.

Женщина спрыгнула с кровати и в одной ночной сорочке прокралась на цыпочках по коридору. Заглянула в комнату Реджи; тот, как обычно, спал на животе, выпятив ягодицы.

Шум внизу не прекратился. Кто-то тихонько бродил по дому. Аркадия сжала левой ладонью горло. Где он? На кухне? Рука, державшая револьвер, дрожала. Оружие будет пущено в ход только для самозащиты. Один выстрел в бедро. Так она выведет незваного гостя из строя, а потом позвонит Се-Се и вызовет из соседнего округа местную полицию, хотя у них даже нет автомобиля.

Аркадия беззвучно ступала по полу босыми ногами. Внизу раздалось еще несколько глухих

ударов, словно человек натыкался на что-то. Не донеслось ли до нее ругательство? Револьвер был заряжен: шесть патронов. Мисс Рэйн взвела курок, барабан провернулся, и патрон стал на место.

Узкая лестница огибала стену. Спустившись, Аркадия прижалась к стене и замерла.

Она услышала, как кто-то открыл дверцу холодильника, потом передвинул стул. Сердце ее колотилось как бешеное. Женщина собралась с духом. Выбора не оставалось. Придется стрелять.

Через мгновение Аркадия очутилась в кухне и заорала:

— Замри, не рыпайся!

Женщина навела револьвер на темную фигуру, сидевшую за столом. Страх улетучился; если незнакомец дернется, она бестрепетно нажмет на курок. Даже в темноте можно сделать точный выстрел в плечо, который уложит его.

Фигура оцепенела. Тени тонули в лунном сумраке, но Аркадия видела, что перед ней сидит мужчина. Наглец, опустошающий ее холодильник.

— Ты! Руки вверх, черт тебя дери! — рявкнула Аркадия и пошла через комнату к телефону,

стоявшему на стопке телефонных книжек, хотя номер Се-Се знала наизусть.

— Давай, — повторила она, — руки вверх.

Мужчина медленно поднял руки; похоже, он совершенно владел собой и не боялся. Аркадия нащупала на стене выключатель и зажгла свет.

— Господи помилуй... — запинаясь, пробормотала она.

Дневник Дэвида Батиста, август 2015-го

Когда она наконец пришла ко мне, какое это было упоение. Я знал, что так будет. Айкайя явилась, когда я спал. Я поначалу даже не понял, вижу ее наяву или во сне.

Я очнулся от глубокого-глубокого сна, почувствовав чей-то взгляд. Открыв глаза, я увидел Айкайю, преклонившую колени на полу у моей постели. Она словно молилась передо мной. В предвкушении этого мига я жил всю жизнь. Мужчина должен дожидаться свою суженую, тихонько ждать, когда она выберет его. Он должен терпеливо и спокойно ожидать, когда явится та самая женщина, а потом — когда настанет

тот самый момент. Опять я наблюдал за нею, а она за мной — мы занимались этим несколько месяцев с того самого дня, когда я впервые увидел над волнами ее головку.

Я произнес:

«Иди же, дуду, любимая, иди ко мне».

Айкайя удивила меня. Она поднялась и сняла с себя одежду. Медленно-медленно, одну вещь за другой. А потом встала передо мной в тусклом свете керосиновой лампы и позволила некоторое время разглядывать себя. При виде Айкайи, которая стояла тут совсем обнаженная, глаза мои наполнились слезами. Она пришла ко мне, словно вместо невинной девушки теперь в ней жила другая женщина. Айкайя сделала шаг навстречу, и у меня перехватило дыхание; будто вместе с ней ко мне, к моей постели, в мои объятия устремились сотни женщин. Я ждал ее, а когда она явилась, то оказалась природной стихией. Берегитесь своих желаний. Не знаю, кто это сказал, но он был чертовски прав. Многие женщины оседлывали меня, щекоча своими волосами; каждому мужчине известно, что это такое: лицезреть над собой женщину во всем ее могуществе. Айкайя походила на крепкого изящного дельфина. Движения ее были плавны,

она распласталась надо мной и заглянула в мои глаза, проникнув своим глубоким взглядом мне в самую душу, и нежно поцеловала меня в губы, а я сказал ей:

«Приди».

Маленькая спальенка наверху сделалась местом удивительных открытий. Там прекрасная Айкайя из племени таино, бывшая до того русалкой, а еще раньше — юной девственницей, узнавала секреты своих сестер, которыми те не хотели делиться с нею. И первым секретом были поцелуи мужчины. Дэвид прижимался губами к ее губам, их языки сплетались, и горячие волны бежали по телу вниз, а затем снова вверх, ее охватывал трепет, а внутри, в лоне и в сердце, расцветали цветы. И, не в силах оторвать взгляда от своего возлюбленного, рыбака Дэвида, она широко распахивала глаза, струившие серебристый свет.

Айкайя позволяла себя целовать и целовала его в ответ, стараясь делать все так же, как он, но оставаться самой собою, понимая, что поцелуи — это только начало всего, и в то же время

целое искусство. Они целовались часами, лаская губами губы друг друга, а потом и другие части тела — руки, ступни, пупки, животы, ключицы. Ласкали голени и пальцы на ногах. Дэвид целовал перламутрово-розовые перепонки между ее пальцами, Айкайя содрогалась в экстазе, ее соски набухали, и Дэвид благоговейно впивался в один сосок медленным поцелуем. От удовольствия Айкайя почти теряла сознание. Она и представить не могла, что бывает на свете такое блаженство. Грудь у девушки были ни большие, ни маленькие, но никто никогда не касался их, не говоря уже о ласках или поцелуях; это доставляло ей глубочайшее наслаждение, и она томно выгибалась, выставя свои сокровища напоказ. На груди были вытатуированы спирали вселенной. Дэвид нежно ласкал эти знаки и с радостью замечал, как набухает кожа от его прикосновений. Он этого ждал.

Ночь, когда Айкайя впервые пришла к Дэвиду, они провели в его постели. Девушка пробудила в молодом рыбаке нежность, которой он никогда не испытывал. Дэвид полюбил русалку с первого взгляда, а теперь завоевал ее доверие. Он был околдован и шаг за шагом исследовал тайны ее тела, все его буторки, впадинки и изгибы.

Медленно раздвинул он ее ноги, еще недавно замурованные внутри рыбьего хвоста, навеки проклятые и обреченные. Неторопливо опустил голову, раздвинул языком нежные складки промежности и явил все свое искусство. Он подарил ей часы наслаждения, блаженство, которое она едва могла осмыслить, и тело ее опять содрогалось в конвульсиях. Айкайя раскрыла второй секрет: мужчина мог целовать и *там*. То было особое искусство, еще одна тайна сестер, которой они не захотели делиться с Айкайей. Сначала она должна была выйти замуж, вот почему ее держали в неведении.

Все те мужчины, которым она отказывала, хотели жениться на ней. Был ли кто-то из них похож на Дэвида? Смог бы доставить ей подобное удовольствие? И, выбери Айкайя себе мужа, она, возможно, была бы счастлива и избежала проклятья? Айкайя помнила, как деревенские женщины ушли советоваться с Хагуа — могущественнейшей из известных богинь, потому что после изгнания девушки из деревни мужчины продолжали домогаться ее, по-прежнему желая, чтобы она танцевала для них. Хагуа наслала бурю, подхватившую Айкайю с Гуанайоа и унесшую их в океан. За время своей долгой

ссылки девушка так и не уразумела, за что она была проклята.

В той волшебной постели, познав, чем отвечает ее тело на ласки Дэвида, Айкайя наконец прозрела. Причиной всему — это могучее чувство. Именно его возбуждала она в мужчинах, принадлежавших другим женщинам. Раньше ей было не дано понять, в чем она провинилась. Ведь ничего подобного она тогда не испытывала.

Затем Айкайя раскрыла и третий секрет. Длинный член Дэвида сначала был мягок, но сделался твердым-твердым, как дубинка, когда возлюбленный помог ее лону разомлеть и увлажниться. Он медленно-медленно вошел в нее, а оказавшись внутри, стал ритмично двигаться туда-сюда, туда-сюда... Бедра Айкайи заходили в такт его движениям, ее охватила блаженная истома. На сей раз она почти лишилась чувств, когда это ощущение достигло предела. И еще яснее поняла причину своего изгнания. Айкайя едва дышала. Каждый его толчок заставлял ее тело воспарять все выше.

— Ах! — воскликнула Айкайя и быстро-быстро залепетала на своем старинном языке, словно великая сила, соединившая их, развеяла все тайны ее прошлого.

Этот стародавний язык показался Дэвиду древним и одновременно знакомым. Он был нежен и ласков, как те песни, что распевала Айкайя.

Когда Айкайя оседлала Дэвида и ее длинные черные дреды обвились вокруг него, а лицо просветлело и засияло, он понял, что встретил друга и любовь всей жизни. Одним толчком он изверг в нее семя, и она приняла его содрогнувшееся тело, его боль, только теперь ощутив, что и он безмерно одинок.

Они заснули вместе, переплетя ноги, его длинный член снова обмяк, но все еще оставался внутри нее. Головы их лежали на одной подушке, и снился им один и тот же сон про незапамятные времена, когда острова этого архипелага были цветущим садом, куда не ступала нога человека и где царили тишина и спокойствие.

Прошло немало времени с тех пор,
но я все думаю о нежном чувстве,
что сильнее меня,
сильней любого человека.
Меня изгнали из общества людей,

Но позже появился шанс понять
Причину моего проклятья.
Постигла я ее, когда легла в постель
с женщиной из деревни на Черной Раковине.
Сплелись наши тела, мы занялись любовью.
Ко мне взывало море, там ждала меня
старуха Гуанайоа,
но уходить мне не хотелось.
То чувство нежное бессмертно,
хотя сейчас, когда пишу я эти строки,
немало утекло воды с тех пор,
как Дэвида я повстречала.
Мы проводили много времени
вдвоем в его домишке.
Однако до меня порою доносился еле слышный
далекий женский смех.
Волшебной силой сердце обладает,
его могущество сильнее любых проклятий.
И я по-прежнему власть сердца ощущаю.

Позднее, сидя на крохотной кухоньке Дэвида (ящик-холодильник, газовая плитка с двумя конфорками, буфет с ножами, вилками и прочей утварью), Айкайя попыталась договориться

с собой. Может, теперь она и не повесится. Останется здесь, на Черной Раковине, с Дэвидом; со временем сделается тут своей. В конце концов, она и сама уроженка Карибов, просто из другой эпохи, с другого острова. Соитие с мужчиной заставило ее вспомнить родной старинный язык; она ведь может вернуться туда, в эту магическую постель. Соитие с мужчиной смахнуло груз столетий, стерших ее память.

Айкайя наполнила маленький тазик водой из бочки, стоявшей на улице за дверью.

Jiguera.

Toa.

Вспомнятся и другие слова. Айкайя ходила от двери к тазу и обратно, собирая одну за другой тарелки и миски, которые Дэвид оставил немытыми со вчерашнего вечера. Она взяла бутылку с зеленой жидкостью, выдавила немного содержимого в тазик и увидела пену.

В ее прошлой жизни женщины мыли глиняные миски в реке, а готовили на костре. Мужчины ловили рыбу острогой, ставили силки на животных. Улов делили на всю деревню; кормились дарами земли и моря. Все необходимое собирали или выращивали; не было ни зеленой жидкости, ни тарелок, ни грузовиков,

ни асфальтированных дорог, ни домов из бетона, ни керосиновых ламп, ни пластика, ни металлических вилок и ножей, ни музыки регги, ни магнитофонов с наушниками, ни кедров «Адидас», ни одежды, подобной той, которую она теперь носила. Айкайя наблюдала, как изменились за прошедшие столетия корабли, но зеленой жидкости, превращавшейся в пену, ей еще не доводилось видеть. Она вымыла тарелки и тяжелые металлические кастрюли Дэвида, ощущая некоторое беспокойство.

По неосторожности Айкайя порезалась острым ножом, ранка была маленькая, но из нее потекла кровь. Девушка уставилась на алую струйку, сочившуюся из пальца. В постели тоже остались следы крови; она вытекла у нее между ног, совсем чуть-чуть. На пальце блестела такая же красная капля. Айкайя слизнула ее и снова задумалась о том, что значит быть женщиной. К ней будто ниоткуда пришло какое-то новое чувство, и она знала, что у него тоже должно быть название.

Но кроме того, Айкайя знала, что она проклята, — знала с тех самых пор, как они с Реджи ходили в лес, видели Папа-Буа и на них обрушился дождь из скумбрии. Тогда она догадалась,

что недолго пробудет на суше. Замыслила самоубийство, стала подумывать о веревке. Теперь, вкусив собственной крови, сочившейся из пальца, увидев свою кровь на простынях, Айкайя поняла, что ныне перед ней возникла еще одна трудность — чувство, пришедшее к ней со всеми этими поцелуями и движениями туда-сюда, туда-сюда, нежное и теплое, но вместе с тем тягостное и печальное. Она ощущала себя счастливой и одновременно запертой и покинутой в маленьком Дэвидовом домишке. В новой жизни с ее тарелками и зеленой жидкостью, превращавшейся в пену, таилось некое волшебство, а в придачу возникло это новое чувство в груди, сильное-сильное, заставлявшее неотвязно думать о себе. Что же это за чувство такое? Оно причиняет боль и в то же время приносит радость.

Дневник Дэвида Батиста, сентябрь 2016-го

Тогда я был молод, но секса у меня уже было предостаточно. Красавцем я себя никогда не считал, однако женщинам нравился. Я решил, что наступило время найти свою

единственную, создать с ней семью, и точно знал, что это будет именно Айкайя, когда она станет женщиной. Мы с ней были созданы друг для друга. Я в этом не сомневался. И наблюдал, как медленно, но верно она делает выбор в мою пользу. Никогда я не был так горд. Затем я твердо уяснил, кем стану для нее. Я хотел оберегать ее всю свою жизнь. Ей это необходимо. Я буду ее защитником и любовником. Мужем.

Я догадался про женщин, наложивших проклятие. Иногда Айкайя ни с того ни с сего просыпалась по ночам. «Ты слышал?» — спрашивала она. Я ничего не слышал. «Голоса», — говорила Айкайя. Она слышала, как над ней смеялись. Я хотел взять любимую под защиту, но в то же время и просто взять ее — наверное, как и те мужчины из прошлой жизни, про которых она рассказывала. Я любил в ней ту женщину, которая вызывала во мне все эти чувства.

Однажды утром Айкайя лежала на мне обнаженная, лаская лучезарным взглядом мою душу, чудо нашего соития озаряло ее лицо дивным светом, в волосы ее были вплетены цветки муссенды, собранные в моем саду. Она пела для меня, и песнь ее звучала печально. Я ощущал и радость и грусть — все разом.

Впоследствии я думал о том, что в ее песне заключалась вечная истина, в ней говорилось о тех доисторических временах, когда архипелаг был садом. Когда Айкайя замолчала, я ощутил в душе нежность и доверие и сказал: «Станешь моей женой?», но как только произнес эти слова, лицо ее омрачилось.

Я не усмотрел в этом своем вопросе ничего дурного, но ныне, оглядываясь назад, понимаю, что совершил большую ошибку. Я просил слишком много. Я предлагал Айкайе отказаться от свободы и снова связать себя узами. Я в панике пытался предотвратить ее уход, бегство обратно в море. Я проявил нетерпение, растревоженный этой женщиной, которую было так нелегко понять. Мне хотелось взять ее под свою защиту, во всяком случае я убеждал себя в этом, но, видимо, обманулся; наверное, проблема заключалась в слове «взять». Я постигал вещи трудно и медленно. Ребята, надо *дарить* любовь и заботу, а не брать их.

Да, это был он: на кухне у Аркадии сидел Лайф собственной персоной. Перед ним на столе

лежал большой сверток в коричневой бумаге, перетянутый бечевкой. Лайф был такой же, каким она видела его в прошлый раз. Вытянутый подбородок, лукавая усмешка, блестящие глаза. Собственно, он почти не изменился с тех пор, как ему было тридцать, и с тех пор, как он все время приходил в этот дом, и даже с тех пор, когда были живы ее родители. Вошел без спросу, как всегда. Аркадия запросто могла застрелить его. Она могла прикончить мужчину, который так внезапно бросил ее, которому она была предана с детства и в ком нуждалась как в любовнике, друге и отце своего сына.

— Привет, дорогая, — сказал Лайф. Он все еще сидел с поднятыми руками и опасливо глядел на нее, даже не думая оправдываться, словно их взгляды говорили сами за себя, подтверждая близкое знакомство. — Вспомнила меня?

Тут она заметила, пристально вглядевшись в его лицо, очертания бороды, местами поседевшей. Дорогая? Спятил он, что ли? Да за одно это его надо бы пристрелить.

— Эй, не шевелись, — проговорила Аркадия. Но в ее груди уже разгорелся пожар; глаза увлажнились, она ощутила, как подступают слезы.

Лайф кивнул, однако опустил руки. Наконец Аркадия положила револьвер со все еще взведенным курком на стопку телефонных книг. Потом придвинула стул и села перед ним в одной ночной сорочке. Вначале у нее хватало сил только смотреть на него.

Так нечестно. Дико хотелось выругаться. Аркадия ощутила прилив огромного облегчения и огромной — о, просто невероятной! — нежности, которой прямо-таки лучились ее глаза, хотя тревога не оставляла женщину. По ее щекам покатились слезы, и Лайф заметил их, но не шелохнулся.

— Что это? — спросила Аркадия, указав на сверток на столе.

— Это тебе.

Аркадия покосилась на Лайфа: неужто нельзя было позвонить? Она бы встретила его в инглиштаунском порту.

Лайф подтолкнул к ней квадратный сверток. Это была коробка, завернутая в бумагу.

Аркадия принялась возиться с узлом, наконец, бечевки упали. Затем она отодрала скотч. В ней снова проснулся ребенок, разворачивающий подарки, которых она никогда прежде не получала ни на Рождество, ни даже на дни рождения,

потому что проводила праздники на Барбадосе, в монастыре. Аркадия взялась за коричневую обертку. Обложить бы этого негодяя отборной бранью. Пока она с треском рвала бумагу, глаза Лайфа сверкали. Аркадия сначала посмотрела на него, потом на открывшуюся взгляду картонную коробку.

— Надеюсь, в ней что-то стоящее, — заметила она.

Коробка оказалась набита обрывками старых газет, среди которых пальцы Аркадии нащупали что-то твердое и холодное. Обеими руками она вытащила подарок. Это был погрудный бюст человека, тяжелый, оттенка красной охры, такой же, как глина, сползавшая по холму во время дождя. Пристально рассмотрев его, Аркадия поняла, что это ее собственный миниатюрный портрет.

— Внутри бронза, — пояснил Лайф. — Сверху глина.

Аркадия взвесила в руках свое холодное красное изображение; бюст был тяжелый, лицо точь-в-точь ее, но другого цвета. Женщина поставила скульптуру на стол между ними. Почему он просто не попросит прощения? Не постучит в дверь, как все нормальные люди?

А если бы она его застрелила? Что делать женщине с мужчиной вроде него, а? Она годами пыталась взять себя в руки, а он все это время лепил ее бюст.

— Я сделал его несколько лет назад. Чувствовал, что его место здесь. Вот и привез. Давно собирался. — Лицо Лайфа было непроницаемо.

— Подойди, — сказала Аркадия.

Лайф закрыл глаза, и она поняла, что он пытается взять себя в руки.

— Ну подойди же. Иди сюда.

Он приблизился, положил голову ей на руки, притянул Аркадию к себе. Они обнялись крепко и нежно, и Лайф ощутил облегчение, потому что устал в пути и давно был одинок. Он расплатился за свободу одиночеством, которого совсем не ожидал. Все те женщины, которыми он пытался увлекаться, — они улетучились, одна за другой. Целых десять лет Лайф прожил без любви, которую познал с Аркадией. В сущности, он никогда не верил ей, белой женщине, с тех пор, как они повзрослели; не верил он и самому себе. Когда они выросли, все изменилось: Аркадия унаследовала дом и все уголья вокруг. Лайфу было необходимо бежать с Черной Раковины прочь от этой белой женщины

и всего, что с ней связано. Он должен был добиться успеха, раскрыть свои возможности где-то там, в далеком мире. На большом острове были художественные галереи, театры, актеры, писатели, художники. Ему хотелось познакомиться с этими людьми, стать одним из них. Но он не сумел справиться с чувством, которое терзало и изводило его все эти годы, нравилось ему это или нет.

Узнав, что у Аркадии будет ребенок, однажды ночью он сбежал на пароме. Это был единственный шанс на новую жизнь. Ребенок означал, что теперь Лайф будет прикован к Черной Раковине и все останется по-старому, неважно, каким способом он это вычислил; он будет унижен, низведен. Аркадия выше его, и она белая. Лайф пробирался в ее дом ночами, прячась от ее родителей и братьев; настало время порвать с ней. Он никогда не думал, что любовь к этой женщине снова настигнет его. Положив голову ей на грудь, он слушал биение ее сердца и вспоминал, какой он был тогда и как они занимались любовью — в лесу и в этом доме. И все эти переживания мешались с теми чувствами, что он испытывал к своей родине — острову Черной Раковины.

Вопрос Дэвида сильно озадачил Айкайю. Она не до конца понимала новый язык, который освоила уже довольно хорошо, поэтому поначалу не была уверена, правильно ли уразумела смысл обращенных к ней слов. Жена? Что это означало теперь, в нынешние времена? То же, что в ее прежней жизни? Айкайе захотелось посоветоваться со своими шестью сестрами. С недавних пор она начала бродить вокруг поселка, главным образом вечерами, прогуливаясь по узкой дороге из разбитого асфальта, ведущей в соседнюю деревню; там мало кто ходил, и Айкайе редко попадались прохожие. Вопрос Дэвида привел девушку в полнейшее замешательство. Надо было обдумать его наедине с собой.

Айкайя выбралась из постели Дэвида, надела его одежду, взяла его темные очки, чтобы защитить глаза от солнца, и сунула ноги в кеды. В дорогу прихватила булочку и плод манго. Было раннее утро, большинство людей еще спали. Над водой нависало светлеющее небо. Море выглядело темным, холодным, с мелкими белыми барашками над волнами. Девушка вышла из поселка и зашагала по дороге, что вела

по побережью мимо скал. Айкайе хотелось разобратся в чувствах Дэвида. Как неожиданно свалилось на нее все это: одежда, новые ноги, новое наречие, язык жестов и... мужчина рядом. Она почти вернулась к обычной жизни.

Однако Айкайя скучала по морю. Скучала по убежищу, которое находила там. По своему хвосту. В океане она была огромной русалкой, но вместе с хвостом лишилась прежней мощи. На суше обернулась слабой женщиной. А ведь в море плавала вместе с китами. Айкайя понимала, что в новом облике выглядит странновато с этими своими руками и ногами, но понемногу осваивалась и уже могла сойти за человека. У нее появились друзья — Реджи и мисс Рэйн. С чешуйчатым хвостом она выглядела такой изящной, а теперь превратилась в неуклюжую бабищу. Впрочем, в ней осталось немало рыбьего: маленькие зубы, соленый дух. Она не могла переваривать мясо, не употребляла в пищу рыбу — не станешь же есть своих бывших товаров. В море Айкайя питалась водорослями, планктоном, моллюсками, кальмарами и небольшими крабами. Кальмаров трогала редко, они ведь такие умные. Однажды подружилась с дородной осьминожкой, большой, словно

ковер, с мускулистыми щупальцами и гигантской пастью, способной размолоть коралл. Та осьминожиха тоже была старожилом и обитала в морской пучине под скалами. Так что на суше Айкайя потребляла лишь фрукты, овощи и иногда крахмал. Ей этого хватало. Она перестала быть юной девушкой из племени таино. Выглядела на тот же возраст, но была тысячью годами старше, и внутри нее было море; а это большая разница.

На повороте дороги под отрогом холма Айкайя остановилась, чтобы полюбоваться морем. Ее тянуло туда всеми фибрами души. Ею владело глубокое, полное, завораживающее чувство. Русалкой она повидала сотни одиноких мореходов, бороздивших водную поверхность Земли; большей частью то были безумцы, не знавшие, куда они направляются и что творят. Айкайя не могла проникнуть в морские глубины. Ее легкие не давали возможности погружаться на дно океана, и большую часть времени она проводила на мелководье, в теплых широтах. Девушка осмысливала свою прежнюю жизнь в изгнании, в которое ее насильно ввергли и из которого потом так же насильно выхватили. Ей открылись

две истины. Ту жизнь она уже переросла. Но по-прежнему оставалась ее частью.

Море было для Айкайи и домом, и местом ссылки. Она испытывала к нему страстную любовь и одновременно — чувство, близкое к отвращению. Теперь бывшая русалка принадлежала всему архипелагу — и суше, и воде. Если бы ей пришлось броситься в море, она бы захлебнулась и утонула, хотя она помнила, как боролась за жизнь, когда попалась на крючок.

А теперь в ее жизни появились новое сильное чувство к мужчине по имени Дэвид и новый сложный вопрос: «Станешь моей женой?», так ее озадачивший.

Айкайя опустилась на скамейку на смотровой площадке у изгиба дороги. Она надкусила кожуру манго, содрала ее одной аккуратной полоской и бросила на землю, после чего съела плод целиком, до ворсистой косточки. С аппетитом умяла булочку. Дэвид испек ее сам, в ящике, который он называл духовкой. Однажды он объяснил, что научился печь хлеб у своей матери. По вкусу булочка напоминала плоские лепешки кассава, которыми Айкайя питалась в прошлой жизни. Все как прежде: кассава, сладкие плоды...

Многие вещи остались неизменными. Земля все та же, люди так же пекут хлеб. И море никуда не делось, мужчины по-прежнему ловят рыбу.

Если Айкайя скажет Дэвиду «да», то сможет готовить по-новому, в духовке. Девушка уже вспомнила, на что способен огонь, и знала, что с его помощью можно приготовить картофель, ямс, тыкву и даже фасоль. Она научилась мыть посуду пенящейся зеленой жидкостью. Умела страстно заниматься любовью в постели: туда-сюда, туда-сюда. Но в ее прошлой жизни мужчина мог иметь не одну жену, это считалось обычным делом. У отца Айкайи было пять жен и множество детей. Не придется ли и ей когда-нибудь с кем-то делить Дэвида? Может, они с Дэвидом, пусть недолго, но будут счастливы вдвоем. Что произойдет, когда он сделает предложение другой женщине? Прежде Айкайе не хотелось замуж, а теперь? Если она не пойдет за Дэвида, не накажут ли ее опять? Мужчины стремились отнять свободу у нее, но сами хотели оставаться свободными. Нет, она не станет женой Дэвида, ей это слово не по нутру.

Айкайя начала напевать про себя тихую песню, наблюдая за бегом морских волн. Туда-

сюда, туда-сюда... Она любила море — свое убежище и тюрьму. Волны тоже металась туда-сюда, словно занимались любовью. Вверх-вниз, вперед-назад. Теперь в голове у Айкайи пульсировало только это бесконечное «вперед-назад». Да. Нет. Да — властному новому чувству, нет — замужеству. Неужто на земле все так: туда-сюда? Когда эти люди с «Неустрашимого» вытащили ее из моря, они избавили ее от одиночества, но вместе с тем лишили прибежища.

Дневник Дэвида Батиста, сентябрь 2016-го

Наутро после того, как я сделал предложение, Айкайя пропала, и с тех пор все пошло наперекосяк. Единственный раз в жизни я попросил женщину стать моей женой. Ни раньше, ни потом я этого не делал. Оглядываясь назад, я вижу, что слишком торопил события. Она ушла из дому, прихватив с собой манго, булочку и мои темные очки, сказав, что ей нужно хорошенько поразмыслить. Видно, я слишком распустил язык.

Эта девушка сводила меня с ума. Мне полюбилась ее забавная походка; Айкайя была по-своему изящна и вместе с тем неуклюжа. Мне нравилось, что она существует в согласии с природой, будто знает что-то, чего не знаю я, будто сильнее связана с землей. Айкайе нравилось качаться в моем гамаке на крыльце, и я понял, что в прошлом она уже делала это.

Какое-то время я валялся в постели, проклиная себя за болтливость и терзаясь беспокойством, ведь я так боялся ее отпугнуть, но все-таки сделал это. Утро я провел на крыльце за починкой сетей, размышляя о том, что с рыбной ловлей, наверное, пора завязывать. Видно, настало время переменить ремесло, раз я собираюсь жениться на женщине, которая долго пробыла в русалках.

Я размышлял обо всех этих вещах, и тут передо мной нарисовался Колченожка. Он обогнул дом и зашел с заднего двора. Это был молодой парень лет восемнадцати, не больше, тощий, с изувеченной ногой. Я кивнул и поздоровался. Колченожка был застенчив и обычно помалкивал. Но в тот день его явно подмывало высказаться. Мне было известно, что он находился на «Неустрашимом», когда поймали Айкайю.

И прежде, чем он успел открыть рот, я понял, что он пришел поговорить о ней.

— Ну, говори, — произнес я. В руках у меня была большая игла, на коленях — груда сетей. Я постарался, чтобы мой голос прозвучал буднично.

Колченожка сказал, что знает, кто она, и я внезапно почувствовал тяжесть в груди. Я посмотрел на парня, словно говоря: продолжай. Тот заявил, что видел, как она гуляла по поселку; сегодня утром она прошла мимо их дома, и он узнал ее, когда...

Я кивнул, не отрывая взгляда от сетей.

Оказалось, мать сообщила ему, будто у меня поселилась косоглазая бабенка. Присцилла была мне не страшна, но при желании она могла здорово напакостить. Я осведомился у Колченожки, что он ответил матери, но он только, переминаясь со здоровой ноги на хромую, заявил, что пока ничего, но потом спросил напрямик:

«Значит, это правда? Она — та самая русалка, которую мы поймали?»

Мне захотелось выставить его, но Колченожка еще не закончил. По его словам, он узнал ее. Она красотка. Похоже, индианка — не индуска,

а краснокожая. И поинтересовался: она что, теперь умеет говорить?

Я ответил, что у меня живет подружка, и никакая она не русалка, а прибыла с Ямайки, мы с ней давно знакомы, вот она и остановилась у меня. Но Колченожка знал, что я вру. Мы на время оставили скользкую тему. Я догадался, что он напрашивается на мзду. В довершение всего ко мне заявила Присцилла с другим своим сыном, Николасом.

Я обреченно цокнул языком.

Вся шайка была в сборе. Николас, разумеется, тоже видел русалку. Присцилла уже бросала на меня торжествующие взгляды. Хорошо помню, что в волосах у нее были розовые бигуди, а из-под майки торчал такой же розовый лифчик. Ведьма, да и только!

«Николас! — взвизгнула Присцилла и так треснула его по спине, что он аж пошатнулся. — Расскажи-ка, что ты видел сегодня утром. Давай, говори!»

Николас удрученно хмурился. Он был старше Колченожки всего на пару лет, не больше. Покасившись на меня, он перевел взгляд на брата. Обоим явно было не по себе.

«Расскажи ему то, что сообщил мне!» — рявкнула Присцилла.

Но оба парня будто воды в рот набрали.

«Ах, чтоб тебя!» — воскликнула она, сбросила с моих колен сети и вперила в меня злобный взгляд.

Женщина, которая все это время живет у меня, заявила Присцилла, не кто иная, как русалка, добытая америкашками.

«Вот кто она такая. Утром меня просветили. Все это время ты живешь с чертовой рыбой. От нее воняет. У нее не только глазки бесстыжие, как я погляжу, от нее и несет, как от шлюхи. Рыбой. Это и есть та русалка, которую сперли. Ты спер ее. Эти янки отвалят мне кучу бабок, когда я доложу им, что пропажа отыскалась».

Лайф и Аркадия проговорили всю ночь до самого утра. Когда Реджи спустился к завтраку, он обнаружил на кухне мать в одной ночной сорочке, что само по себе было необычно, револьвер, лежавший рядом с телефоном, и странного мужчину за столом. У него были короткие

дреды и бородка с проседью, почти как у великого Боба. Реджи удивленно покосился на незнакомца, прижался к теплому бедру матери и обвил ее руками. Через мгновение он догадался, кто перед ним. Мальчик и мужчина встретились взглядами и внимательно уставились друг на друга. Ни один из них не собирался давать волю слезам, боже упаси.

Лайф встал и сказал:

— Здравствуй, сын!

Тот прочел по губам и кивнул. Но это самое слово «сын» отнюдь не растрогало мальчика. В отличие от матери, Реджи знал, что когда-нибудь этот момент настанет, и даже отрепетировал свою встречу с отцом.

Речь шла не о прощении. Дело было в другом. Реджи прожил на свете уже десять лет, не зная отца, хотя тот на самом деле был жив-здоров. Мальчик мечтал своими глазами увидеть этого Лайфа, о котором был много наслышан и знал, что он очень дорог его матери; но ему хотелось самому во всем разобраться. Надо, чтобы этот тип уразумел, какой он, Реджинальд Гораций Батист Рэйн, необычайный мальчик и как замечательно ему жилось без отца.

Реджи кивнул и улыбнулся.

Отцу придется многое наверстывать, если он планирует остаться. А что, если этот неожиданный визит — всего на одну ночь? Нет, нельзя, чтобы новоявленный папаша узнал, как бешено колотится маленькое сердечко. Только не это. Реджи жадно разглядывал Лайфа. Он будет таким же, когда повзрослеет? Он унаследует этот вытянутый подбородок? Лайф улыбался Реджи, и тот едва выдерживал взгляд отца. Ему хотелось кричать от радости, но как же тогда все это — и неизвестность, и утрата, и тайна местонахождения отца? Выглядел Лайф прекрасно, сразу видно — важная персона. По крайней мере, хоть внешность не разочаровала.

Наконец Аркадия произнесла:

— Ладно, я не собираюсь торчать тут весь день... Что будем на завтрак?

— Блины, — ответили ей.

Для этого вначале требовалось съездить за продуктами, и Аркадия, захватив револьвер, отправилась наверх, чтобы одеться, умыться и причесаться. А двое безумно любимых ею мужчин, похожих один на другого как две капли воды — то же лицо, та же худоба, те же

застенчивость и обаяние, — остались наедине для мужского разговора. Один — глухой от рождения, вечный изгой по ее вине, другой — чертов бродяга. И каждый — на свой лад артист.

Взглянув на себя в зеркало в ванной, Аркадия ахнула. Вид у нее был такой, словно она пережила потрясение. Глаза ярко блестели. Женщина нажала на щеки указательными пальцами, ткнула в скулы и с силой закусила собственный кулак, глухо застонав. Лайф вернулся, и вот уже сердце ее наполнено любовью — проклятое доверчивое сердце. Сейчас тревога рассеялась, хотя Аркадия понимала, что она может в любой момент возникнуть снова из самого нутра.

Подумаешь, проболтали всю ночь! Этим они друг другу и нравились: им всегда было о чем поговорить. Поэтому Аркадия и скучала по Лайфу; он — ее вторая половинка, ей не хватало разговоров с ним. Ликовать еще рано, сказала себе Аркадия, споласкивая лицо. Не стоит торопить события и воображать бог весть что. Появился, как черт из табакерки; уверяет, что скучал. И что? Мало ли по чему скучают люди. Реджи вне себя, ясно как день. Он бы задал отцу трепку. Ее сын — настоящее чудо,

несмотря на глухоту. До него было несколько выкидышей. Врачи даже заводили речь о том, что у нее никогда не будет детей. Узкий таз, склонность к опущению матки. Реджи сам захотел появиться на свет.

Аркадия надела свежие трусы и джинсы. Поглядела из окна на море, и вдруг ей вспомнился Арнольд, нацепивший на макушку голову марлина и предрекавший неприятности из-за русалки. Это было словно вчера, а между тем уже минуло несколько месяцев. Впрочем, до сих пор русалка как будто приносила только хорошее, хотя таинственный дождь из рыбы никак не шел из головы. Подумать только, Аркадия поначалу не поверила американцам. Слишком уж затворническую жизнь вела. Женщина помолилась за сына и за Айкайю, так как чувствовала, что оба нуждаются в молитве. Себе же прошептала: «Удачи».

Дневник Дэвида Батиста, сентябрь 2016-го

В общем, я был бессилен против нагрянувшей ко мне троицы. Двое из этой шайки легко могли

опознать Айкайю. Все последующие годы мне казалось абсурдным писать об этом в своем дневнике. Нелепица, да и только. Я укрывал у себя бывшую русалку, вот и все; мало того — я был в нее влюблен. В тот год я превратился из мальчика в мужа, но разве можно было не заметить Айкайю? Она никогда, никоим образом не сошла бы за человеческое существо. И парни, которые были с американцами на катере, понимали, кого они увидели.

Когда эти трое заявили в мой дом, мне стало ясно: они будут стращать меня полицией. Я напрямик спросил Присциллу, чего ей надо. Она ответила, что меня следует без промедления запихнуть в кутузку. Что я украл русалку, уволоку и присвоил себе.

«Я ее спас», — объяснил я. Она ведь не знала всей правды.

«Ты ее спер», — возразила Присцилла.

Я попытался воззвать к тому хорошему, что еще оставалось в этой женщине. Объяснил, что вызволил из беды человеческое существо. Но ничего хорошего в Присцилле не осталось. Она стала вопить, что моя возлюбленная — гадкая чешуйчатая тварь, наполовину рыба, наполовину хрен знает что! Эта гребаная русалка

стоит миллион долларов, а я ее спер, потому что хочу нажиться на ней. Когда я стал отрицать это, она назвала меня наглым поганым лгуном.

Я попытался растолковать Присцилле, что хвост очень быстро отвалился, так что я не смог выпустить ее обратно в море.

Она метнула на меня гневный взгляд и прошипела:

«Ты стащил даже ее дурацкий хвост. Эта штукавина стоит уйму денег. Где ты его припрятал?»

Я устоял на нее, не веря своим ушам. Да, бывают на свете злые люди. Им нейдет, когда другие счастливы. Я встал, сбросив с коленей сеть. Мне было не по себе.

«Присцилла, — произнес я, — скажи прямо, что ты собираешься делать, а? Что? Вызовешь сюда этих янки, чтобы они ее забрали? Деньжат захотелось срубить? А? По-твоему, она — вещь? Товар на продажу? Или что?»

Я понимал, что у Присциллы имелась не одна причина, чтобы затеять все это, и она хорошо подготовилась.

Я велел соседке оставить нас в покое. И даже рассказал, что мою подругу зовут Айкайя, она из другой эпохи и была проклята такими же

зловредными бабами, как Присцилла. Все без толку. Присцилла пялилась на меня стеклянными глазами.

«Айка... кто?»

Но когда я обвинил эту ведьму в том, что она хочет навредить мне, потому что считает, будто я не могу крутить любовь ни с кем, кроме нее, то увидел, как глаза ее засверкали. Присцилла уставилась на меня тяжелым взглядом. Наверное, ей стало стыдно, что я выложил правду при ее сыновьях. Она прихлопнула рукой бигуди, образовавшие нечто вроде розового нимба у нее над головой, хотя на святую она никак не тянула.

«Эта женщина приехала к нам в гости с карибского острова, — сказал я. — Она такая же, как мы с тобой, просто выглядит чуть-чуть иначе. Никакая она не рыба, я намерен жениться на ней, и если мне вздумают чинить препятствия, я тоже в долгу не останусь».

Все трое так и ахнули. Присцилла попятилась.

«Что?! — Мое заявление повергло ее в шок. — Ты собираешься жениться на рыбе?!»

Меж нами никогда не было мирного соседства, но на сей раз я понял, что попал в переплет.

Айкайя еще не вернулась с прогулки, и худо ей придется, если по дороге домой она нарвется на Присциллу.

Съездив за продуктами, на обратном пути Аркадия заметила на обочине одинокую фигуру женщины с длинными дредами, которая передвигалась странным неуклюжим, размашистым шагом. Она направлялась в сторону поселка. Утро было в разгаре, нещадно палило солнце. Аркадия остановила джип и окликнула Айкайю:

— Эй! Залезай!

Женщины ехали в спокойном молчании, хотя Аркадия чувствовала, что ее юная спутница чем-то озабочена. Она спрашивала себя, не надоело ли Айкайе на острове Черной Раковины, быть может, ее тянет домой — не в море, но на другой остров и в другую эпоху.

— Ты выходила прогуляться?

Айкайя кивнула.

— Скучаешь по... дому?

— Скучаю?

— Ты помнишь свой дом?

— Я вспоминаю море.

- А то, что было до моря?
- Да. Дом... это было давно.
- Я рада, что ты здесь.

Айкайя осторожно взглянула на мисс Рэйн и сняла темные очки.

— Эй! — Аркадия остановила машину. Они находились сразу за Сент-Констансом. — Не плачь, моя хорошая. Понадобится какое-то время, чтобы...

Айкайя кивнула и спросила:

— Вы... замужем?

Аркадия помотала головой:

— Нет.

— Почему?

— Долго рассказывать.

— Дэвид... хочет, чтобы я...

Аркадия кивнула, совсем не удивившись. Так Айкайя будет в безопасности.

— А ты что?

Айкайя закрыла лицо руками. Она не находила слов, чтобы высказать то, что у нее на душе. Мисс Рэйн несколько мгновений внимательно смотрела на свою спутницу.

— Поедем ко мне, — сказала она наконец. — Угощу тебя блинами.

— Блинами?

— Попробуешь. Реджи будет рад с тобой повидаться... Поехали, позавтракаешь с нами. У меня еще один гость. Мой старинный друг.

Лицо Айкайи просветлело.

— Друг?

— Да, мы давно дружим.

Лайфу понравится Айкайя. Аркадия сразу это поняла. И вообще, это будет самое большое потрясение в его чертовой жизни.

Хлынул дождь — обычный утренний ливень, — и две женщины помчались от джипа к огромному дому и взлетели на крыльцо. На балюстраде сидели, прижавшись друг к другу и дрожа, два павлина. Здесь, на холме, порой бывало прохладно. Опустился туман, окутав дом. Реджи слушал музыку, из гостиной неслись басы «Асвада». Взглядам вошедших женщин представили танцующие мужчина и маленький мальчик, прижимавший к ушам наушники. У Аркадии комок подступил к горлу. Ливень, регги и танцующие мужчины все равно не дали бы ей заговорить; она стояла и смотрела на них, стиснув в руке коричневую пачку блинной муки.

Айкайя была счастлива увидеться с Реджи. Она присоединилась к мужчинам, и они втроем с упоением предались танцу. Айкайя по-прежнему прятала глаза цвета ртути за темными очками Дэвида. Собаки в порыве преданной любви, виляя хвостами, бросились к ее ногам.

Причиной всему Айкайя — мисс Рэйн была уверена в этом. Ее появление повлекло за собой целый ряд событий; Аркадия была признательна ей за это и сочувствовала ее тяготам. Она решила не представлять Айкайю и Лайфа друг другу; они и без нее разберутся, кто есть кто.

Отнеся покупки на кухню, Аркадия занялась тестом для блинов, приготовлением кофе и томатной чоки²⁶. Возможно, Лайф останется не на одну ночь. Может, даже на несколько. Надо открыть перед ним дверь. Все эти годы она сдерживала себя. Любовь может научить мудрости. Любовь поведет ее за собой, и его тоже.

²⁶ Чока — тринидадское блюдо: томатный соус типа сальсы, подаваемый на завтрак к лепешкам роти.

Со двора донесся звук подъезжающей машины. Это был Дэвид, чем-то сильно встревоженный.

— Заходи! — крикнула Аркадия.

Дэвид выскочил из кабины и через минуту уже стоял в кухне, с него ручьями текла вода.

Он рассказал про соседку с ее угрозами: сыновья Присциллы опознали Айкайю, теперь это лишь вопрос времени — скоро все будут знать, что она — та самая русалка, пойманная в апреле американцами и стоившая кучу деньжищ, и что это он, Дэвид, украл ее с причала.

— Ну и пусть болтают, что им вздумается, — возразила Аркадия. — Се-Се и остальные всё поймут. Только Присцилла вечно устраивает склоки, но с ней я разберусь. Она давно не дает житья всему поселку. Я могу выпереть ее с острова. Для начала, эта гадина задолжала мне за аренду. Она-то считает, что ничего не должна. Но ей уже пора паковать чемоданы и побыстрее уносить отсюда свою задницу. Ясно?

Дэвид кивнул, но на душе у него по-прежнему было мутно.

— Не беспокойся об этой бездушной хрычовке. Если меня хорошенько взбесить, Присцилла покажется ангелом.

Дэвид прошел в гостиную и ахнул. Господь всемилостивый, откуда тут взялся дядя Лайф?! От облегчения он даже слезу пустил. Лайф вернулся! Теперь все пойдет иначе. Что творится? Что творится в этом проклятом поселке?!

Дождь барабанил так громко, что за завтраком они едва слышали друг друга. Собаки забились под кухонный стол. Аркадия переусердствовала с чоккой, превратив ее в суховатую томатную пасту, но никто не жаловался или попросту не замечал этого. Когда Айкайя сняла темные очки, на спокойном лице Лайфа появилось удивленное выражение. А когда она потянулась за сиропом для блинов, он увидел перепонки у нее на руках. Реджи знаками объяснил: «Раньше она была русалкой. Какие-то американцы поймали ее. В апреле. А дядя Дэвид спас». Аркадия перевела. Лайф кивнул, но продолжал разглядывать Айкайю с благоговейным трепетом, которого не мог скрыть. В то утро все складывалось одно к одному — недаром они впятером собрались под одной крышей. Айкайя рассматривала Лайфа своим спокойным ласковым невинным взглядом. Похоже, он тут человек отнюдь не случайный.

Съев два блина, она спросила:

— Вы кто?

Все уставились на Лайфа.

— Я с Черной Раковины.

— Вы родились в поселке?

— Да.

— Местный?

— Да.

Айкая посмотрела на мисс Рэйн, кивнула. Реджи с Лайфом на одно лицо. Не заметить этого нельзя.

— Как вас зовут?

— Лайф.

— Лайф — это «жизнь»? Хорошее имя.

— Спасибо.

— Лучше, чем «смерть».

— А вас как зовут? — спросил он.

— Сладкоголосая.

— Чудесно.

Лайф посмотрел на Аркадию, которая теперь превратилась в зрелую женщину, потом на сына, на своего сына-поэта. Никто не сказал ему, что Реджи глухой, что мальчик схож с ним, как две капли воды. Затем он перевел взгляд на женщину, что раньше была русалкой. Лайф

пытался свыкнуться со всем этим. Да, на острове Черной Раковины многое переменялось.

— Вы полюбили своего сына? — спросила Айкайя.

— Да.

— Мы с ним друзья.

Лайф кивнул и ответил:

— Благодарю вас.

— Он учит меня разговаривать с помощью рук.

— Надеюсь, меня он тоже научит.

— Хорошо. — Айкайя улыбнулась. — Вам придется остаться тут на несколько месяцев.

Мисс Рэйн бросила на Айкайю взгляд, говоривший: «Довольно».

За столом царило общее возбуждение. У Реджи голова шла кругом от новых ощущений. Аркадию охватило внезапное предчувствие близкого, но беспокойного счастья. Ливень будто очищал душу. Конец августа. Впрочем, грядет сезон штормов, а это всегда заставляло Аркадию нервничать.

Дэвиду, однако, было не по себе. Раз Присцилла и ее сыновья вышли на тропу войны, удастся ли Айкайе уцелеть, не говоря уже о том,

чтобы стать его женой? Что, если она подхватит вирус? Или ее убьет обычная простуда? Спасет ли ее травяной чай? Дэвиду захотелось взять ее за руку под столом. Она смотрела на него, но прочесть ее мысли было трудно.

И все-таки здорово было снова повидаться с Лайфом! Раз он здесь, у мисс Рэйн теперь есть семья. Но впишется ли в нее Лайф? Станет ли настоящим отцом для Реджи? Местные мужчины не заморачивались воспитанием своих отпрысков. Сумеет ли Лайф прижиться в этом большом старинном доме?

Над крышей протрещал раскат грома, и собаки испуганно завопили под столом.

Айкайя посмотрела наверх.

Все насторожились. Даже Лайф задрал голову.

— Какого дьявола здесь происходит?

Айкайя устремила на него большие черные глаза с серебристыми белками и промолвила:

— Женщины наложили на меня проклятье.

Лайф кивнул.

— Недолго мне здесь оставаться, — добавила она.

Лайф посмотрел на Дэвида; тот заметно изменился, повзрослел, стал мужчиной. Вид у него

был несчастный, он не умел скрыть, как околдован женщиной-русалкой.

Ветер переменился, и косой ливень начал заливать кухню. Все промокли и задрожали от холода. Собачонки, таякая, выскочили из-под стола и убежали. Аркадия встала, чтобы закрыть окно.

Айкайя огляделась, и стало ясно, что она знает что-то, о чем никто, кроме нее, не догадывается. Сквозь кухню пронесся сильный порыв ветра. Окно, которое мисс Рэйн безуспешно пыталась захлопнуть, распахнулось опять.

Айкайя вскочила, запрокинула голову и прокричала: «Хватит!»

Но ливень по-прежнему лил как из ведра, и ветер продолжал гулять по громадному дому. Айкайя вспрыгнула на кухонный стол, воздела руки и закричала что-то на языке своих предков.

Шум внезапно стих.

Остатки дождя пролились на землю длинными струями. Небо прояснилось. Айкайя продолжала стоять, запрокинув голову.

Звук, который раздался после этого, слышали все, кроме Реджи.

Это был тихий-тихий женский смех.

Собаки оглушительно залаяли.

Лайф посмотрел наверх, потом на женщину, которая раньше была русалкой. Картинка в его голове наконец сложилась: жуткое ненастье (с тех пор как он приехал, беспрерывно хлестал ливень); удивительная девушка с перепончатыми пальцами, умевшая заговаривать дождь на своем непонятном языке; сын, который ничего не слышал, но в первую же секунду навек завоевал сердце отца. И мгновенно разгоревшееся в сердце и прочих органах, быть может, даже губительное чувство к этой белой женщине, которую Лайф помнил с тех пор, как вместо грудей у нее были две розовые пуговицы, на зубах пластинка, а волосы заплетены в косички, одну из которых он отрезал. Он помнил Аркадию всю жизнь, с детства, еще до страшного урагана, когда она, богатая девочка, приезжала с Барбадоса, а потом уезжала обратно, дважды в год покидая его, бедного паренька. Приезжала и уезжала... Он помнил ее в то время, когда она, вернувшись, кидалась в его объятия, рассказывала ему о барбадосском море, а потом они, как одержимые, занимались любовью. Помнил ту пору, когда они повзрослели и зачали ребенка — их общего

сына, после чего Лайф эгоистически бросил ее, когда ему понадобилось уехать, чтобы воплотить свои мечты. И вся та любовь, и все минувшее обрушилось теперь на него. Лайф оказался совершенно не готов к этому, особенно сейчас, при этой удивительной Айкайе и Реджи, его потрясающем сыне. Как будто все было заранее подстроено и сошлось одно к одному. В горле у него стоял ком. Что тут скажешь, а? Наверное, у любви свои расчеты и методы. Ясно только одно: он вернулся.

Глава 8

РАЙ

У Присциллы в соседнем поселке Смолл-Рок был друг, служивший в полиции. Вообще-то никакой он был не друг, скорее, объект ее неоднократных домогательств. Его жена уже грозилась в следующий раз обязательно прибить Присциллу, но это к делу не относится. На северной оконечности Черной Раковины было трое полицейских, а всего на острове — семь. Офицер полиции Портос Джон входил в их число, и это чего-то да стоило. После полудня Портос обычно резался в домино за полицейским участком в Смолл-Роке; все знали, что тревожить его в это время нельзя. Свой скудный заработок Портос Джон пополнял не только с помощью азартных игр, не брезговал он

и рэкетом. Совал свой нос везде и всюду, но это к делу не относится.

Прежде чем явиться к Портосу, Присцилла успела снять розовые бигуди, причесаться, красиво уложив один локон на лбу, прыснуть одеколоном «Джин Нэйт» и намазать губы вазелином. Наступал вечер, и игра практически завершилась. Портос остался при своих, ничего не выиграв и не проиграв, и настроение у него было соответствующее. Все бы ничего, если б Присцилле так не тянуло к нему. Настоящий гигант! Когда-то Портос был военным курсантом на большом острове и обладал звучным баритоном, заводившим ее с полоборота. Он взял ее военной формой и голосом. В течение многих лет они изредка спали друг с другом. Дэвид — другое дело. Дэвид молод, неженат, он местный рыбак, не более того. Но Портос? Нет. Портос — ее мужчина! Присцилла какое-то время не видела своего любовника после недоразумения с его супругицей. Он был из тех немногих людей, кто заставлял ее злобную натуру смягчаться, а лицо — лихорадочно полыхать. Портос не принадлежал к разряду местных дамских угодников; это был настоящий мужлан, служитель закона, бесчестный,

как все они, к тому же муж другой женщины и отец троих детей. Связываться с этим типом, даже по местным меркам, было неприлично, поэтому он манил Присциллу как кусочек сыра с перечным желе на свежем крекере.

— Не, не, не, — произнес Портос, когда Присцилла появилась в поле его зрения, вся надушенная и разряженная.

Остальные трое игроков, сидевших за столом, ухмыльнулись. Один прищелкнул языком, предвкушая, что она сейчас выкинет. Другой начал издавать непристойные звуки. Каждый из этих местных был не прочь закадрить и хорошенько вздрючить эту бабенку, и они давали ей понять это.

— Так, ребята, пора закругляться, — сказал Портос.

Присцилла смерила троицу презрительным взглядом, демонстрируя готовность без колебаний обложить трехэтажной бранью каждого из этих бездельников и выдать самые позорные их тайны, если они сейчас же не уберутся ко всем чертям, потому что она явилась по важному делу.

Один за другим, мужчины поднялись из-за стола. Каждый сделал вид, будто у него свои

заботы; все трое были в равной мере обижены и заинтригованы. Присцилла напоминала дикую мангусту во время течки. По крайней мере, они позаботятся, чтобы жена Портоса не осталась в неведении.

— Садись. — Портос придвинул к посетительнице белый пластиковый стул. — Давненько не виделись. Что за нелегкая тебя принесла?

Присцилла злобно покосилась на мужчину, и Портос прикусил язык, зная, что она легко может добраться до него. Присцилла, как и обещала, вот уже два года держалась на расстоянии. С глаз долой — из сердца вон. Но расстояния на острове были небольшими. Портос опасался, что у этой бабы имеется в запасе кое-какое средство против него.

Присцилла притянула к себе стул.

— Хочу поделиться важной новостью, вот и пришла.

Портос достал зажигалку и закурил сигарету, обшаривая взглядом бюст гостьи.

— Ну, говори.

Женщина рассказала про рыболовные соревнования и свистопляску из-за исчезнувшей русалки, которую прошляпила пара безмозглых белорожих америкашек. Эти тупицы вопили,

что ее у них похитили с причала, а потом смылись — что за дурость! Ей-то, Присцилле, было до фонаря. Пока она не увидела косоглазую бабенку, поселившуюся у одного рыбака, Дэвида Батиста. Эта сикалка ползала по полу, будто ходить не умела, а теперь разгуливает за поселком в темных очках и спортивном костюме Батиста. Походка у нее какая-то разболтанная, словно она ступает на цыпочках и пытается дотянуться до чего-то в вышине. Она какая-то ненормальная, не из наших краев и даже не с Ямайки. А сыновья Присциллы были на том катере с америкашками и своими глазами видели русалку, но оба до сих пор помалкивали об этом. А потом увидели, что она как ни в чем ни бывало шляется по поселку.

Портос кашлянул:

— Не обкурились ли вы все, часом, в тот день?

— Нет.

Он пристально посмотрел на Присциллу. Эта подруга совет — недорого возьмет, но на сей раз и онахватила лишку.

— Батист даже хочет жениться на этой проклятой русалке.

— Чего?!

— Ну да! Сказал, что собирается взять ее в жены, и даже спер ее хвост. Наверное, уже успел загнать. Она же стоит миллионы. Парень и умыкнул-то ее потому, что хотел поживиться. Болтает, будто женится на ней, а сам возьмет да и продаст. Вот увидишь.

— Присцилла, что за вздор ты несешь.

— У нас тут давно творится несусветная хрень. Сам знаешь.

— Ты называешь ее русалкой, но ясно ведь, что она уже не русалка. Видно, превратилась обратно в женщину. Рыбья часть отвалилась.

— Ха, а вот и нет! Ты бы видел ее руки. — Присцилла растопырила пальцы. — Ни дать ни взять ласты.

Портос вскинул брови.

— А глаза у нее просто жуть, приятель, — не унималась женщина. — И вид какой-то несовременный, похоже, она долго пробыла русалкой, или в прежние времена была женщиной из племени гуарауно²⁷.

— Чего?

— Точно говорю.

²⁷ Гуарауно — индейское племя в Венесуэле, потомки древнейшего местного населения.

— И что? Оставь ее в покое; без хвоста она ничего не стоит. Баба как баба.

— Не-ет! Она же рыба! Или была рыбой. Кажется, эта сука мисс Рэйн даже учит ее говорить.

— А от меня-то ты чего добиваешься? Законов она не нарушает. И может делать все, что заблагорассудится.

Присцилла метнула на него нетерпеливый взгляд.

— До тебя и впрямь не доходит?

— Не доходит что?

— Арестуй ее! И Батиста в придачу — за присвоение или кражу.

— Да ну?

— Он украл русалку. Тот катер, «Неустрасимый», наверняка был зарегистрирован в Инглиштаунском порту. Все американские лодки обязаны вставать на учет в здешних водах. Там все указано: имя, адрес, телефон. Связаться с ними проще простого: один звонок — и дело в шляпе. Сообщишь, что мы нашли русалку.

— А дальше что?

— Упечешь ее в тюрьму здесь, в Смолл-Роке. Скажешь им, что выпустишь ее под залог в полмиллиона зеленых. Якобы она нелегалка, ну,

типа незаконная эмигрантка. Боже, да придумаешь что-нибудь! Батист по ней с ума сходит. Я не собираюсь жить рядом с такой соседкой и притворяться, будто не знаю, кто она на самом деле, ясно?

Портос внимательно посмотрел на Присциллу, и до него наконец начало доходить, зачем она пришла. Умница! Коварная баба. Настоящая злодейка, вот почему ее к нему тянет. Он коп, Присцилла преступница — они как нитка с иголкой.

Присцилла глянула на Портоса — и кровь взыграла у нее в жилах. Он был отцом ее младшего сына, Колченожки, родившегося с изувеченной ногой и унаследовавшего темные, пронизательные отцовские глаза. Присцилла так и не сказала об этом Портосу — зачем ему знать? Он никогда не стал бы Колченожке настоящим отцом, у него своих трое, а может, и больше. Портос — отец ее ребенка, друг, любовник, не более того. Его супружница — *дугла*²⁸ с большого острова, безответная домохозяйка. А с ней, с Присциллой, Портос стал спать

²⁸ Дугла (*тринидадск.*) — ребенок от негро-индейского брака.

давным-давно, задолго до того, как она свела знакомство с его женой.

— Я покажу тебе, где русалка. Идет? Посадишь ее под замок. Потом позвонишь янки во Флориду. А отступные поделим пополам.

Когда Дэвид увез Айкайю домой, а Реджи отправился к себе наверх, Аркадия вышла на крыльцо, чтобы полюбоваться скалистыми обрывами и домами Черной Раковины. Это было все, что она успела повидать к сорока годам, не считая монастыря на Барбадосе. У нее не было причин уезжать отсюда, да и куда бы она поехала? Се-Се и ее семья были Аркадии роднее и ближе собственных братьев, которые никогда не звонили и очень редко показывались на глаза: обычно они являлись с большого острова, чтобы продать очередной участок земли, когда им требовались деньги. Она принадлежала этому старому дому, этому острову. Настанет день, и сын Аркадии уедет, чтобы общаться с другими глухими. Это дело решенное. Реджи уйдет в большой мир. Но для нее, Аркадии, остров Черной Раковины был и прошлым,

и настоящим, и будущим. Она до самой смерти проживет в комнате, полной книг, в доме на холме близ леса, где живут безобидные обезьяны-ревуны.

Подошел Лайф, чтобы вместе с Аркадией полюбоваться холмами и бухтой. Он прикоснулся двумя пальцами к ее спине между лопатками, погладил, она вздрогнула и тут же успокоилась. Мужчина опустился на диван, обращенный к морю, и похлопал рукой по подушке рядом с собой. Аркадия выразительно покосилась на него: мол, размышлялся. Он посмотрел на нее с тем особенным выражением лица, которое появилось у него в самом юном возрасте и словно говорило: я и обманщик, и любовник, и мудрец, и хороший парень, и дурак. Аркадия села рядом и через некоторое время положила голову ему на плечо. Подул бриз, шелестя бамбуковой «музыкой ветра». Одна из собак, помесь спаниеля, подошла, уселась перед хозяйкой и ее гостем и уставилась на них, мягко постукивая по полу хвостом. Диван был довольно большой, поэтому Аркадия прилегла, положив голову Лайфу на колени. Он гладил ее короткие вьющиеся белокурые волосы, по которым столько раз проводил рукой с тех пор, как обрезал их;

дотрагивался до ее ушей, носа, касался веснушек. Собака заворчала. Лайф отпихнул ее ногой, и она повалилась на пол.

После этого они легли в некогда принадлежавшую какой-то тетушке огромную латунную кровать, в которой Аркадия появилась на свет, а потом родила их сына. Лайф целовал плавные изгибы ее живота, воронку пупка. Он чувствовал, что сдается на милость своей желанной, своей половинки, своего единственного настоящего друга на всем белом свете. Какими родными были ее пальцы, и локти, и ребра; родным казалось ее лицо, и глаза, и взгляд, и манера выражаться, и все остальное. Как он томился, как искал чего-то везде и всюду, только не здесь. Не понадобилось много времени, чтобы нащупать ее струю, ее жар, ее безотказную восприимчивость.

— Иди, ну иди же ко мне, — нетерпеливо позвала Аркадия.

Лайф нежно поцеловал ее в губы, и, сплетясь телами, они возвратили друг другу былые нежность и страсть, приправленные горечью безвозвратно минувших лет.

— Я постарела, — шепнула Аркадия, вспомнив о серебристых извивах растяжек на бедрах.

Ступни ее с возрастом растоптались, кожа утратила атласную гладкость. Солнце усеяло грудь и руки веснушками. Десятилетие одиночества не прошло бесследно, но ныне этот мужчина снова был здесь со всеми своими дарами.

Снова хлынул ливень. Комната почти погрузилась во мрак, разве что желтый ночник светил у постели. Под серым шатром москитной сетки женщина раздвинула бедра, и мужчина припал губами к ее лону. Аркадия протянула руку и дотронулась до его головы. Она приподняла таз и смотрела на вентилятор на потолке, стараясь подготовить себя к близости и в то же время к очередной потере, ибо человеку вроде Лайфа тесно в Сент-Констансе. Он ни разу не оставался с ней. Она сама делала шаги навстречу, чтобы стать ближе. Аркадии вспомнился тот давний день, когда она впервые увидела Лайфа: тощий мальчишка сбегал вниз по холму, оглядывался на нее и, ухмыляясь, произносил одними губами: «Поймай меня».

Однажды утром Айкайя проснулась в луже крови. Кровь была темная, насыщенного крас-

ного цвета, и вытекала из влагалища. У нее опять начались месячные.

— Смотри! — вскрикнула девушка и показала Дэвиду испачканные красным пальцы. Потом понюхала кровь и размазала ее по лицу.

Дэвид от удивления и радости рассмеялся. Преображение завершилось. Это стоило отпраздновать. Айкайя тоже рассмеялась и спела веселую песню, после чего обмазала своей кровью грудь Дэвида. Кровь отдавала железом, и он сразу же узнал этот запах, издавна знакомый ему — любовнику многих женщин. Дэвид просиял.

— Теперь ты настоящая женщина, — сказал он.

Она кивнула и встала, вся в крови, и начала танцевать для него, заливаясь слезами счастья, печали и изумления. Выходит, она сможет иметь детей, осенило Дэвида. Надо ли теперь принимать меры предосторожности? Что, если Айкайя забеременеет, она ведь молода и способна к деторождению; вдруг они вскоре зачнут ребенка? Дэвид едва удержался, чтобы сразу же не наброситься на нее. Неужто они приведут в мир нового человека? Он хотел этого больше всего на свете. Такова Божья воля: ему,

простому рыбаку, будет суждено иметь ребенка от русалки, вышедшей из вод, что окружают его родину, остров Черной Раковины.

Дневник Дэвида Батиста, январь 2016-го

Хорошо помню тот день, когда Айкайя велела дождю прекратиться, и он прекратился. Тогда же услышал я смех женщин, доносившийся откуда-то из туч, он напугал меня, как и всех остальных. Я отвез Айкайю домой и крепко задумался о происходящем. Она пробыла у меня целых четыре месяца. Научилась кое-как ходить и говорить, но обычной женщиной так и не стала. Она осталась такой, какая есть. Примерно в то же время у нее снова пришли месячные. Я решил, что если так пойдет, скоро она забеременеет, и что тогда? Я мог стать отцом, эта мысль в равной мере радовала и пугала меня. Вопрос женитьбы отступил на второй план. Каждую ночь мы часами занимались любовью в моей постели на первом этаже, где я по-прежнему спал. Это трудно объяснить, но Айкайя

подходила мне и телом, и душой. Я говорил ей, что буду защищать ее, всегда заботиться о ней, что мы переедем в другую часть Черной Раковины или даже на другой остров, подальше от Присциллы с ее злобными кознями.

Следующее утро стало началом конца.

Айкайя разбудила меня громкими воплями. Она сбросила одеяло с кровати. На сей раз крови не было. Праздновать было нечего.

Это было похоже на аллергию. Ноги Айкайи покрылись тонкой блестящей чешуей. Моей первой мыслью было облить их морской водой, чтобы чешуя сошла. Я было решил, что это обычная сыпь: мол, Айкайю расстроил смех из туч, вот она и выдала такую реакцию, но в ее взгляде я прочел ужасную правду.

«Они пришли за мной», — проговорила Айкайя.

«Чушь, их давно нет на свете», — возразил я.

Но бедняжка опасалась, что проклятье не утратило силы и она снова превратится в русалку. Айкайя спрыгнула с кровати, наспех оделась и, прежде чем я сумел ей помешать, выскочила за дверь и припустила к холмам, поросшим тропическим лесом.

«Нет! — заорал я ей вслед, в одних трусах бросился во двор и помчался по дороге, крича: — Не уходи! Куда же ты?!»

Я тщетно зывал к Айкайе: она исчезла за поворотом.

Я решил, что она вернется, как возвращалась раньше. Надо было догнать ее, но я позволил своей любимой убежать. Решил, что ей хочется побыть одной. Что она испугалась. Я тоже был напуган. Включив плитку, чтобы приготовить кофе, я углубился в размышления. Ноги Айкайи переливались мерцающим блеском. Вне всякого сомнения, это была чешуя. Справимся ли мы с этим? Справлюсь ли я? Я попытался предугадать худшее развитие событий, но еще больше разволновался. Усевшись на крыльце, я стал оглядывать море, где впервые встретил мою русалку, где ее выловили американцы, оглушили и полумертвую привезли на берег.

Однако она не вернулась в то утро. К полудню я забеспокоился. Взял мачете, надел старые сапоги и двинулся к джунглям на холмах. Я знал, что Айкайя однажды ходила туда вместе с Реджи и они добрались до большой старой смоковницы — Папа-Буа. У меня появилось

предчувствие, что она бросилась именно к этому дереву, поэтому я направился в тропический лес, росший здесь еще до того, как первые люди на каноэ прибыли сюда с Ориноко.

Теперь я плаваю в морях совсем одна.
Мне Реджи показал Папа-Буа.
С деревьями умею говорить.
Подумала я: дерево меня спасет.
С ветвей его свисали длинные лианы.
Проклятье будет длиться вечно.
Проклясть кого-то — значит, сделать зло.
Ты никого и никогда не проклинай.
Подумай обо мне, когда найдешь это письмо
и прочитаешь историю мою —
Айкайи, русалки с острова,
что очертаньями похож на ящерицу.
Я из-за ревности людской обречена остаться
русалкой одинокой, не знавшей нежности,
и не успела женщиной побыть,
как вновь меня изгнали.
Вернулась кровь,
за нею чешуя.

Я снова обернулась женщиной,
а вслед за тем повторно рыбой стала.
Товарка Гуанайоа
по-прежнему со мной.
В тот день я попыталась себя убить.
Я буду жить и плавать до тех пор,
пока не высохнут все океаны.
Русалка я отныне и навеки.
Останусь до конца времен здесь я,
Сладкоголосая — Айкайя.
Я чувство нежное познала, на суше побывав,
судьбой заброшена
на остров Черной Раковины.
Я русалка, что некогда жила там.
Русалка с Черной Раковины.

Когда в конце августа 1976 года офицер полиции Портос Джон вместе с Присциллой явился к дому Дэвида Батиста, на их стук никто не отозвался. Они обогнули дом, прошли на задний двор, поднялись на крыльцо и заглянули внутрь.

— Никого нет, — сказал Портос.

Присцилла цокнула языком.

— Знаешь, где они могут быть? — взглянул он на нее.

— Ага.

— Где?

— Только в одном месте. Наверху, у мисс Рэйн. Косоглазка мотается туда каждый божий день. Они как пить дать там. На днях на Черную Раковину вернулся любовник мисс Рэйн.

— Кто такой?

— Да тот, длиннолицый. Какой-то мазила. Он уехал отсюда много лет назад. Обманул и бросил эту белую дуру. Говорят, ее глухой сыночек от него.

Присцилле было любопытно, что скажет на это Портос, но реакции не последовало.

— Лайф? Ты имеешь в виду Лайфа, этого придурка, из местных?

— Ну да. Именно его. Длиннолицый такой мужик с большими фантазиями. Он давно умо-
тал отсюда.

— Откуда ты знаешь, что Лайф вернулся?

— Мы же на Черной Раковине. Этот тип появился на днях. Такого трудно не заметить. Пропустил пару стаканчиков у Се-Се, сказал, что приехал всего на несколько дней. Сдается мне, он обязательно заглянет к мисс Рэйн.

— Я знаю Лайфа.
— Да ну? Не ты один, его все знают.
— Думаешь, они там, у нее?
— Надо проверить.
— Я никогда не бывал у нее дома.
— Я тоже. Эта стерва живет там, у себя на горе, будто царица. И смотрит на всех свысока.

— Я слышал, мисс Рэйн не такая уж мерзкая. Присцилла, расшвырив, метнула на приятеля злобный взгляд.

— Успокойтесь, девушка, — поддразнил ее Портос.

— Успокоиться?!

Ярость Присциллы едва ли не обжигала. Именно это больше всего и нравилось Портосу: ее страстная натура. Характер у этой бабы был противнее похмелья в жаркий день, кислее недозрелого яблока Цитеры²⁹, злобой она превосходила любого негодяя из тех, кого довелось знать Портосу, но сильнее всего Присцилла ненавидела белых.

²⁹ Яблоко Цитеры (амбарелла) — кисло-сладкий тропический фрукт.

— Пошли, — сказал полицейский, — нанесем мисс Царице визит.

И Портос выразительно посмотрел на Присциллу, как бы говоря: «А потом я нанесу визит тебе».

Лицо Присциллы расплылось в широчайшей улыбке. Они запрыгнули в маленький коричневый «датсун санни», находившийся в неофициальном долгосрочном пользовании у полицейского участка. Это был единственный полицейский автомобиль на острове. Сверху на лобовом стекле была наклеена зеленая полоса с надписью: «Natty Dread»³⁰.

Когда Айкайя добралась до исполинского фигового дерева с высокими, как стены, корнями, она уселась под ним и погрузилась в воспоминания. Перед ее мысленным взором проходили отец, великий вождь; мать, его третья жена; деревня, где она провела всю свою недолгую жизнь; огромный квадратный дом, в котором

³⁰ «Natty Dread» — название песни и альбома (1974) группы «Боб Марли энд Вэйлерс».

жила ее семья; *земи*³¹ богов; двор для игры в мяч; большие пиры; сестры и их мужья; другие женщины из их деревни и их мужчины. Минули столетия, но их лица сохранились в памяти Айкайи. Ее соплеменники не были первыми обитателями архипелага, они являлись далекими потомками первых переселенцев, которые прибыли сюда на каноэ из Центральной Америки. Они приспособились к островной жизни, хотя кровавые боины происходили тут и до пришествия испанского Адмирала с его пушками и жадой золота. Люди заселяли эти острова не единожды. Народ Айкайи умел жить в мире с окружавшими его великими государствами.

И все-таки Айкайя была наказана. Причиной, по которой на нее наложили проклятье, стало нежное чувство, магия страсти, желание, которое она познала ныне с Дэвидом. И в древности люди бывали злыми. Ревнивыми. Женщины замуровали ее, сбросили в море и обрекли на вечное девичество. На океанские скитания. Ее лишили возможности быть с мужчиной. В ее груди не осталось места для любви.

³¹ Земи (семи) — ритуальные фигурки божеств или духов мертвых, которым поклонялись индейцы таино.

Айкайя знала, что скоро вернется в океан, к своему неизбывному одиночеству. Она чувствовала, что атомы ее плоти уже запустили обратный ход и превращение в русалку началось. Море никогда не оставит ее. Все эти месяцы, проведенные на суше, Айкайю тянуло назад. Проклятье оказалось более чем действенным. Те женщины не установили срок. Ссылка будет вечной; таково было их намерение. Изыди, пока сама планета не обратится в прах, как другие небесные тела, или пока не испарится океан. Дэвид говорил, что по миру ходит много историй о русалках, но ныне их считают сказками. Никто не верит, что эти истории случались на самом деле. Однако людям на земле отмерена недолгая жизнь. Семьдесят лет, может, чуть больше. Поэтому у человечества короткая память. Смерть настигает людей, невзирая ни на что. Земная жизнь всегда была мимолетной. Любой мужчина или женщина способны проклясть кого-то, но с их смертью проклятье умирает тоже. И только ее проклятью нет конца.

Ночью бедра Айкайи обросли сверкающей чешуей, потому что она услышала женский смех. Рыбье обличье возвращалось к ней. Сначала кровь, потом чешуя. Неплохая шутка. Те

женщины были коварны. Скоро ноги Айкайи окажутся опять замурованы, женская кожа исчезнет. Долго ли остается ждать? День? Неделю? Как побороть свою судьбу? С исполинской смоковницы свисали толстые лианы. Дотянуться до них было нетрудно. Айкайя подтянула к себе гибкий стебель, болтавшийся в воздухе. Вот наилучший выход, но эта лоза свисает слишком низко. Надо найти лиану повыше.

Когда Портос с Присциллой подъехали к огромному дому на вершине холма, мужчина сказал:

— Останься пока тут, ладно?

Присцилла цокнула языком и кинула на приятеля взгляд, который едва не сразил его намертво.

— Ладно, — ответила женщина, оглядываясь вокруг.

Очертания дома подрагивали в мареве полуденного зноя. С крыльца на газон низвергался пурпурный водопад бугенвиллей. Заплесневелая краска на стенах дома потрескалась и облупилась. По лужайке важно шествовал белый

павлин, и офицер полиции Портос Джон мысленно приготовился к незапятнанной белизне этого старинного уголка острова. Дом давно пришел в упадок, но не утратил былого величия. Портос слышал от Се-Се и ее братьев, да и от всех остальных, что мисс Рэйн неплохая баба. Он много раз разъезжался с ее джипом на дороге, рядом с ней всегда сидел глухой сын. Другие полицейские тоже время от времени общались с ней. Портос знал, что у мисс Рэйн в доме имеется оружие, но она ни разу непустила его в ход. Никто не смел вторгаться в ее жилище, учитывая, что этой особе принадлежали почти все строения, земли, источники пропитания на много миль вокруг. Но плевать, что она такая... добренькая. Эта белая стерва богата и влиятельна, совсем как ее предки. Времена рабства прошли, а неприступное жилище Рэйнов по-прежнему высится на холме, и людям вроде Портоса сюда нет ходу, хотя этот дом был выстроен бывшими рабами. Чернокожие прислуживали тут, но никогда ни один несчастный негр не ночевал под этой крышей, во всяком случае, по официальному приглашению. У дома было имя — «Темперанс», но его называли так по ошибке, белый старик заблуждался.

Портос посигналил, но не стал дожидаться позволения заехать во двор. Он открыл ворота, и домашние собаки окружили его, словно радостное стадо баранов. Полицейский отшвырнул их и, поправив фуражку, решительно зашагал к дому, где жили белые люди. Поднявшись на крыльцо, он обнаружил, что внутри тихо. Джип мисс Рэйн был припаркован неподалеку, но дома как будто никого не было, а может, все спали. Портос громко постучал в оконное стекло и стал всматриваться внутрь. Гостиная дома Рэйнов оказалась больше, чем все его жилище, и тут было полно книг.

— Здравствуйте...

Портос обернулся и увидел перед собой мисс Рэйн, босую, в домашнем платье и фартуке.

Аркадия смерила его взглядом. Впервые в жизни к ней домой явился полицейский. Этот нахал вошел без позволения. Сначала приперся тупоголовый янки, потом в дом посреди ночи забрался Лайф, теперь — полиция.

Портос разглядывал хозяйку дома. Невысокая, прямо коротышка. Неважно.

— Я тут по одному... деликатному делу.

— Ого!

Стоявший перед ней мужчина был настоящий гигант, но что с того? Мисс Рэйн покосилась на его автомобиль и заметила, что в нем сидит еще один человек, но не смогла разглядеть, кто именно.

— Надеюсь, вы не по поводу этой растреклятой русалки, а? — Мисс Рэйн как можно суровее покосилась на полицейского.

Внезапный озноб побежал по телу Портоса; подобное он чувствовал всякий раз, когда догадывался, что его обманывают. Опытный игрок, он понимал, что женщина блефует.

— Итак, мисс Рэйн...

— Ради бога, просто Аркадия!

— Катер под названием «Неустрашимый» прибыл сюда, на остров Черной Раковины, в апреле, если быть точным — двадцать второго числа, на ежегодные рыбацкие соревнования. Судно принадлежит американскому банкиру Томасу Клэйсону.

— Никогда не слышала о таком.

— Разве?

— Да.

— Двое белых мужчин. Они наняли в экипаж местных жителей. Вы их знаете.

— Что дальше?

Портос Джон оценивающе поглядел на свою собеседницу. Говорили, что детство она провела на Барбадосе. Родители ее крепко выпивали. Они тоже были конопатыми, что не редкость среди белокожих обитателей Карибов. Оба давно умерли от рака, поразившего кожу лица.

Аркадия понимала, что взятка не сработает. В этих краях полицейского мог подкупить кто угодно, только не она.

— Этим людям попался весьма необычный улов. Он вызвал переполох на берегу.

— Да, я слышала.

— У меня имеются свидетели.

Аркадия пристально посмотрела на Портоса. Кто у него в машине?

— Двое юношей, которые были на катере, говорят, что видели ее.

— Знаменитую русалку Черной Раковины? Неужели? Что ж, прекрасно! Но ведь это случилось давно, еще в апреле. Может, они и выловили эту дурацкую русалку, но она же вернулась в море, или ее кто-то похитил. Может, ее съели, а может, отпустили, бог знает. Лично мне наплевать!

— Мои свидетели утверждают, что видели женщину-русалку своими глазами. Вчера. Она цела, невредима и живет на Черной Раковине.

Огромный комок застрял у Аркадии в горле. Она увидела Присциллу, пулей летевшую через лужайку к крыльцу. Эта негодяйка взбежала по ступенькам и встала рядом с полисменом.

— Дэвид Батист укрывает у себя русалку, которую он уволок! — выпалила Присцилла и в праведном негодовании уставилась на мисс Рэйн. — Она и сейчас на острове. Мои сыновья были тогда с американцами на лодке, а на днях видели, как эта тварь гуляет по поселку. У всех на виду. Батист украл у янки их собственность. А теперь он пропал, и она тоже исчезла. Куда он ее дел? А?

— Убирайся вон с моей земли, — холодно проговорила мисс Рэйн.

Присцилла расхохоталась и скорчила гримасу, прикидываясь, будто она королева из чужой страны.

— С твоей земли, да?

Аркадию словно ужалило. Она уставилась на незваных гостей. Потому-то она и живет особняком — чтобы уберечь себя от этой

ненависти, от наследия трагического прошлого. Рэйны никогда не владели невольниками, но, как ни крути, немало поживились на проклятом рабстве. Они не остались в стороне, и дом, хоть и порядком обветшавший, красноречиво свидетельствовал об этом.

— Эта земля — твоя? А? Деревья? Гребанные попугаи в лесу? Лягушки? Они принадлежат тебе? А?

— Проваливай, — прошептала Аркадия.

— И не подумаю.

— Что?!

— Пошла ты!

Портос Джон расправил спину, и они оба исподлобья уставились на миниатюрную белую женщину, чья семья испокон веков владела тут всем вокруг.

— Сама проваливай! И ты, и твоя долбаная семейка, — все больше распалялась Присцилла. — Почему бы вам не свалить отсюда в свою чертову Англию? Убирайтесь из нашей страны, чтобы духу вашего не осталось!

Мисс Рэйн отчаянно покраснела и ощутила жгучий стыд.

Писцилла негодовала:

— Не надо рассказывать, куда нам идти и что делать с русалкой. За ее голову назначена награда. Говори немедленно, где ее искать! Ты, со всеми своими деньгами и землями, считаешь себя вправе мешать нам тоже разбогатеть?

— Я ничего не знаю про русалку! — отрезала мисс Рэйн, намереваясь достать револьвер.

Вперед выступил Портос.

— Послушайте, если русалку действительно поймали, — сказал он, озираясь кругом, — и она все еще находится где-то поблизости, самое меньшее, что я обязан предпринять, — это разыскать ее. Добыча по праву принадлежит американцам. Тот, кто ее увез, совершил кражу. А тот, кто ее укрывает, виновен в соучастии и пособничестве. Если понадобится, я выдам ордер на обыск в ваших владениях, — сообщил Портос, пытливо глядя на мисс Рэйн. — И ордер на арест любого, кто будет уличен в укрывательстве нелегальных иммигрантов или чужой собственности.

— Она уже не русалка, — тихо промолвила мисс Рэйн.

Портос Джон уставился на нее.

— Она снова превратилась в женщину, какой была когда-то.

— Где она?! — рявкнула Присцилла.

— Не знаю.

— Ты ее прячешь?

— Нет.

— Ты учишь ее говорить?

— Да.

— Здесь?

Мисс Рэйн кивнула.

Присцилла многозначительно кивнула Портосу.

— Видишь? Арестуй ее!

Но Портос будто не слышал.

— Что? — спросил он.

— Да, янки действительно выловили несчастное создание из моря. Дэвид Батист спас русалку и хотел отпустить. Потом она привязалась к этому острову. У нее нет семьи. Никого. Она не может вернуться к прежней жизни. Да, мы надеемся дать ей возможность хоть как-то оправиться, снова обрести себя. Но это нелегко. И вообще, остров Черной Раковины не самое безопасное для нее место. Мы даже надеялись, что она приживется тут. Но не всем хватает... сострадания.

— Как же ее угораздило?! — воскликнул Портос. До этой минуты он не вполне верил в историю с русалкой.

— Насколько мне удалось узнать, много веков назад на нее наложили проклятье некие женщины. Ее возненавидели за молодость и красоту. Я и сама не верила, пока не увидела ее своими глазами и не познакомилась с ней. Ее зовут Ай-кайя. Она с Кубы или откуда-то из тех краев, обитает тут уже несколько месяцев, но один бог знает, сколько еще проживет.

Портос вытер пот со лба.

— Проклятье настигло ее и здесь, — продолжала Аркадия.

У Присциллы имелось на этот счет другое мнение. У нее не было жалости ни к русалке, ни к этой белой твари, которая укрывала ее.

— Проклятье? — переспросила она. — Проклятье?

Мисс Рэйн кивнула.

— Я могу кое-что рассказать тебе о проклятиях. — Присцилла злобно прищурилась. — Я проклинаяю это жилище — гребаный плантаторский дом, построенный на вершине горы черными работягами для вас, белых господ. Я проклинаяю дерево, из которого он построен.

Проклинаю стропила, держащие крышу. Проклинаю каждую доску и каждый камень, которые ограждают и защищают тебя и твою чертову семейку, чтобы вы могли жить и властвовать здесь. От всей души я проклинаю твой очаг. Пускай эти дьявольские хоромы скорее превратятся в развалины. Я проклинаю тебя, твою семью и твой дом, мисс Царица.

Аркадию передернуло.

— Убирайся! — выдохнула она.

Присцилла ухмыльнулась и сплюнула на землю.

— Пойдем, — кивнул офицер полиции; он был напуган и смущен тем, как обернулось дело; впервые в жизни Портос Джон чувствовал себя растерянным.

Глава 9

ОПЕРАЦИЯ «НАУТИКУС»

Дневник Дэвида Батиста, январь 2016-го

Перед моими глазами так и стоит ее обнаженное тело, болтающееся на лиане, свисающей с гигантской смоковницы в лесу. Сердце замерло в моей груди, я заорал: «Нет!» и бросился к возлюбленной.

Одним взмахом мачете я перерубил лиану, и тело Айкайи свалилось наземь.

«Очнись, любимая, очнись!» — кричал я.

Обнаженная, она лежала у меня на руках ни жива ни мертва, с закрытыми глазами. Я молил Господа о помощи. Лицо Айкайи было безмятежно, как море на рассвете.

«Очнись, любимая, очнись», — твердил я вновь и вновь. Казалось, будто дерево тоже рыдало, оплакивая нас. Порой в жизни бывает, что человек спотыкается о свои же благие намерения; это был один из таких случаев. Я должен был кинуться вслед за Айкаей, мне надо было лучше присматривать за ней.

«Нет, любимая, дуду, о боже, нет!» Я прижал ее к себе и вдруг почувствовал, что сердце ее еще бьется.

Айкайя открыла глаза и тихо проговорила:

«Не надо. Дай мне умереть. Позволь мне побороть проклятье, обрушившееся на мою голову. Я больше не вернусь в море. Дай мне умереть прямо сейчас».

Что за дерьмо, ребята! Я так страдал из-за нее, из-за нас. Тысячелетнее проклятье преследовало бедняжку Айкайю. Я заметил, что чешуи стало больше.

«Нет, нет...» — все повторяла Айкайя.

Я задавался вопросом, верное ли решение я принял. Еще пара минут — и она была бы мертва. И свободна? Этого я никогда не узнаю.

Я долго, притихнув, сидел под огромным деревом с Айкаией Сладкоголосой, крепко обнимая свою любовь и мысленно ища защиты

у леса. Мне хотелось, чтобы дерево спасло нас. Я напевал Айкайе те же старинные мотивы, что и в день нашей первой встречи.

Да, люди порой ненавидят других людей. Женщины ненавидят других женщин. Но нежное чувство, поселившееся в моем сердце, было стойким, и все эти годы, что минули с того ужасного дня в лесу, оно поддерживало меня. Я размышлял о временах, когда на этих островах еще не было ни души — кругом одни деревья и нетронутая природа.

Я пел своей возлюбленной песни о мировой гармонии и ждал, пока восстановится ее дыхание и потеплеют члены.

На следующий день задолго до рассвета, когда все еще спали, офицер полиции Портос Джон прибыл к дому Дэвида в сопровождении шести мужчин, вооруженных четырьмя ручными пулеметами, и с двумя ордерами на арест. Люди были полностью экипированы в форму полицейского спецназа. Проходила операция «Наутикус», призванная задержать опасное и злобное китообразное существо, которое все

это время скрывалось на острове Черной Раковины без разрешения, без визы, без каких бы то ни было документов и представляло угрозу обществу заболеваниями и инфекциями, принесенными из моря.

После взимания значительного штрафа Портос намеревался передать эту особу выловившему ее иностранному банкиру. Затем русалку увезут с острова, и он снимет с себя всякую ответственность, избавившись от нее. Это вовсе не значит, что он продает свою соотечественницу, она ведь не с Черной Раковины. Она даже не человек. Рыбаку предъявят обвинения в краже и укрывательстве нелегального иммигранта, а мисс Рэйн — в соучастии, пособничестве и лжесвидетельстве. Очень скоро вся эта компания благодаря офицеру полиции Портосу Джону пойдет под суд.

Впрочем, всему свое время.

Первым делом надо отправить эту противную скользкую рыбину в тюрьму Смолл-Рока. Операция пройдет под покровом ночи, в пять часов утра. Портосу пришлось вызвать еще троих полицейских. Спецназовская экипировка осталась после давнишней армейской антикокаиновой операции. Пулеметы были старые, два

из них — без боезапаса. Ехали в списанных армейских фургонах с лысой резиной.

Дэвид с Айкайей покоились в объятиях друг друга, когда раздался громкий стук в дверь. Потом — голоса на крыльце, удар, шаги людей, проходивших через обе двери. Все произошло в мгновение ока. Полицейские с топотом взбежали по лестнице, четверо окружили кровать, светя фонариками в глаза своим жертвам. Лица мужчин скрывали балаклавы. Один из них отшвырнул одеяло. Дэвид и Айкайя были обнажены. Полицейские обалдели, увидев покрытые мерцающей чешуей ноги и туловище девушки; трое попятились назад. Ни дать ни взять женщина-джамби!

Все трое наставили на Айкайю пулеметы.

— Руки вверх! — выкрикнул самый храбрый.

Портос Джон поднялся по лестнице и с изумлением уставился на голую русалку. Его чуть не вывернуло.

— Вы оба арестованы, — проговорил он. И перекрестился.

За долгие годы службы в полиции Портос не видел ничего подобного. Выходит, Присцилла не заливала. Вот так игра природы, мать ее

так! Он читал о таких вещах в «Хотите верьте, хотите нет!»³², а теперь и сам стал очевидцем странного явления.

Дэвид и Айкайя выбрались из постели и оделись под пристальными взглядами полицейских. Портос отвернулся.

— В фургон их! — приказал он.

Дэвид, который был знаком с Портосом, в упор посмотрел на полицейского, словно обвиняя его в предательстве.

Айкайя начала всхлипывать.

Мужчины почувствовали себя виноватыми.

— Заткнись! — рявкнул Портос.

Пока что операция «Наутикус» проходила без сбоев. Подозреваемых с руками, скованными за спиной наручниками, затолкнули в один из фургонов. На улице все еще было темно, ни одна живая душа ничего не слыхала. Два фургона тихо катили по острову Черной Раковины. Портос сидел в кабине автомобиля с арестованными, и сердце его колотилось,

³² «Хотите верьте, хотите нет!» — популярная серия комиксов, книг, а также радио- и телешоу о необычных явлениях в различных областях знания, созданная американским художником Робертом Рипли (1890–1949).

как скумбрия, угодившая в сети. Он приложил руку к груди, пытаясь успокоиться. Портос не ожидал от себя таких чувств. Словно поймали его самого. Однако он не проронил ни слова, пока фургоны добирались по узкой разбитой дороге в Смолл-Рок. Там ему предстояло сделать несколько телефонных звонков и проверить массу бумажной работы. Загадочная женщина-рыба оказалась совсем не такая, как он ожидал: такая маленькая и такая... юная. Того же возраста, что его старшая дочка, с тем же застенчивым выражением лица.

Как и сказала мисс Рэйн, русалка приняла вид женщины, вернее, молодой девушки. Но было очевидно, что с ней что-то происходит. Похоже, она снова обретала рыбье обличье. Надо, не откладывая, звонить американцам, пусть приезжают на Черную Раковину как можно скорее. Под покровом ночи никто не увидел, как он и его люди выходили из дома рыбака, никто не знает, что эту девку и Батиста будут содержать в подвальных камерах с задней стороны здания участка. Портос постарается в сорок восемь часов услать ее с острова и сбить с рук. Он сорвет на этом деле хороший куш, после чего, наверное, уволится. Уедет на юг острова,

в Инглиштаун, купит какой-нибудь бизнес, откроет магазинчик.

Все эти годы, пока он корчил из себя копа, ему и делать-то ничего не приходилось, ведь на Черной Раковине почти нет преступности. Доход от игры в домино, крошечный оклад, заработки, которыми Портос промышлял на стороне, — все это были жалкие крохи. Ему уже сорок пять — отличный возраст, чтобы уйти на покой. Все, что для этого потребуется, — сохранять хладнокровие, пока не приедут янки и не избавят его от русалки, вознаградив за молчание приличным чеком.

Пыталась я расстаться с жизнью,
а с нею заодно с проклятием покончить.
Но Дэвид не позволил умереть
и не дал Папа-Буа спасти меня.
Потом нас сцапали.
Полиция хотела продать меня тем янки
с «Неустрашимого».
Нас с Дэвидом держали под замком.
Обличье рыбье стало возвращаться.
Таков был, если в двух словах, конец истории.

На Черной Раковине я недолго находилась.
Мы с Дэвидом сидели в камерах,
смотрели друг на друга.
То было темной ночью.
Ты в мыслях у меня, как прежде, Дэвид.
И к Черной Раковине я,
как прежде, возвращаюсь,
Туда, где родина твоя и дом.
Но больше нет любимого с гитарой,
Нет сокровенных тайн «туда-сюда»,
Нет Лайфа, нет мисс Рэйн и Реджи.
Все время, пока сидели мы в тюрьме,
до слуха доносился смех из туч.
Проклятье бесконечно,
русалка с Черной Раковины навек обречена.

Начала заниматься заря. Портос Джон некоторое время стоял молча и разглядывал пленников — маленькую женщину, превращавшуюся в русалку, и местного рыбака Дэвида Батиста. Он задницей чуял, что творит несправедное дело. Эта девушка — диковинное существо, полчеловек-полурыба; надо бы оставить ее в покое. Затем Портос напомнил себе про деньги.

Про новую жизнь. Может, он разведется с женой. Оставит ее в Смолл-Роке, а сам начнет все заново с какой-нибудь молоденькой кралей.

Присцилла ждала Портоса наверху, в его кабинете. Она была счастлива. В Майами время отстает на час. Они выждут один час и позвонят. Портос поднялся к себе и посмотрел на Присциллу. Им крупно подфартило. Коп и преступница — с такой парочкой нельзя не считаться. Тут они услышали странный, похожий на смех, звук, доносившийся откуда-то с небес. Портос записховал, у Присциллы от ужаса кожа покрылась мурашками. Скорее бы янки увезли русалку!

— Кем бы она ни была — женщиной, рыбой, русалкой, — серьезным тоном заметил Портос, — я хочу от нее избавиться, ясно? И как можно скорее, пока она не навлекла несчастье на мою голову.

Присцилла сидела в его кресле, положив одну ногу на стол. Рука ее покоилась на причинном месте. Женщина бросила на Портоса призывный взгляд, против которого он не мог устоять, — совсем как в прежние времена.

— Подойди, — позвала она.

Через мгновение они уже совокуплялись на столе; форменные брюки Портоса сползли на пол, сковав его лодыжки, словно кандалы.

Присцилла была горяча и похотлива, ее поцелуи лишали его воли. Она не любила его. И в этой ее горячности, похотливости и нелюбви заключалась неотразимая порочность.

— Ты само зло, — прошептал Портос.

Лайф развалился в постели, положив голову на живот Аркадии. Они совсем обессилели после любовных утех, которым так давно не предавались. Женщина наконец сдалась и расслабилась. Лоно ее разомлело, сердце открылось, а голова от всего этого пылала. Любые попытки воспротивиться властной нежности Лайфа были немыслимы. Слова любви свободно лились с губ, пока оба не осознали их до конца: всю жизнь Лайф и Аркадия любили и постигали друг друга на этих холмах, в этом доме и его окрестностях. Теперь оба стали зрелыми людьми, их общий сын был свидетельством их чувств.

До сих пор ни тот, ни другая не заговаривали о том, для чего Лайф вернулся на родину. Как? Куда? Требовался какой-то план, а мужчины с Черной Раковины не привыкли придерживаться плана. Мужчины с Черной Раковины пускались в странствия; их жены оставались дома. Таков был порядок, даже для женщины вроде мисс Рэйн. Аркадия не смела просить его остаться — для этого не было никаких оснований. Она — потомок плантаторов. Лайф спал с врагом. Об этом не говорилось вслух, но именно поэтому их так влекло друг к другу — и именно поэтому он от нее сбежал.

Лайф встал с кровати и обернул вокруг талии полотенце. Через жалюзи в комнату проникал свет зари. Аркадия лежала на боку и наблюдала за любовником.

— Будь ты проклят, — произнесла она.

Лайф, как раз потянувшийся за своими трусами, обернулся.

— Проклинаешь меня?

Он подошел, сел рядом с Аркадией, положил руку ей на бедро, накрытое простыней.

— Что?

— Ничего.

Лайф внимательно посмотрел на нее. На его длинном лице отражалась вся его личность — цельная и одинокая.

— Что? Скажи.

— Что сказать?

— Что-нибудь.

Аркадия рассердилась и повернулась к нему спиной.

Лайф посмотрел на нее и цокнул языком. Почесал шею и подумал, не столкнуть ли ее с кровати. Вот уже и ссора назревает, а ведь он здесь всего второй день.

Мужчина встал и натянул трусы. С собой он привез совсем немного одежды. И так уже остался тут дольше, чем планировал. Собственно, весь его план состоял в том, чтобы приехать сюда. Не оставаться. Но и не уезжать. Лайф подошел к кровати и сел. Эта женщина приводила его в жуткое замешательство.

— Ты застеснялась? — спросил он.

Аркадия не повернулась.

— Эй! — Лайф шлепнул ее по задку. — Я задал вопрос. Ты застеснялась?

Она затряслась от смеха.

— Нет!

— У меня нет чистой футболки, — заявил Лайф.

— Не мои проблемы! — отрезала Аркадия, по-прежнему лежа спиной к нему.

— Эй, госпожа хозяйка! Мои трусы тоже не мешает простирнуть. Можно я отдам их прислуге?

Аркадия повернулась и изумленно воззрилась на него.

— Я пошутил.

Женщина скрестила руки за головой и уставилась в потолок. Никогда еще она не ощущала себя в такой безнадежной западне.

— Догадываюсь, о чем ты думаешь, — сообщил Лайф.

— Неужели?

— Да.

— И о чем же?

— Останусь ли я?

Аркадия прищурилась. Лайф усмехнулся.

— Нет у меня никакой прислуги, — сказала она. — Только Джеффри, который ухаживает за садом. И Филиппа — она приходит раз в неделю мыть полы. На кухне есть стиральная машина. Можешь забросить туда свои шмотки.

— Хочешь, чтобы я остался?

— Нет.

Мужчина покачал головой.

— Мне прекрасно жилось без тебя. То есть нам прекрасно жилось без тебя. Ты волен уехать, когда тебе заблагорассудится.

Лайфу сделалось грустно от этих слов. Женщина способна жестоко обидеть мужчину. А женщины с Черной Раковины отличаются особой жестокостью.

Лайф встал и хотел изречь что-нибудь многозначительное, но ничего путного на ум не приходило. После этого дурацкого секса в голове сплошной туман. Он не ожидал, что так расчувствуется, увидев эту женщину. Вторым сюрпризом стал его сын, Реджи. Потом еще русалка всплыла. Все это свалилось на Лайфа так неожиданно, что теперь он остался с парой трусов не первой свежести и без единой чистой футболки.

— Я люблю тебя, и ты это знаешь, — проговорил мужчина, наставив палец на Аркадию, словно она была мишенью. — Но остаться здесь, в этом доме, — он нацелил большой палец в потолок, — не могу. Только не здесь. Понимаешь?

Мисс Рэйн не понимала. Когда-то все это уже обсуждалось: она не сможет уехать из родного дома, а он никогда не согласится в нем жить. Она не готова бросить поместье, дом, землю, имущество. Лайф как-то уже просил ее об этом. У него появилась идея поселиться в лесу или уехать в Порт-Изабеллу и начать жизнь с нуля. Аркадия отказалась. Вот почему он уехал. Она не единожды отказывала ему. Что он должен был ей предложить? Ничего, кроме своей энергии, которую Аркадия сильно недооценивала. В конце концов Лайф просто исчез, не оставив даже записки. В ней не было необходимости.

— Я не домашний ниггер.

Любовники в упор смотрели друг на друга. Последняя фраза просвистела как пушечное ядро. Ее позорный смысл всегда смущал Аркадию, а Лайфа приводил в ярость.

— Я никогда не приглашала тебя остаться здесь, в этом доме, со мной.

Лайф кивнул. Он знал, что в любой момент может поддеть Аркадию, но после этого ему самому стало больно. Любовь к белой женщине — это его крест.

— Только не надо мне заливать, что я, мол, волен уехать, когда угодно, — сказал он. —

Я вообще не могу остаться в этом проклятом поселке, потому что все остальные дома тоже принадлежат тебе. В этих местах, черт бы их побрал, все твое.

Аркадию покорило. Ведь когда они были детьми, это, кажется, не имело ни малейшего значения.

— Ты не можешь остаться из-за сына?

— Я останусь, потому что хочу этого. Если захочу. Потому что это моя родина, даже если здесь все твое. Я тут вырос... Это не лучшее место для человека вроде меня. Оно мне никогда не нравилось.

— С тех пор, как ты уехал, я продала много земель. Притом за бесценок. Многое мне уже не принадлежит. Люди выкупили свои дома и фермы. Я позаботилась об этом. Теперь я едва собираю арендную плату. Из-за тебя я чувствую себя злобной эксплуататоршей.

Лайф прижал ладонь к груди. Его терзала неизжитая гордость. Никакой мисс Рэйн его не сломить. Любовь к ней — его проклятье. Как часто ему хотелось, чтобы жизнь его сложилась по-другому. Однажды, мальчиком, он даже придумал вырезать свое сердце из груди перочинным ножом.

— Живи, где хочешь. — В глазах у Аркадии стояли слезы. — Не моя вина, что все так вышло. И любить тебя мне тоже незачем. Иди.

Она выбралась из постели, обнаженная, и стала озираться в поисках своего белья и обуви. Спина ее покрылась мурашками, из глаз струились слезы. Аркадия была близка к тому, чтобы поколотить его.

Лайф снова сел на кровать и, задрав голову, устремил взгляд в потолок, в небеса над ним, во вселенную.

— Хорошо, — сказал он.

Аркадия отыскала в ящике комода пару чистых хлопковых трусов, надела их, сунула ноги в сандалии на пробковой подошве, валявшиеся под креслом-качалкой, после чего, встав перед ним в одних трусах и сандалиях, сказала:

— Мы могли бы приложить усилия.

Лайф удивленно взглянул на нее.

— Приложить усилия?

— История против любви. Это война до победного конца. Мне историю не пересилить. Ты победил. Я плохая. И всегда ею буду. Но ведь мы могли бы постараться и не позволить истории взять верх над любовью.

Аркадия надела платье — то же, в котором была вчера, лиловое, очень красивое. Когда она просунула голову сквозь горловину, лицо ее приняло обычное суровое выражение: мол, платье еще налезает, но с большим трудом; мол, я пытаюсь сохранять спокойствие; мол, снова старые счета хозяина и раба? Хватит, довольно! Это большая и трудная тема, и нам придется расставить все точки над і.

— Пошли, — сказала Аркадия. — Будем завтракать.

Дневник Дэвида Батиста, январь 2016-го

Там, в холодных камерах в подвале полицейского участка в конце августа 1976 года, мы с ней сидели друг против друга, но друг на друга не смотрели. Айкайя плакала. Она на глазах превращалась в русалку, как будто шок от второго похищения ускорил преобразование. Мне было страшно за нее. Я догадался, что задумали эти люди: они вызовут сюда американцев, а те сдадут ее бог знает куда, например

в зоопарк. Портос и Присцилла затихарились. Все утро я орал, звал на помощь, но камеры недаром разместили в подвале. Окон не было, дневной свет сюда не доходил, меня никто не слышал.

В полдень к нам спустился Портос с кувшином воды, чашками, буханкой хлеба и банкой арахисового масла. Он избегал моего взгляда. Я потребовал выпустить нас, умолял его одуматься. Но этот человек уже принял решение. Он сообщил, что позвонил в Америку и скоро янки приедут за Айкайей. Я спросил, куда они ее денут, но Портос ответил, что это не нашего ума дело.

Айкайя свернулась калачиком на узкой койке и лежала, повернувшись ко мне спиной. Она ушла в себя и перестала разговаривать.

Я заклинал Портоса освободить нас, обещал ему, что выпущу Айкайю в море там, где мы впервые встретились, но он лишь глазел на нее. Мы увидели, как у нее на хребте начал прорезаться спинной плавник.

Отпусти нас, молил я, но коп смотрел на меня так, будто сам не знал, что ему делать. Вид у него был испуганный и растерянный.

«Впервые встретились? — спросил Портос, и на лице у него заиграли желваки. Его слова и мой ответ навсегда врезались мне в память. — Так между вами что-то было? Ты трахал рыбу?» Он презрительно расхохотался, это вывело меня из себя, и я выкрикнул: «А ты трахаешь эту мерзкую, бессердечную, злобную стерву?»

Несколько мгновений мы безмолвно мерили друг друга взглядами, словно лишившись дара речи. Портос поставил тарелку с хлебом и кувшин на пол у решетки моей камеры, так чтобы я мог до них дотянуться, и мы с Айкайей снова остались одни.

Айкайя лежала, свернувшись в клубочек. Ей никогда уже не суждено было стать прежней — женщиной, на которой я хотел жениться. Проклятые дурацкие мечты! Я слишком увлекся. Теперь до меня дошло, что Айкайя не создана для этого мира. Она совершенно иная. На ее голову обрушилось проклятье, обрекшее ее на вечное изгнание. Ее истинная тюрьма — море. А я-то размечтался! Когда янки приедут за ней, они найдут на острове Черной Раковины то, что ищут, то, что оставили здесь несколько месяцев назад, — редкое прекрасное создание, русалку.

Днем Лайф и мисс Рэйн узнали про арест от Се-Се, которая проведала об этом у соседки — та слышала шум и видела, что дом Дэвида опустел. Они поспешили туда на джипе и обнаружили взломанные двери, опрокинутый стул и разбитую тарелку на полу. Реджи, который приехал с ними, расплакался, когда до него дошло, что его подругу похитили. Все вместе они вернулись домой в самом мрачном настроении. Айкайю во что бы то ни стало надо спасти!

— Портос приходил ко мне вчера, — сообщила Аркадия. — Вас не было дома. Я должна была помешать им.

— Им?

— Портосу и Присцилле.

— Они приходили сюда?

— Да.

— Злобные придурки. Они друг друга стоят.

— Ты их знаешь?

— Разумеется. Портос — ленивый недоумок. К тому же игрок. Берет все, что плохо лежит, ловит рыбку в мутной воде — во всяком случае, так было до моего отъезда. А эта

паскудница Присцилла так и норовит подложить кому-нибудь свинью.

— Дэвид сказал, что ее сыновья были на катере, когда поймали Айкайю. Они ее и опознали. Айкайя начала гулять по поселку. Этого следовало ожидать.

Аркадия не забыла о проклятье Присциллы. За худыми мыслями следуют худые слова, а там и до худых дел недалеко.

Реджи знаками показал, что ему страшно.

Мисс Рэйн перевела.

— Не беспокойся, сынок, — сказал ему Лайф. — К концу дня Айкайя вернется сюда, в этот дом, целая и невредимая.

Под покровом ночи, в свете почти полной луны, Лайф и мисс Рэйн отправились на машине в Смолл-Рок, прихватив с собой «барракуду», болторез, веревку и фонарь. Окна полицейского участка не светились, дверь была заперта, на стуле у входа в подвал спал часовой. Лайф приставил холодное дуло револьвера к виску полицейского и сказал:

— Просыпайся.

Тот открыл глаза и потянулся к своему пистолету, которого уже успел лишиться. Лайф

наклонился, приложил палец к губам и произнес:

— Ни звука!

Мисс Рэйн добавила:

— Руки за спину.

Полицейский, которому ни разу в жизни не доводилось охранять что-либо важное, повиновался. Все произошло в считанные секунды. Мисс Рэйн стояла, нацелив на часового обе пушки, тем временем Лайф стянул ему руки за спиной, вставил кляп, связал лодыжки и взял ключи от подвала.

Там тоже спал на стуле офицер полиции Портос Джон. Пистолет лежал у него на коленях. Сообщники мигом накинудись на копа, отняли оружие и зажгли свет.

— Руки вверх! — крикнул Лайф, направив револьвер прямиком на яйца офицера полиции — человека, который давным-давно задолжал ему деньги и с которым у Лайфа были старые счеты. — Вставай. И не рыпайся.

Глава 10

УРАГАН

На следующее утро, к шести часам, небо порозовело. Ревуны галдели так, будто препирались с горами. Стайки бирюзовых и желтых попугайчиков выпархивали из лесной чащи и устремлялись на юг. Павлины один за другим пробрались из сада в дом. Когда мисс Рэйн, захлопав в ладоши, прогнала одного из них, тот обманным путем пролез обратно. Аркадия в халате стояла на крыльце и наблюдала за морем. Она видела, как вдали поднимались серые волны, исполненные ленивой мощи, и понимала, что это значит. Местами поверхность моря у побережья пропахивали отбойные волны³³. Аркадия зябко повела

³³ Отбойные волны — прибрежное течение во время отлива, направленное под прямым углом от берега.

плечами и ушла в дом. Дэвид сидел за кухонным столом с чашкой свежесваренного кофе, глубоко погружившись в раздумья.

— Надвигается шторм, — сообщила мисс Рэйн.

— Мне кажется, она умирает.

— Нет, Дэвид.

— Думаю, Айкайя не смирится. Не в этот раз. Ей жизнь не мила, она не хочет снова становиться русалкой. Она утопится, если мы выпустим ее в море.

Мисс Рэйн опустила на стул напротив Дэвида.

— Где она?

— Ночью, после того, как вы все ушли спать, я перенес ее в ванну. У Айкайи снова отрастает хвост. Она больше не может ходить.

— Нет!

— Похищение стало ударом для нее.

Мисс Рэйн заплакала.

— Я люблю ее, — сказал Дэвид.

— Знаю, мы с Реджи тоже. Даже Лайф потрясен.

Лайф отвез Портоса в заброшенную лачугу неподалеку и связал, как краба. Они собирались продержат его там до тех пор, пока Айкайю

не выпустят обратно в море. Лайф, как и Реджи, еще спал. Мальчик и не догадывался, что Айкайя сейчас в доме.

— Нельзя позволить американцам увезти ее, — сказал Дэвид.

— Самое большее, что я могу, — это не пускать их в свои владения, но надолго удержать их не удастся.

Дэвид сидел с остекленевшим взглядом.

— Айкайя пыталась свести счеты с жизнью.

— Нет!

— Позавчера я нашел ее повесившейся в лесу на старой смоковнице, будто она точно знала, как положить всему конец. Она не хочет возвращаться в море, к своему вечному одиночеству.

— Мне так жаль, Дэвид.

— Не надо было вытаскивать ее из петли.

— Слушай, приближается шторм. Хвост у Айкайи отрос. Сейчас самое время дать ей... исчезнуть. Янки не станут гоняться за ней в бурю. Рыбаки в поселке уже повытаскивали свои лодки. Никто не выйдет в море в такое ненастье. Но американцы вот-вот придут из Майами.

— Где Портос?

— Лайф за ним приглядит. У нас еще есть время.

— Время?

— Чтобы подумать. Немного, но на короткую передышку хватит. Надо составить план.

— План? Какой план? Как выпустить ее в море?

— Разве ты сам не собирался этого сделать?

Дэвиду пришлось признать, что сперва, несколько месяцев назад, у него действительно было такое намерение.

— Идея была правильная.

Дэвид смотрел перед собой невидящими глазами. По его щеке скатилась слеза.

— Отчего женщины так ненавидят других женщин, а?

— Дэвид, нам этого не понять.

— Оттого, что мы дурно с ними обращаемся? Выходит, в том, что женщины издеваются друг над другом, виноваты мужчины? Мы обижаем женщин. Не любим сидеть дома, не заботимся о детях. Мужчины плохие, значит, и женщины тоже плохие?

— Нет, Дэвид. Просто у некоторых людей злой характер. Никто, кроме них самих, в этом не виноват.

— Я устал от этих игр.

— Да, я тоже.

— Благодаря русалке я впервые понял, что значит быть настоящим мужчиной, быть самим собой и поступать по совести. Она научила меня добру и справедливости. С ней невозможно кривить душой. Она так невинна.

Мисс Рэйн кивнула:

— Мы, женщины, порой несправедливы к себе даже в собственных мыслях. Мы даем жизнь вам, мужчинам, однако вы отобрали у нас власть. А ведь это мы наделили вас ею. Возьми Лайфа: этот человек заставляет меня ждать, безропотно и терпеливо.

— Знаю.

— Все мои чувства к Лайфу нельзя описать обычным словом «любовь».

— Он остается?

Аркадия пожала плечами.

— Вы заслуживаете счастья.

Она засмеялась:

— Этот мужчина не сделает меня счастливой, он постоянно бесит меня. Нам с Реджи пока и без него неплохо. Сейчас у нас с Лайфом очередная серия выяснения отношений. Каждый день какой-нибудь сюрприз. Реджи нуждается в нем больше, чем я.

Дэвид догадался, что это неправда.

— Лайф будет полным балбесом, если опять смоемся.

Они обменялись взглядами, полными страдания и мучительной неизвестности.

— Айкайя разговаривает?

— За последние дни она почти ничего не сказала.

— Ест?

Он помотал головой.

— Что ж, поднимусь-ка я к ней.

Наверху, в выложенной розовой плиткой ванной комнате, в старой розовой ванне спала Айкайя. Ее маленькая грудь мерно вздымалась во сне. Девушка сидела, привалившись к стене. В помещении не было зеркал, и мисс Рэйн была этому рада. По слившимся в единое целое нижним конечностям она поняла, что Айкайя снова в западне. Увидев девственницу с упоительным голосом, мужчины теряли голову, и Дэвид с Реджи тоже. Татуировки с изображением солнц, лун, рыб и птиц, поблекшие, но еще заметные, свидетельствовали о том, как мало различий проводили люди между собой и животными. Проклятье заставило молодую женщину пересечь эту едва ощутимую границу, обрекло

на одиночество, и единственной ее подругой стала дряхлая карга, превращенная в кожистую черепаху. Старуха и прекрасная девушка сделались изгоями. Женственность — опасное качество, если не умеешь с ним управляться.

Мисс Рэйн подошла ближе и наклонилась над ванной.

— Эй... — прошептала она.

Айкайя вздрогнула и проснулась. Лицо ее было сумрачно. Из глаз девушки покатались слезы, глаза засверкали, как неистовые серебряные звезды. Она бросилась на шею мисс Рэйн, обвила ее обеими руками.

— Тсс, дуду, тише.

Айкайя зарыдала, без конца повторяя:

— Домой, домой...

Мисс Рэйн ласково обнимала девушку, но в глубине души терзалась мыслью о ее неминуемом повторном изгнании.

Через несколько минут мисс Рэйн утерла щеки Айкайи полотенцем и мягко спросила:

— Поешь чего-нибудь?

Айкайя помотала головой.

— Здесь, у нас, ты в безопасности.

— Я нигде не смогу быть в безопасности.

— Нет, у нас ты можешь быть спокойна.

Девушка покачала головой.

— Надвигается шторм, — заметила Аркадия.

Айкайя кивнула:

— Чтобы забрать меня с собой.

Она поглядела туда, где еще недавно у нее были ноги. Хвост вырастет большой-пребольшой, он увеличится по крайней мере на несколько метров — грандиозное наваждение. Когда она снова превратится в русалку, то будет очень сильной; это случится совсем скоро.

— Мне придется вернуться в море, — сказала Айкайя.

— Знаю.

— Меня отвезете вы?

— Если пожелаешь.

— Значит, Дэвид меня отвезет?

— Да.

— Когда?

— Когда понадобится. Когда захочешь.

— Я буду скучать по вам. — У Айкайи задрожали губы. — Мне надо возвращаться. Женщины, проклявшие меня, победили. Я вернусь в море и уплыву прочь.

— Мы с тобой еще увидимся.

Айкайя метнула на мисс Рэйн пронзительный взгляд и кивнула:

— Да.

И она начала петь тонким, высоким, ласковым и сильным голосом, прямо там, в ванне, в огромном доме, украшенном резным кружевом. Звук ее голоса, нежного и меланхоличного, все утро эхом разлетался по комнатам, а в это время с востока задували порывы ветра, из леса доносились нестройные завывания ревунов, стаи попугаев снимались с мест и устремлялись на юг, а океан вспучивался и вставал на дыбы.

К обеду скорость ветра достигла тридцати пяти миль в час. По радио объявили штормовое предупреждение. Прямо на остров Черной Раковины надвигался ураган, которому присвоили четвертую категорию³⁴. Обычно тропические циклоны проходили севернее, прорывая цепь островов³⁵ возле Барбадоса, либо атаковали Карибский бассейн и опустошали Ямайку или Гаити, снося все на своем пути, разрушая здания, вырывая с корнями деревья, унося

³⁴ По шкале ураганов, применяющейся в Атлантическом океане, наивысшая категория — пятая.

³⁵ Имеются в виду Малые Антильские острова. Действие романа происходит на одном из вымышленных островов Республики Тринидад и Тобаго, которая расположена на самом юге вышеозначенного архипелага.

автомобили и домашний скот, сметая школы, больницы, жилые кварталы, затопляя земли, посеvy, города, хибары и лачуги. Ураган был родом из преисподней. Он налетал именно в это время года и порой выдыхался, не достигнув суши, но не на этот раз. Ему дали имя «Розамунда», и он направлялся прямым к острову Черной Раковины.

Дневник Дэвида Батиста, февраль 2016-го

Даже не знаю, что сказать про «Розамунду» 1976 года. Она до сих пор остается одним из самых опустошительных циклонов, когда-либо обрушивавшихся на остров Черной Раковины. По меньшей мере лет пятнадцать мы не видели подобного шторма. На этот раз причиной послужила русалка. Я в этом уверен. «Розамунда» явилась за Айкайей.

На протяжении всей бури сквозь завывание ветров до меня доносился женский смех. Время от времени я все еще слышу его, словно он поселился в моей голове, и я никак не могу вытряхнуть его оттуда. Побережье Сент-Констанса

надежно защищено отрогами гор, но сами горные склоны, лес, вековые деревья, поселок — почти все это было как на ладони.

Два дня дули неистовые ветры, и ливень хлестал как из ведра; мы были безоружны перед стихией. С пути урагана остров не убрать. Некоторые жители уезжали на юг, другим оставалось лишь покрепче заколотить окна.

Внутри меня тоже бушевала буря, вызванная утратой моего сердечного друга. Айкайя прожила у меня целых пять месяцев. Дни, когда она превращалась в девушку, были поистине волшебным временем: я познавал ее, а вместе с ней и себя. Словно я забыл, что мы познакомились в море, у острых скал; забыл, какой она была, когда я спас ее с причала. За прошедшие месяцы я позабыл, что она была наполовину рыбой.

Той ночью в тюрьме, наблюдая, как Айкайя снова превращается в русалку и у нее появляется спинной плавник, а кожа обрастает чешуей, я наконец вспомнил, какой она была прежде. За худыми словами следуют худые дела; теперь я это понял.

Мы с Лайфом спустились к побережью. Валы накатывали один за другим, хлестал ливень. Будто война началась. Суденышки разметало,

якорные цепи не выдерживали. Добраться до ботика в такое ненастье — задача не из легких. Один наш знакомый из поселка помогал людям, развозил их на старом водном такси — надувной моторке. Мы сели в нее и поспешили к «Простодушному», который уже был полон воды. Потребовалась определенная сноровка, чтобы справиться с волнами и отбуксировать бот на сушу. Мы оттащили его за деревья индийского миндаля, как можно дальше от воды, держа в уме, что вскоре он может снова понадобиться нам, когда мы будем выпускать русалку в море.

Все лодки были вытащены на берег. Бухта опустела, лишь огромные темные валы перекачивались по воде. У Се-Се все еще подавали спиртное, и в ее кабачке собралась куча народу. Там около полудня, еще до начала бури, я вновь увидел знакомых американцев, угощавшихся ромом. У меня кровь застыла в жилах. Они тихо сидели за столиком, белый старик и его сын. В это время года туристов у нас не бывает: в августе идут дожди, начинается сезон ураганов.

Лайф осведомился, они ли это.

Я кивнул.

Мужчина, если он действительно любит женщину, способен на самые правильные поступки.

Именно тогда я понял, насколько сильно Лайф любит мисс Рэйн. Он уже вызволил нас с русалкой из тюрьмы; а теперь смело бросился в бой. Лайф из породы чернокожих воинов *мандинго*³⁶, которых так боятся белые. Ему было достаточно соорудить свирепую гримасу, чтобы обратить их в бегство. Лайф обладал непоколебимой уверенностью в себе. На этот раз, однако, он действовал иначе: напугать их до полусмерти было бы слишком просто.

— Разрешите к вам присоединиться? — спросил Лайф и, не дожидаясь ответа, сел за столик янки.

Младший здорово побледнел.

— Дэвид! — Лайф повернулся ко мне. — Присаживайся!

Я тоже сел, и теперь мы, можно сказать, приперли янки к стенке. За спиной у них была сплошная завеса дождя. А впереди — мы.

Жуя спичку и с неподдельным любопытством разглядывая американцев, Лайф напрямик спросил, что им понадобилось на Черной Раковине.

³⁶ Мандинго — группа западноафриканских народностей; в английском языке слово применяется также для обозначения могучего, высокого чернокожего мужчины.

Старик ответил, что это не нашего ума дело, и велел оставить их с сыном в покое.

Лайф удивленно вскинул брови.

— В покое? — переспросил он.

— Пшел, убирайся! — повторил старик.

— Пшел? — холодно проговорил Лайф.

— Идите своей дорогой. Мы приехали по личному делу.

— Что за личное дело такое? — поинтересовался Лайф.

Старик поправил на голове фуражку и уставился на Лайфа с таким видом, точно запросто вышвырнул бы отсюда негодяя, если бы не ливень.

Старики бывают вреднющие; с ними вообще лучше не связываться.

Лайф расхохотался и поковырял спичкой в зубах. А потом посмотрел на старика и его немысленно и произнес без всяких обиняков:

— Снова явились за русалкой, да?

Старый американец поморщился и вроде как чертыхнулся, но Лайф и бровью не повел.

— Дэвид, — обратился он ко мне, — расскажи-ка ему, как ты спас бедняжку. Пусть знает, что это ты освободил ее и увез с причала.

Клянусь, белые чуть не рухнули после этих слов.

Лайф расплылся в широкой ленивой улыбке:

— Давай, рассказывай!

— Так это ты? — запинаясь, пробормотал старик. — Ты украл нашу русалку?

Ребята, даже сейчас при одном воспоминании об этом кровь закипает в моих жилах. Я горделиво ответил:

— Да, это я снял ее с веревки.

— Ах ты, гребаный отморозок! — взорвался он. — Ты меня обокрал! Я прикажу арестовать тебя! Ты сгниешь за решеткой!

Я чуть не врезал старому хрычу по морде, но Лайф вовремя остановил меня.

Се-Се стояла за барной стойкой. Взглядом она велела одному из своих сыновей вытурить янки из заведения, не то она прибьет обоих. Ручаюсь, молодой чуть не обделался от страха.

Лайф поднял руку, словно предупреждая: ни шагу, руки прочь. Он затеял долгую игру. Вот как я понял, сколь сильно он любил мисс Рэйн. Лайфа ничто не связывало с Айкайей, он мог действовать хладнокровно и выиграть эту шахматную партию. Он ввязался в драку

без лишних эмоций, ради женщины, которую любил, и ради своего сына.

— Дэвид, поведай этим джентльменам свою историю, — велел он.

И я, как мог, рассказал американцам о том, как Айкайя превратилась в женщину, как она лишилась хвоста, прежде чем я успел выпустить ее обратно в море, как начала ходить и выучилась у мисс Рэйн говорить на местном наречии, как стала приходить в себя, как она умела читать по облакам, разговаривать с деревьями и вспомнила, как пекут лепешки кассава. Я объяснил, что она родом с Кубы и много столетий назад была проклята своими соплеменницами.

Однако я и словом не обмолвился о своем намерении жениться на Айкайе и о том, что она пыталась повеситься на исполинской смоковнице. Умолчал я и про дождь из рыбы.

Старик слушал мой рассказ, но, похоже, ему было не до меня. Казалось, он только и ждал, когда я договорю.

— Да плевать мне с высокой колокольни, кто там ее проклинал и откуда она родом. Мне один хрен — с Кубы она или из Венесуэлы. Да хоть из Тимбукту! Начхать, умеет ли она

ходить, говорить, играть на скрипке и танцевать танго. Уяснил?

Мы ошалело уставились на него.

— Хорош трепаться. Какая жалостная байка, ой-ей-ей! — насмешливо проговорил американец, а потом повторил: русалка принадлежит им. Они выловили ее по приобретенной прямо тут, в баре, лицензии, которая дает право на рыбалку в здешних водах и пользование уловом. Русалку сегодня же переправят в Майами.

Когда я крикнул: «Но она же человек!», старик хлопнул ладонью по столу:

— Нет, никакой она не человек. Насколько я знаю, она опять превратилась в русалку.

Иногда мужчина бывает готов на все. В ту минуту я был способен прикончить этого старикашку собственными руками. Лайф меня удержал; он продолжал вести свою игру.

Лайф заявил, что второй раз русалка им не обломится и никуда они ее не переправят и не продадут. Старик вышел из себя и начал хаять нас на все корки. Мол, он надеется, что нас унесет бурей, а его добыча по праву принадлежит ему, и он волен делать с ней все, что ему заблагорассудится.

То, что случилось затем, видели все. Явились Присцилла с Портосом. Коп рвал и метал из-за того, что оказался под замком. Его освободила Присцилла: она пришла к нему в участок и услышала вопли своего запертого любовника. Появившись в кабачке, Портос направился напрямик к участникам ссоры, достал пистолет и выпалил в воздух. Пуля пробила крышу: отверстие от нее виднеется и поныне, и если Се-Се будет в настроении, она охотно поведает вам о том знаменательном дне, когда на остров надвигался ураган «Розамунда», а мужики повздорили из-за проклятой русалки.

— Ты арестован, — сообщил Портос, обращаясь к Лайфу.

Лайф даже не шелохнулся, ему было о чем потолковать с Портосом.

— Я?

— Да. Прямо сейчас.

— За что?

— За что? Ты спятил?! — вмешалась Присцилла. — За похищение полицейского. За нападение на полицейский участок, за сообщничество и пособничество преступнику,

выкравшему русалку, за... — Она запнулась и метнула на Лайфа такой взгляд, будто хотела его придушить.

— Ай-яй-яй-яй-яй! — Лайф встал со стула и наконец высказал все, что у него накопилось: — Я вор? Что ж я украл? Русалку? Вот уж кто вор, так это он, — заявил он, указывая на Портоса. — Этот тип занял у меня кругленькую сумму, по меньшей мере пять сотен долларов. Он всем в Смолл-Роке задолжал. Вчистую обкрадывает полицию, тащит все, что плохо лежит: деньги, оружие, одежду, старую форму, а потом продает это бандитам и кому попало. Списанные машины сбывает в Порт-Изабелле, промышляет рэкетом, не брезгует ничем. Незаконное обогащение, вот как это называется. Этот субчик мать родную продаст, если кто пожелает купить. Подлый хапуга, вот кто ты! — Лайф выплюнул спичку на землю. Он огляделся, посетители кабачка испуганно примолкли. Се-Се кивнула и откашлялась.

Все смотрели на Портоса.

— Наглая клевета! — объявила Присцилла.

— Чистая правда! Этот гад обкрадывает полицию, а заодно и всю округу. А теперь собирается страсти побольше баксов с этих белорожих

сволочей за их гребаную русалку, которую те якобы поймали и хотят продать.

— Я не сволочь! — взвился старый янки. — Возьми свои слова назад.

— Заткнись! — рявкнул Портос. Он навел дуло на Лайфа и спустил курок с предохранителя. — Еще одно слово — и я снесу твою черномазую башку.

— Стойте! — крикнул Дэвид. — Не надо ни в кого стрелять! Всею виной проклятая Присцилла. Это она заварила кашу.

— Я?!

— Да, ты со своей вечной злобой. Где ни появишься — всюду раздоры. Ты на этом собаку съела. Только и делаешь, что суешься в чужие дела и строишь козни. Мерзавка с длинным носом! Колченожка — сын Портоса, не так ли?

Присцилла ошарашенно уставилась на Дэвида.

— Что? — пробормотал Портос и опустил пистолет.

— Ты что, слепой? — спросил Дэвид. — Все видят, что вы с ним на одно лицо. Он — твоя уменьшенная копия, хоть и хромоногий. Вы много лет спите друг с другом, и ты будешь

утверждать, что не заделал ей по меньшей мере одного ублюдка?

— Заткни свой поганный рот, Батист! — взвизгнула Присцилла.

— Что, Колченожка вправду от меня?

Присцилла стояла, уперев руки в бока, и пожирала Дэвида ненавидящим взглядом.

— Так что вы двое задумали? — продолжал молодой рыбак. — Содрать с этих придурков огромный выкуп под видом штрафа? А потом поделить денежки между собой? Пятьдесят на пятьдесят?

— Он мой сын? Говори, женщина! — бушевал Портос.

— Замолкни! — вскипела Присцилла.

— Почему ты не сказала?

— Чтоб ты сдох, Батист! — яростно прошипела Присцилла, задыхаясь от злости.

— Женщина, скажи мне, что это неправда!

Все, кто был в баре, словно приросли к своим местам. Присцилла озиралась вокруг, обводя взглядом людей, которых знала с рождения. Дело в том, что она планировала получить с американцев деньги и после навсегда убраться из этого захолустья, забрать сыновей и уехать

куда подальше, чтобы начать все сначала там, где ее никто не знает.

— Это правда.

Старик американец встал и заорал:

— Ради бога, арестуйте кто-нибудь этого человека, Лайфа или как там его! Все вы тут дебилы, и имена у вас дебилские!

— Прикуси язык, — ответил Портос.

То, что случилось затем, отнюдь не походило на чью-то шутку. Этот звук услышали все посетители кабачка. Дождь перестал. Ветер стих. А потом раздался тихий-тихий женский смех.

В небесах послышался треск, будто разорвался большой бумажный пакет. Что-то тяжелое с глухим стуком начало валиться на тротуар и на крышу. Все, как один, выглянули из окон. Люди вскочили со стульев, чтобы убедиться, что глаза их не обманывали.

Из туч, словно куски желе, сыпались медузы и португальские кораблики, как будто из ведра на землю выплеснули целый океан. Морские звезды, коньки, осьминоги... словом, всевозможные подводные обитатели хлынули вниз из дыры, образовавшейся в небесах.

— Это «Розамунда», — произнесла какая-то женщина, — забрасывает нас рыбой.

— Проклятый ураган, — откликнулась другая, — подхватил рыбу к востоку от острова. Он приближается.

— Святые угодники, мать их растак, — прошептал Томас Клэйсон — белый старик из Флориды, банкир, игрок в гольф и бридж, муж и отец, потерпевший неудачу во всем, за что брался.

Он не умел любить и не умел внушать любовь к себе. То было главное несчастье его жизни. Он вечно делал неправильный выбор и неизменно терпел поражение. Он не испытывал никаких чувств ни к сыну, ни к жене. Он понимал, что возвращение на остров Черной Раковины — никчемная затея. Но все эти месяцы старик грезил лишь о русалке с длинными черными волосами, облепившими тело. И снился ему тот упоительный утробный всхлип, с которым вошел в ее бок багор, пронзая плоть стальным острием. Вспоминая об этом, Клэйсон до сих пор ощущал, как наливаются и тяжелеют у него яйца. До сих пор видел ее исполненные ненависти глаза и вспоминал, как ему хотелось помочь на нее.

Каждую ночь ему снился один и тот же сон, в котором была эта стерва с рыбьим хвостом.

Она плыла по его снам во Флориду. Она околдовала его. Даже жена заметила, что в последнее время он плохо спит, а ведь она ночевала в соседней комнате. Его сын, этот сопливый любитель поэзии, тоже переменялся. Никакого сближения не получилось, наоборот, после той злосчастной апрельской рыбалки все пошло кувырком. Проклятый остров, дремучие рыбаки и все их дикое племя — сплошь греховодники, лгуны и изменщики. И ко всему еще дурацкий дождь из морских гадов. Он ни за что не уедет отсюда. Он с места не сдвинется, пока не получит то, за чем явился. У него имеются бумаги, удостоверяющие, что русалка принадлежит ему. На этот раз он не покинет остров без нее.

Глава 11

«РОЗАМУНДА»

Вернулось проклятье,
и имя ему «Розамунда».
Отчего ураган назвали именем женским?
«Розамунда» явилась,
чтоб унести меня в море.
Нежное чувство, живущее в сердце моем,
я захватила с собою.
Лелею его и сейчас,
долгие годы спустя.

В ванне мисс Рэйн
снова отрос мой хвост,
и прежней женщиной-рыбой
сделалась я.

Ты не печалься,
если услышишь про меня,
про русалку Айкайю.
Ты не печалься.
Я же прощаю тех женщин,
что наложили проклятье, —
Нет их на свете давно.

Может, и я, повзрослев, женщиной став,
проклинала бы женщин других
и замышляла недоброе.
Я не печалюсь:
теперь я не так одинока,
и вспоминаю друзей с Черной Раковины.
Меня забрал ураган.
И уносил, уносил, уносил.
Дэвид? Его я видала не раз: с тех пор
каждый год, вот уж почти сорок лет.

Дневник Дэвида Батиста, февраль 2016-го

В тот же день ветер заметно усилился. Из
плотных свинцовых туч беспрестанно хлестал
ливень. Потоки воды стекали по холму

и затопляли улицы. Волны в бухте достигали десятиметровой высоты. По радио объявили, что буря всего в двадцати четырех часах от берега. Деревья на холмах пригибало к земле, словно травинки, — такое я видел лишь однажды, во время урагана 1961 года, когда был маленьким мальчиком.

Я успел забыть, на что способен тропический ураган и что чувствуешь, когда он надвигается. Стихия обрушилась на нас, будто фурия. И да, я, разумеется, задавался вопросом: не явилась ли она только затем, чтобы забрать Айкайю. Жила-была некогда девушка, налетела страшная буря и унесла ее в море. Вот опять живет девушка, и налетает страшная буря, чтобы унести ее в море. Так говорила Айкайя. Она уверяла, что жизнь ее должна идти по предначертанному пути и не может разойтись со старинной легендой.

Мы с Лайфом вернулись в дом мисс Рэйн. Шел проливной дождь, и «дворники» безрезультатно гоняли воду по лобовому стеклу. Миром овладела паника, мне тоже было страшно. В такое ненастье никто не рисковал садиться за руль. Мы решили, что поедem в большой дом и какое-то время отсидимся там. Портос,

толковавший со своей подружкой о новообретенном сыне, а также старик-янки и его давно обретенный сын остались в кабачке, причем все они уже изрядно набрались.

Ну и натерпелся же я страху, пока мы добились назад! Реджи и мисс Рэйн были наверху с Айкайей. Превращение завершилось. Она выглядела точно так же, как несколько месяцев назад, когда я спас ее, отвез к себе и уложил в старую ванну, принесенную со двора. Хвост полностью отрос. Жуткое дело! Мы увидели перед собой большую рыбину или какое-то огромное промысловое животное и поняли, отчего тот белый старик так жаждал вернуть себе Айкайю. Ведь в памяти у этих янки осталась огромная, как дьявол, русалка — с длинным серебристо-черным хвостом той же расцветки, что у барракуды или акулы, мерцающей кожей и руками-ластами. Лицо Айкайи тоже изменилось, стало русалочьим: зубы заострились, глаза сверкали, во взгляде появилась дичинка. Она пугала меня. Подумать только! Моя единственная настоящая любовь... Ведь это она заставила меня взяться за ум.

Айкайя пела. Мисс Рэйн сидела возле нее на стуле, Реджи на полу. Вид у всех троих был

похоронный. Русалка будто выводила заунывную «Аве Мария», оплакивая свой уход из этого мира. Они с Реджи обменивались жестами.

Лайф был потрясен. Так вот кого мы прятали все это время! Он ведь тоже хорошенько взялся за ум.

«Господи помилуй!» — вырвалось у него. Мисс Рэйн кивнула. Реджи был весь в слезах. Русалка пела для самой себя, для своей одинокой души, но и для нас тоже.

Мы втроем спустились в кухню, чтобы потолковать и составить план действий. Реджи остался наверху с Айкайей. Мы все были глубоко потрясены. Мисс Рэйн заливалась слезами. Лайф открыл бутылку «Vat 19»³⁷ и налил щедрую порцию. Я тоже плеснул себе рома. Я чувствовал, что погружаюсь в тяжкую печаль, принесенную ураганскими ветрами.

Мисс Рэйн спросила, что нам делать, и Лайф ответил: надо сейчас же выпустить ее в море, не то придется ждать окончания бури. Мисс Рэйн сказала, что надо ждать, ведь мы еще по меньшей мере сутки не сможем вывезти Айкайю в лодке.

³⁷ Ром тринидадского производства.

Я напомнил им, что белые все еще тут, на острове, и сейчас ищут Айкайю. Доллары застыт им глаза. Они воображают, будто у них есть документы, дающие право владеть и распоряжаться русалкой. Я спросил: что будем делать, если янки заявятся сюда с полицией и найдут Айкайю, потому как Портос Джон их обязательно науськает. Эта сволочь с ними заодно, как только ураган стихнет, они приедут и отнимут русалку.

Я опасался за нее. Мы больше не могли держать ее у себя. Горстки друзей будет недостаточно, чтобы защитить Айкайю. Потом меня осенило: что, если мы не станем отвозить ее далеко в море? Я пояснил: сегодня же ночью русалку можно доставить на побережье. Я выведу пикап задом на причал, и мы все вместе выгрузим Айкайю из кузова на куске брезента. Прямо там спустим ее в воду. И тогда она сумеет ускользнуть.

Лайф снова наполнил свой стакан; мисс Рэйн попросила его налить и ей тоже.

В животе у меня бурлило от переживаний. Я не верил, что такое может случиться, что Айкайя вернется в океан и снова сделается русалкой.

Лайф посмотрел на меня, затем на мисс Рэйн. Мы дружно выпили.

«Дело говоришь», — произнес Лайф.

И вот в полночь, всего несколько часов спустя после прихода «Розамунды», они отправились к побережью. Реджи поехал с ними. Он ни за что не остался бы один в старом доме. Павлины в ужасе забились под кухонный стол. Собаки прятались под кроватью мисс Рэйн.

Реджи не слышал завываний ветра, но видел, как гнутся к земле деревья, трясутся ставни, как почернело небо к полудню. Мальчик упорно настаивал, что поедет со взрослыми, чтобы попрощаться со своим первым и единственным другом.

Айкайя, завернутая в брезент, лежала в кузове пикапа и пела про гибель своего народа и утрату собственной невинности здесь, на земле. Не осталось больше женских секретов, которых она не знала. Айкайя возвращалась назад — в прежнем обличье, но все же изменившаяся. Она пела про свою утрату, обернувшуюся победой, о которой она будет размышлять

оставшуюся вечность. В каком-то смысле ей удалось побороть проклятье.

Дорога, которая шла по холму, отделявшему дом мисс Рэйн от поселка, была крута и извилиста. Друзья медленно продвигались вперед, Дэвид правил прямо на ураган. Никто не говорил ни слова. Все внимали пению Айкайи, в котором слышались мотивы африканских и андских песен, старинных креольских псалмов, шаманских *икаро*³⁸ тех времен, когда люди лечились простыми знахарскими средствами и понимали языки всего сущего.

— Боже мой, — прошептала мисс Рэйн.

Лайф взял ее за руку.

— Какое чудо!

Машина остановилась на бровке склона, люди пристально всмотрелись в ночную даль и увидели гигантские валы в океане, рассыпавшиеся мириадами брызг. Стены моря.

— Вот дерьмо! — вырвалось у мисс Рэйн.

Дэвид снова медленно поехал вперед. На развилке машина свернула направо, к побережью.

³⁸ Икаро — обрядовые шаманские песнопения южноамериканских индейцев.

Волны захлестывали дорогу. На причале мерцал оранжевый огонек, указывая путь к узкому бетонному молу, штурмуемому валами. Это их единственный шанс. Сейчас или никогда.

Машина тихонько поползла к причалу.

Тем временем Томас Клэйсон и его сын напивались в гостинице на холме над кабачком Се-Се. Они сидели за столом, между ними стояла бутылка бочкового рома³⁹.

— Мы возвратились слишком поздно, — сокрушался Томас Клэйсон. — Я опоздал!

Хэнк все последние месяцы неотвязно думал о женщине, которую они выловили в море. Он посвящал сонеты той, которую никогда не чаял увидеть воочию. Волшебное существо поистине мифического масштаба, о котором можно услышать только в сказках. Но она была настоящая!

³⁹ Бочковой ром (puncheon) крепостью от 75 градусов и выше производят в Тринидаде и Тобаго и выпускают в стеклянных бутылках. Название «бочковой» происходит оттого, что ранее этот спиртной напиток хранили в огромных деревянных бочках.

Русалка появилась волей древней богини Хагуа. Хэнк провел кое-какие изыскания и обнаружил старинную легенду в научном сборнике карибских сказок и преданий. Всего один параграф, но в нем говорилось о русалке по имени Ай-кайя. Она была изгнана в море за свою красоту, досаждавшую соплеменницам. Теперь же выяснилось, что это вовсе не предание.

Хэнк вернулся на остров вместе с отцом в надежде вновь увидеть красавицу, но поклялся остановить своего родителя, если тот попытается завладеть ею. Вот почему юноша оказался здесь, на богом забытом острове, посреди урагана, во время последнего семестра в юридической школе. Отец окончательно сбрендил. Родители наконец расстались, и Хэнк был рад этому. Русалка стала последней каплей в их раздоре. Мать по секрету сообщила сыну, что уходит — спасается бегством, как она выразилась.

Хэнк ломал голову над тем, как перехитрить отца и помешать ему снова пленить несчастное создание. После сцены в кабаке он догадался, что жители поселка знают, где скрывается русалка.

— Папа, — произнес Хэнк. — Может, она просто не твоя собственность.

— Что? Не моя собственность? Она моя! Может... — Томас Клэйсон, воспламененный стоградусным ромом, которым можно заправлять зажигалки, чистить серебро и разжигать огонь, метнул на сына испепеляющий взгляд, — может, они тебе просто не нравятся...

— Кто, папа? Русалки?

— Нет.

— А кто?

Отец грохнул по столу пустым стаканом и вытер губы рукавом.

— Женщины.

Хэнку был двадцать один год. Парень хорошел не по дням, а по часам. Он любил многое: свою мать, стихи, друзей, вишневое мороженое, свежие помидоры, Майлза Дэвиса, «Рамоунз», осень, русалку и — да! — женщин тоже. Он любовался девичьими ножками и улыбками, ему нравились и робкие, и нахальные, и — да, да! — мужчины нравились тоже.

— Может, я сам буду решать, кого любить, папа, — ответил Хэнк.

Старик закатил глаза.

— А не пошел бы ты вместе со своей матерью к черту, — пробормотал он и рухнул плашмя на стол.

Пикап въехал на мол задним ходом. Волны вздымались и хлестали по окнам машины. Айкайя прекратила петь. Дэвид ухитрился довести машину почти до самого края. Громадные валы столь яростно атаковали причал, что дальний его конец терялся в пенных брызгах.

Лайф с Дэвидом выпрыгнули из кабины, а мисс Рэйн с Реджи вскарабкались в кузов. Хлестал ливень. Сквозь завывания ветра слышался женский смех.

Притихшая русалка посмотрела на своих друзей, задержала взгляд на Реджи и жестами что-то ему сказала. Хвост и кожа Айкайи сделались темными, как чернила, и вся она сверкала, словно облачившись в камуфляж, чтобы слиться с небом и морем. Дорожки слез исполосовали ее лицо. Айкайя была ослепительна в своей печали, горя о том, чего она опять лишалась в своем изгнании.

Ее друзья взяли за края брезента, на котором она покоилась, выволокли свою ношу из кузова и подтащили к краю мола. И здесь, рядом с беснующимся морем, на том самом причале,

где Дэвид впервые увидел Айкайю распятой и спас ее, влюбленные попрощались.

Они приникли друг к другу, и Дэвид прошептал ей в ухо:

— Мы еще встретимся, любимая. Мы встретимся с тобой там, где познакомились, у острых скал, в том же месте в то же время в следующем году. Я буду ждать тебя там, и мы снова увидимся, сердечный друг.

Они обнялись, Айкайя соскользнула с брезента в море и через секунду исчезла в бушующих волнах.

Дневник Дэвида Батиста, февраль 2016-го

Мы поспешили домой. Дождь заглушал слова и мысли. В моей груди разрасталась небывалая ярость. Наказание постигло не только ее, но и меня. И беднягу Реджи. Я никогда не видел его таким несчастным. Любовь к другому человеку, даже такому чистому, имеет свои законы и своих законодателей. Люди обожают мучить друг друга: женщины завидуют друг другу,

мужчины издеваются над ними. Той ночью, когда я вел машину домой, в сердце моем бурлили нехорошие чувства. Я надеялся, что Айкайя слышала мои слова, и мы с ней еще увидимся, когда минует буря и пройдет время.

Поднявшись на холм, мы поняли, что ураган доберется до нас через несколько часов. Я и не думал возвращаться к себе, я не был дома с тех пор, как Портос и его люди похитили нас. Мое жилище, вне всякого сомнения, будет стерто с лица земли. У мисс Рэйн в доме имелся большой подвал. Вернувшись, мы тут же принялись перетаскивать вниз матрасы, постельные принадлежности, керосиновые лампы и продукты. Туда же отправили собак и даже этих дурацких павлинов. Жизнь дома полностью переместилась в подполье, где было безопасно.

Когда мы окончательно устроились там, было около двух часов ночи. Никто не упоминал о русалке, хотя догадываюсь, что каждый думал только о ней. Преисподняя явилась к нам и забрала ее с собой. Я знал, что жизнь моя никогда уже не будет прежней. В свои двадцать шесть лет я понял, что первая половина моего земного пути завершена. Завтра все изменится. Я оказался прав.

На следующее утро, двадцать седьмого августа 1976 года, приблизительно в шесть часов утра, «Розамунда» обрушилась на остров Черной Раковины. Это был самый разрушительный тропический циклон конца двадцатого века, прямой наводкой опустошивший один из Малых Антильских островов.

Дэвид, Реджи, Лайф, мисс Рэйн, ее собаки и шесть павлинов укрылись в подвале огромного дома. Скорость ветра достигла ста восьмидесяти пяти миль в час, и ураган был отнесен к пятой категории. Он повалил лес на холмах: красное дерево, испанские вязы. За считанные часы расправился со всеми старыми цекропиями. Даже исполинская смоковница раскололась надвое. Ветер ревел так, будто по земле несло стадо диких скакунов. Люди, сидевшие в подвале, слышали, как дом сотрясается до основания. У старой обшивки не было шанса уцелеть. Вихрь вырывал и уносил столетние доски, ставни, шиферную черепицу с крыши. Каждая из этих черепиц некогда была вручную уложена и прибита гвоздями к стропилам. Подхваченные бурей, явившейся за русалкой, они

устремлялись в огромную мусорную воронку. Это в воинственном исступлении размахивала руками сама Гуабансекс — повелительница ветров.

Ураган бесновался больше часа, после чего над домом повис «глаз бури»⁴⁰. Затишье ужасало сильнее, чем свирепый вихрь.

— Слушайте! — воскликнул Лайф.

Но слушать было нечего. Мисс Рэйн еще крепче обняла Реджи. Русалка Айкайя была уже далеко, она направлялась на север.

— Слушайте!

Ветер смолк. И смех тоже. Мертвая тишина. Словно замерла жизнь человеческой души.

Руки мисс Рэйн покрылись мурашками. Она перекрестилась и стала бормотать единственную молитву, которую помнила:

— Радуйся, Мария, благодати полная...

Реджи рыдал в объятиях матери.

Затишье продолжалось около двадцати минут, пока «глаз бури» — зияющая дыра — проплывал над домом.

⁴⁰ «Глаз бури» — центр тропического циклона, приносящий с собой кратковременное прояснение и относительно затишье.

И в те минуты безмолвия Лайф отчетливо понял, что хочет жить здесь, со своей семьей, женой и сыном, и никогда уже их не оставит. Дэвид понял, что будет вечно одинок и всю жизнь ему суждено смотреть на море, ища глазами Ай-кайю. Мисс Рэйн поняла, что ее жилище разрушено, и испытала определенное облегчение. Она уже знала, что не станет восстанавливать дом, просто уедет, найдет другое место неподалеку и поселится там.

Буря сносила все на своем пути, таков был ее грандиозный замысел, ее значение. Аркадия распродаст всю землю, какую сможет, а то и раздаст даром. Единственное, чего ей хотелось, — остаться целой и невредимой. Реджи приник к груди матери. Вся эта стремительная свистопляска так и не уложилась в его голове: сначала подруга, потом отец, а напоследок ураган.

Когда «глаз бури» уплыл и опять понеслись ветры, расправляясь с останками огромного дома, деревьями и строениями на холмах, все сидели смирно, углубившись в себя и ожидая. Лайф подошел к Аркадии, крепко обнял ее и сына, почесал подбородок и подумал о русалке, повлиявшей на всю его жизнь и научившей

его отваге. Остров Черной Раковины все-таки изменился, на что Лайф уже и не надеялся.

Бывают места, что не меняются веками, где все остается по-старому, — но не этот край, не эта окончечность суши, вдающаяся в море, не эта земля, где бродят тени его предков, а боги по-прежнему хохочут и глумятся.

Люди ждали, когда минует буря, а когда она наконец миновала, выбрались наружу и стали жить дальше.

Благодарности

Эта книга не могла бы появиться на свет без финансовой поддержки Совета по делам искусств Англии (Arts Council of England), Королевского литературного фонда (The Royal Literary Fund) и Авторского фонда (Author's Foundation).

«Русалка с острова Черной Раковины» обязана своим рождением множеству источников: знаменитому стихотворению Неруды «Басня про сирену и пьяниц»; странному, но подлинному происшествию, имевшему место после рыболовных соревнований в Шарлоттвиле на Тобаго в 2013 году; знакомству с историей Айкайи; а также бесчисленным снам и даже ночным кошмарам про русалку, выловленную в море. Сцена ловли — отчасти дань уважения «Островам в океане» Хемингуэя.

Я благодарна Энтони Джозефу, к чьим советам я прислушивалась на раннем этапе и который обратил мое внимание на рассказ Габриэля Гарсиа Маркеса «Самый красивый утопленник на свете».

Мифы о русалках и сиренах существуют во всех уголках планеты; часто это юные девушки, проклятые другими женщинами. Данная книга — новое осмысление сюжета об изгнаннице из далекой эпохи, попавшей на современный карибский остров.

Благодарю Джереми Пойнтинга из издательства «Reeral Tree» за помощь в работе над книгой. Огромное спасибо художникам Хэрриет Шиллито и Джонатану Боуэну, вы — команда мечты. И снова благодарю Пьеро Гверрини и Иветт Рофи за пристанище. Спасибо Изобел Диксон, моему агенту на протяжении долгих лет, за ее веру в русалку. Изобел послужила «снастью» для вытягивания этой легенды из моря. Особая благодарность тебе, а также жест глубокой признательности тем женщинам, которыми я восхищаюсь и которые поддерживали мой боевой настрой: Карен Мартинес, Люси Ханна, Элейк Пилгрим, Хадассе Уильямс, Жильберте О'Салливан, Айре Матур, Лайзе Эллен Агостини, Сонье Дюма, Анне Леви, Шивани Рэмлокан, Джаннин Хорсфорд, Жаклин Бишоп и Лоретте Коллинз Клоба. И всем моим сестрам по перу.

Об авторе

Моник Рофи родилась в Порт-оф-Спейне на острове Тринидад. Образование получила главным образом в Великобритании. Из-под ее пера ранее вышли шесть книг: пять романов и мемуары. Действие трех романов происходит на Тринидаде и в Карибском регионе.

«Белая женщина на зеленом велосипеде» (2009) вошла в список финалистов «Orange Prize» в 2010 году и «Encore Award» в 2011 году. «Архипелаг» (2012) в 2013 году получил награду «OCM BOCAS Award for Caribbean Literature» и вошел в список финалистов «Orion Award» в 2014-м. «Дом праха», опубликованный в 2014 году, основан на реальных событиях и повествует о неудавшемся военном перевороте. В 2015 году он вошел в список финалистов «COSTA Fiction Award» и был номинирован

на премию «OCM VOCAS Award». Предпоследний роман, «Свидание», увидел свет в 2017 году в независимом издательстве «Dodo Ink».

Произведения Моник Рофи переведены на пять языков. Мемуары «С его поцелуями» посвящены теме сексуального самопознания зрелой женщины. Эссе писательницы появлялись на страницах журналов «The New York Review of Books», «Boundless», «Wasafiri», «Caribbean Quarterly», газеты «The Independent». Она имеет степень магистра изящных искусств и читает лекции по литературному мастерству в Манчестерской школе писателей и Манчестерском городском университете, а также является куратором Норвичского писательского центра.

«Русалка с острова Черной Раковины» — седьмая книга Моник Рофи.

Оглавление

Глава 1. «ПРОСТОДУШНЫЙ»	9
Глава 2. «НЕУСТРАШИМЫЙ»	24
Глава 3. СНОВА НА СУШЕ.....	65
Глава 4. НОГИ	115
Глава 5. РЕЧЬ.....	160
Глава 6. ДОЖДЬ ИЗ РЫБЫ.....	196
Глава 7. «БАРРАКУДА».....	228
Глава 8. РАЙ.....	279
Глава 9. ОПЕРАЦИЯ «НАУТИКУС»	313
Глава 10. УРАГАН	337
Глава 11. «РОЗАМУНДА»	361
Благодарности	379
Об авторе.....	381

АРКАДИЯ

Литературно-художественное издание

Для лиц старше 16 лет

Моник Рофи
РУСАЛКА ЧЕРНОЙ РАКОВИНЫ

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Главный редактор *Антонина Галль*
Ведущий редактор *Елена Ступненкова*
Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»
Телефон редакции: (812) 401-62-29
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 02.09.2020.
Формат издания 70×100 1/32. Печ. л. 12,0. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Дата изготовления 02.10.2020. Заказ № 2009790.

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Произведено в Российской Федерации
Срок годности не ограничен

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»:
тел.: (495) 780-00-98

www.labyrinth.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»: www.labyrinth.ru

16+

ЗНАК ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ

